

ISSN 2225-5346
e-ISSN 2686-8989

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

SLOVO.RU:
BAL TIC ACCENT

2020

Том 11
Vol.

№ 3

ПОНЯТИЕ «НАРОД»
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
МОДЕРНА:
РУССКИЙ КОНТЕКСТ

Тематический выпуск

THE CONCEPT «PEOPLE»
IN THE MODERN POLITICAL
THOUGHT:
RUSSIAN CONTEXT

Thematic issue

Издательство Immanuel Kant Baltic Federal
Балтийского федерального University Press
университета им. Иммануила Канта
2020

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ
АКЦЕНТ
2020
Том 11
№ 3

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2020.
133 с.

Учредитель
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Редакция
Адрес: 236022, Россия,
Калининград,
ул. Чернышевского, 56

Издатель
Адрес: 236022, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Типография
Адрес: 236022, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Издание
зарегистрировано
в Федеральной службе
по надзору
в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации
СМИ ПИ
№ ФС77-46308
от 26 августа 2011 г.

Редакционная коллегия

Владимир Александрович Плунгян, доктор филологических наук, академик РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Россия) — и.о. главного редактора; *Сурен Тигранович Золян*, доктор филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — главный научный редактор; *Алексей Николаевич Черняков*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — ответственный редактор; *Наталья Сергеевна Автономова*, доктор философских наук, Институт философии РАН (Россия); *Наталья Михайловна Азарова*, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН (Россия); *Томас Венцлова*, профессор, Йельский университет (США); *Димитр Веселинов*, профессор, Софийский университет им. Святого Климента Охридского (Болгария); *Ив Гамбье*, доктор лингвистики, профессор, Университет Турку (Финляндия); *Игорь Николаевич Данилевский*, доктор исторических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Вера Ивановна Заботкина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (Россия); *Михаил Васильевич Ильин*, доктор политических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Максим Алисимович Кронгауз*, доктор филологических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Александр Васильевич Лавров*, академик РАН, доктор филологических наук, Институт русской литературы РАН (Россия); *Михаил Лотман*, профессор, Таллинский университет, Тартуский университет (Эстония); *Михаил Андреевич Осадчий*, доктор филологических наук, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (Россия); *Джеймс Расселл*, профессор, Гарвардский университет (США), Иерусалимский университет (Израиль); *Игорь Витальевич Силантьев*, доктор филологических наук, Институт филологии СО РАН (Россия); *Игорь Павлович Смирнов*, профессор, Констанцский университет (Германия); *Питер Стайнер*, профессор, Университет Пенсильвании (США); *Григорий Львович Тульчинский*, доктор философских наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Ефим Сергеевич Фидря*, кандидат социологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); *Сергей Львович Фирсов*, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); *Татьяна Валентиновна Цвигун*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); *Вадим Александрович Чалый*, доктор философских наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук, распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р, а также в список журналов, индексируемых в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science, и ядро РИНЦ.

Подписной индекс 36836

Тираж 120 экз.

Дата выхода в свет 11.08.2020 г.

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT
2020
Vol. 11
№ 3

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2020.
133 p.

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Address

14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia,
236016

Editorial office

56 Chernyshevskogo St.,
Kaliningrad, Russia,
236022

Publishing house

6 Gaidara St.,
Kaliningrad, Russia,
236022

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

Mass Media
Registration Certificate
PI № FS77-46308,
on 26 August, 2011

Editorial board

Prof. *Vladimir A. Plungyan*, Full Member of the Russian Academy of Sciences, V. V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences (Russia) – Acting Editor-in-Chief;
Prof. *Suren T. Zolyan*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) – Scientific Editor; Dr *Alexey N. Chernyakov*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) – Executive Editor-in-chief; Prof. *Natalia S. Avtonomova*, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Nataliya M. Azarova*, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Tomas Venclova*, Yale University (USA); Prof. *Dimitar Vesselinov*, Sofia University ‘St. Kliment Ohridski’ (Bulgaria); Prof. *Yves Gambier*, University of Turku (Finland); Prof. *Igor N. Danilevskii*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Vera I. Zabotkina*, Russian State University for the Humanities (Russia); Prof. *Mikhail V. Ilyin*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Maxim A. Krongauz*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Alexander V. Lavrov*, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Mikhail Yu. Lotman*, Tallinn University, University of Tartu (Estonia); Prof. *Mikhail A. Osadchy*, Pushkin State Russian Language Institute (Russia); Prof. *James R. Russell*, Harvard University (USA), the Hebrew University of Jerusalem (Israel); Prof. *Igor V. Silant'ev*, Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Igor P. Smirnov*, University of Konstanz (Germany); Prof. *Peter Steiner*, University of Pennsylvania (United States); Prof. *Grigorii L. Tulchinskii*, St. Petersburg School of Social Sciences and the Humanities, National Research University Higher School of Economics (Russia); Dr *Efim S. Fidrya*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia); Prof. *Sergey L. Firsov*, Saint Petersburg State University (Russia); Dr *Tatyana V. Tsvigun*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia); Prof. *Vadim A. Chaly*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора: понятие «народ» в политической мысли модерна: русский контекст (А. А. Тесля).....	6
Марей А. В. «Народ» в политической мысли европейского модерна: Гоббс, Спиноза, Пуфендорф	8
Панченко А. Б. Концепт «народ» в манифестах А. С. Шишкова в контексте дискурса об Отечественной войне 1812 года.....	25
Дементьев И. О. «Точка отправления народов определяет их судьбы»: Петр Чаадаев и Алексис де Токвиль	42
Саакян Л. Н., Северская О. И. «Русский народ» в литературе и документах XIX века: опыт языкового портретирования.....	57
Золян С. Т. «Соотечественники» в XIX веке — семантический портрет по данным Национального корпуса русского языка.....	72
Гайда Ф. А. Понятие «народ» в кадетской партийной риторике	85
Митрошенкова Л. В. Журнал «1812 год» в контексте юбилейных мероприятий 1912 года.....	99
Козлов Д. В. Концепции гражданства и сословность в русской истории — преемственность и / или разрыв.....	115

CONTENTS

From the editor. The concept “people” in the modern political thought: Russian context (A. A. Teslya).....	6
<i>Marey A. V.</i> The concept “people” in the modern European political thought: Hobbes, Spinoza, Pufendorf.....	8
<i>Panchenko A. B.</i> The concept “people” in A. S. Shishkov’s manifestoes in the discourse of the Patriotic War of 1812	25
<i>Dementev I. O.</i> “The point of departure of peoples determines their fate”: Peter Chaadaev and Alexis de Tocqueville	42
<i>Sahakyan L. N., Severskaya O. I.</i> “Russian people” in the literature and documents of the 19 th century: an experience of linguistic portraiture.....	57
<i>Zolyan S. T.</i> <i>Sootchestvenniki</i> (compatriots) in the 19 th century: semantic profile based on the data of the National Corpus of the Russian language.....	72
<i>Gaida F. A.</i> The concept “people” in the Cadet Party rhetoric.....	85
<i>Mitroschenkova L. V.</i> The journal “1812” and the 100 th anniversary of the Patriotic War of 1812.....	99
<i>Kozlov D. V.</i> The concepts of citizenship and estate in Russian history – continuity and / or intermittence	115

ОТ РЕДАКТОРА

ПОНЯТИЕ «НАРОД» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ МОДЕРНА: РУССКИЙ КОНТЕКСТ

Понятие «народ» является одним из ключевых в классической политической философии — начиная с Античности и вплоть до эпохи высокого модерна. Однако с конца XVIII века оно, за редкими исключениями, перестает быть предметом целенаправленной рефлексии, сменяясь понятиями «нации», «класса» и т.п. Его мнимая ясность, не требующая пояснений, оказывается функционирующей как наполняемая каждый раз разнообразным конкретным содержанием — при этом оно остается, в том числе и по сей день, одним из ключевых слов политического языка.

В этом выпуске мы сосредоточились на изучении функционирования понятия «народ» в эпоху модерна, преимущественно в российском контексте и в период XIX — начала XX века. Собранные под обложкой журнала статьи отражают ряд ключевых аспектов осмысления понятия «народ» и связанных с ним — от политической теории XVIII века, и ныне определяющей базовые аспекты понимания *народа* в политической мысли (которая прямо или косвенно опирается на конструкции, созданные Гоббсом, Пуфендорфом, Руссо, и их переосмысления), до использования этого понятия в интеллектуальных конструкциях и образах, ориентированных на широкую публику начала XX столетия. Подобный подход к анализу концепта связан с презумпцией самостоятельной логики идей, восходящей к представлениям А. Лавджоя и его пониманию интеллектуальной истории: границы произвольного использования понятий довольно узки, так что, вводя в свой интеллектуальный арсенал то или иное понятие, мы оказываемся во власти его внутренней логики — при этом тем в большей степени, чем менее она рефлексивируется нами. Междисциплинарные исследования понятий, в частности «история понятий» в принципиально разнящихся подходах Р. Козеллека и К. Скиннера, лингвокультурологические исследования, работы в области концептологии (см. книгу Ю.С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры»), масса исследований в области семиотики культуры и инициированных ими, в том числе в рамках отгалкивания, — все это создает широкую площадку как для обширных эмпирических, так и для сугубо теоретических трудов. Вместе с тем это и углубленный анализ семантики слова, расширяющий его лексическое значение за счет инкорпорации контекстуальных значений, приобре-

таемых словом в различных дискурсивных практиках¹. Мы надеемся, что данный выпуск журнала не только внесет вклад в изучение истории понятий в Российской империи, но и станет основанием для дальнейшей работы в том же направлении — подробном исследовании ключевых понятий современного политического языка, их межкультурных и межгрупповых трансферов и связи между областями понятийного и образного в сфере политического и социального действия.

Большая часть статей номера — это переработанные и дополненные версии докладов, прозвучавших на прошедшей 25–26 октября 2019 года в Центре исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта научной конференции «Между субъектом и объектом: понятие “народа” в русской мысли XVIII–XX вв.».

Работа редактора номера была осуществлена в рамках гранта Российского научного фонда (РНФ №18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

*Андрей Тесля,
приглашенный редактор номера*

¹ Ср.: «Весьма интересный материал дали бы в этом случае опыты сравнительной характеристики формально одинаковых, но семантически различных (входящих в разные системы) терминов, употребляемых разными публицистами одной эпохи. Так, например, структурно-идеологический метод позволит вскрыть интересную разницу в употреблении одинаковых терминов близкими публицистами, например Чернышевским и Добролюбовым. Однако, подойдя к подобной работе, лингвист неизбежно столкнется с недостаточностью чисто языковедческих методов. Ему придется восстановить идеологическую структуру, взаимообусловленность составляющих ее понятий, прежде чем установить специфику терминов — знаков, служащих для их передачи» (Лотман Ю. М. О разграничении лингвистического и литературоведческого понятия структуры // Вопросы языкознания. 1963. №3. С. 46).

«НАРОД» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ЕВРОПЕЙСКОГО МОДЕРНА: ГОББС, СПИНОЗА, ПУФЕНДОРФ

*А. В. Марей*¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
105066, Россия, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4, стр. 1
Поступила в редакцию 14.01.2020 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-1

Рассмотрена эволюция понятия «народ» в политической философии Томаса Гоббса, Самуила Пуфендорфа и Бенедикта Спинозы. Политическая мысль Европы XVII столетия демонстрирует сознательный уход в сторону от устоявшейся средневековой схоластической традиции мышления о народе и власти. Политика начинает мыслиться как комплекс человеческих действий, направленных на достижение тех или иных человеческих целей в пределах человеческого же мира. Это, в свою очередь, приводит к рационализации политики и, как следствие, к отказу от одной из наиболее сильных мистико-теологических абстракций позднего Средневековья – от понятия народа как некоего мистического тела. Протестантская наука сделает ясный выбор в пользу механицизма в политике, обозначив народ как artificial Person.

Автор подчеркивает, что введение понятия «естественное состояние» привело к изменениям в онтологическом статусе народа в политической теории. Народ становится своего рода «мерцающим субъектом», возникающим при переходе из естественного состояния в гражданское и исчезающим при обратном возвращении. Непосредственно в гражданском состоянии народ актуализируется лишь когда он непосредственно активен, то есть выступает в роли законодателя. В остальных же случаях можно говорить о том, что народ как политический субъект трансформируется в multitudo, состоящее из подданных.

Ключевые слова: народ, государство, естественное состояние, общественный договор, Гоббс, Пуфендорф, Спиноза.

1. Вводные замечания

Понятие «народ» не без основания можно назвать одним из наиболее невезучих в отечественном политико-правовом лексиконе. С одной стороны, само по себе слово «народ» используется практически постоянно, начиная с учреждающих документов (знаменитое «Мы, многонациональный народ Российской Федерации» в Конституции) и заканчивая риторическими конструкциями высокопоставленных чиновников (взять тот же «глубинный народ», изобретенный В. Сурковым). С другой же стороны, сфера значений у этого слова оказывается предельно размытой. Отсутствуют разграничения в таких лексических парах, как «народ и население» (есть даже жуткое слово «народонаселение», которое невозможно перевести ни на один язык мира), «народ и нация», «народ и этнос», «народ и толпа» и т. д. Вместе с тем для европейской

культуры *народ* — это один из смыслообразующих концептов, без которого оказывается невозможным осмысление ни древнеримской, ни средневековой, ни современной политической культуры.

В этой ситуации исследование лексемы «народ» с целью ее концептуализации и последующей кристаллизации в русском языке понятия, соответствующего этому слову, представляется предельно важной задачей. Эта статья, посвященная осмыслению понятия «народ» тремя авторами европейского модерна — Томасом Гоббсом, Бенедиктом Спинозой и Самуилом Пуфендорфом, — оказывается уже третьей в ряду работ, написанных мной за последнее время на схожие темы. Предшествуют ей статья о народе в политической мысли I в. до н.э. — XVII в. н.э., опубликованная в «Социологии власти» (Марей, 2019), и обширная глава об истории понятия «республика», написанная в рамках грантового проекта РНФ, руководимого К.А. Соловьевым. Поэтому, естественно, какие-то фрагменты этой статьи будут опираться на предшествующие тексты или прямо повторять их. В основном же это ранее не публиковавшееся исследование, закрывающее цикл работ о понятии «народ».

Отдельно следует отметить, что в последние десятилетия обсуждаемое понятие снова актуализировалось в политической философии, прежде всего в связи с исследованиями популизма. Несмотря на это, понятию народа *stricto sensu* посвящено относительно небольшое число работ¹. Исследователи политической мысли современной Европы охотно обращаются к понятию *multitudo* у Спинозы и Пуфендорфа², применительно к Руссо обсуждают понятия общественного договора, Республики (государства)³, политического представительства⁴, общей воли⁵ и т.п., но старательно обходят стороной разговор о народе. Попытки обсудить эту тему начинаются только на материале после Великой французской (или Американской) революции (работы той же М. Кэнован, Фр. Браами и т.д.), более же ранний период остается как бы на периферии. Таким образом, в данной статье я, конечно, не закрываю образовавшуюся лауну, но, смею надеяться, привлекаю внимание к существующей проблеме и, по возможности четко, ее очерчиваю.

2. Мерцающий субъект: народ у Томаса Гоббса

В произведениях Томаса Гоббса фигура «народа» встречается чаще всего в трактате «О гражданине» (Hobbes, 1782). В «Левиафане», как вполне понятно, народ отступает на второй план, уступая место, соб-

¹ Об этом, в частности, говорит Маргарет Кэнован — автор одной из немногих работ, посвященных понятию *народ* [Canovan, 2005, p. 23–24]; см. также относительно недавнюю работу Кв. Скиннера: [Skinner, 2018].

² Чтобы не перечислять по-настоящему бесчисленное множество статей о философии Спинозы, я сошлюсь на две фундаментальные работы и на литературу, процитированную в них: (Вирно, 2013; Хардт, Негри, 2006).

³ См.: (Viroli, 1987).

⁴ См.: (Crignon, 2007).

⁵ См.: (Foisneau, 2007).

ственно, Левиафану, то есть государству, возникающему в результате заключения общественного договора. Однако и там автор делает несколько важных замечаний, позволяющих проследить эволюцию понятия «народ» в его мысли. При этом в рамках обоих трактатов остается постоянной величиной борьба Гоббса за новое понимание народа как политического субъекта и политического объединения самого по себе. Для того чтобы преодолеть Цицеронианско-августинианскую трактовку народа⁶, Гоббс концептуализирует термин *multitudo*, то есть «совокупность», придавая ему самостоятельное значение⁷.

Он отталкивается от этого понятия, чтобы затем перейти от него к народу. *Multitudo* понимается им как множество людей, не имеющих единой воли и не способных к единому действию. Таким образом, *совокупность* не может заключать договоры, давать обещания или совершать иные правовые действия; напротив, любое ее действие будет иметь силу лишь в том случае, если каждый из составляющих ее людей выразит соответствующую волю. Иными словами, *multitudo* не является естественным лицом (*persona naturalis*) и не может участвовать в правовом процессе⁸. В случае же, если все члены *совокупности* заключат договор каждый с каждым и в результате договора *совокупность* получит единую волю, ее, скорее, нужно называть народом⁹.

В противоположность *совокупности*, народ предстает у Гоббса единым лицом, обладающим единой волей и могущим совершать единые же действия¹⁰. В рамках политического сообщества эти две сущности вполне могут сосуществовать: *совокупность* всегда подчиняется, тогда

⁶ Об этом см. подробнее статью (Марей, 2019) и библиографию к ней.

⁷ Параграф о Томасе Гоббсе в значительной степени повторяет соответствующий фрагмент главы «Понятие *res publica* в европейской политико-правовой мысли: от древнего Рима до XVII века», написанной мной в рамках проекта проведения фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований международными научными коллективами «Русский республиканизм от Средневековья до конца XX в.» (грант РФФИ №19-48-04112).

⁸ De cive, VI, Annotatio: Multitudo, quia vox collectiva est, significare intelligitur res plures, ut hominum multitudo idem sit quod multi homines. Vox eadem quia numeri est singularis, unam rem significat, nempe unam multitudinem. Ad neutro modo intelligitur multitudo habere unam voluntatem a natura datam, sed alius aliam. Neque ergo attribuenda illi est una actio, quaecunque ea sit. Itaque promittere, pacisci, jus acquirere, jus transferre, facere, habere, possidere, & similia, multitudo non potest, nisi sigillatim sive viritim, ut sint promissa, pacta, jura, actiones, tot quot sunt homines. Quapropter multitudo persona naturalis non est (здесь и далее цитаты из этого сочинения приводятся по изданию (Hobbes, 1782)).

⁹ De cive, VI, Annotatio: Caeterum eadem multitudo, si viritim paciscantur, fore ut unius alicujus hominis voluntas, vel majoris partis ipsorum voluntates consentaneae, pro voluntate omnium habeantur, tunc persona una sit: voluntate enim praedita est, ideoque actiones facere potest voluntarias, quales sunt imperare, leges condere, jus acquirere & transferre & caetera; & populus saepius quam multitudo dicitur.

¹⁰ De cive, XII.8: Populus est unum quid, unam habens voluntatem, & cui actio una attribui possit.

как народ всегда правит¹¹. В аристократии, как утверждает Гоббс, правит народ, который представляет собой курию или сенат, тогда как подчиняется собрание граждан, которые и есть *совокупность*. Даже больше того, говорит он, в монархии складывается совершенно парадоксальная картина, когда король — это народ, в то время как его подданные — *совокупность*¹². Наконец, еще несколькими строками ниже звучит программное утверждение о том, что *cives* — это *multitudo*, тогда как *civitas* — *populus*¹³.

То есть народ у Гоббса получается своего рода «мерцающим субъектом»: он возникает, лишь когда он активен (что опять напоминает о Руссо, о чем речь пойдет дальше); когда же он пассивен, он превращается в *совокупность*, *multitudo*. Парадоксальность ситуации подчеркивается тем, что, заключая общественный договор, люди манифестируют себя как *народ*, то есть политически активный субъект. Но, породив Левиафана и отдав в его пользу практически все свои права, люди отказываются, помимо прочего, и от политической активности, превращаясь тем самым в пассивных подданных — в *multitudo* граждан. Возникает не описанная Гоббсом, но, несомненно, подразумеваемая диалектическая напряженность между пассивной *совокупностью*, чья пассивность поощряется сувереном, и активным народом: *совокупность* тяготеет к тому, чтобы стать народом, вернув себе право на политическую жизнь, однако, получив его, пользуется им для переустройства нового, еще более сильного и жестокого Левиафана.

Обращаясь к пониманию Гоббсом *политического сообщества*, вернемся к его знаменитому определению в 17-й главе «Левиафана», где он описывает и общественный договор, и то, что возникает в результате такового. Согласно ему, такое сообщество, называемое по-английски *Commonwealth*, а на латыни *Civitas*, представляет собой органическое единство, появляющееся в результате объединения многих людей в одно целое¹⁴. Прежде чем продолжать, отмечу важный, по моему мнению, терминологический момент. Томас Гоббс прекрасно владел латинским языком, писал на нем ничуть не хуже, чем на своем родном. И, следовательно, когда он приравнивал понятие *Commonwealth* не к *Respublica*, что казалось очевидным, но именно к *Civitas*, он сделал это намеренно.

¹¹ De cive, XII.8: Populus in omni civitate regnat <...>. Multitudo vero cives sunt, hoc est subditi.

¹² De cive, XII.8: Et in Monarchia, subditi sunt multitudo, & quamquam paradoxum sit, rex est populus.

¹³ De cive, XII.8: ...cives contra civitatem, hoc est, multitudo contra populum...

¹⁴ Leviathan, II.17: This is more than Consent, or Concord; it is a reall Unitie of them all, in one and the same Person, made by Covenant of every man with every man, in such manner, as if every man should say to every man, "I Authorise and give up my Right of Governing my selfe, to this Man, or to this Assembly of men, on this condition, that thou give up thy Right to him, and Authorise all his Actions in like manner." This done, the Multitude so united in one Person, is called a COMMONWEALTH, in latine CIVITAS (здесь и далее цитаты из этого сочинения приводятся по изданию (Hobbes, 2012)).

Ключ к ответу на этот вопрос, как представляется, лежит в латинском тексте «Левиафана», где последняя фраза приведенного в сноске фрагмента выглядит следующим образом: *Quo facto, Multitudo illa una Persona est, & vocatur Civitas & Respublica*. Гоббс, как видно из цитаты, не просто сближает два рассматриваемых термина, но приравнивает их, делает синонимами. *Respublica* для него — уже не некое «общее дело» или «общее достояние», как предлагали древние, но непосредственно совокупность граждан, *Civitas* как гражданская община. Здесь стоит вернуться на несколько строк назад и вспомнить, что в трактате «О гражданине» Гоббс синонимизирует понятия *Populus* и *Civitas*, народ и гражданскую общину, политическую общность и форму ее манифестации. Добавив к этому синонимическому ряду еще и *Respublica*, мы получаем конструкцию, в рамках которой народ оказывается идентичен и форме своего проявления, и объединяющему его принципу, предстает единым целым, имеющим свою цель, видящим свой смысл непосредственно в самом себе и, как следствие, автаркичным, самодостаточным, не нуждающимся во внешних референтах. Отсюда уже остается даже не шаг, но полшага до концепта народного суверенитета, разработанного веком позже Ж.-Ж. Руссо.

Подобная формула объединения действительно представляется схожей с тем, что ранее предлагали Цицерон и Августин, но превосходит их силой и, если угодно, цельностью. У философа из Малмсбери цель народа покоится в нем самом, и достигается это посредством действия, обозначенного по-английски словами *Covenant of every man with every man*, на латыни — *pactum uniuscuiusque cum unoquoque*. Русский перевод этого выражения не вполне удачен — «договор каждого с каждым». Его несовершенство видится в том, что понятие «договор» или же «соглашение каждого с каждым» не передает во всей полноте мысли, вложенной Гоббсом в его термин *Covenant*.

Оставляя в стороне подробный анализ «теологии ковенанта», возникшей и активно развивавшейся в Англии периода ранних Стюартов¹⁵, отмечу здесь лишь два момента. Во-первых, это понятие для Гоббса влекло за собой сильнейшую богословскую нагрузку — в «Библии короля Якова», впервые опубликованной в 1611 году, слово *Covenant* было употреблено почти 300 раз (292, если быть точным), из них 26 раз только в Книге Бытия и использовалось для передачи на английском языке еврейского понятия «завет», то есть договор, заключенный Богом с избранным народом Израиля. В латинском переводе Библии Иеронима этому понятию в примерно равной пропорции были сопоставлены слова *pactum* и *foedus*, первое из которых традиционно обозначало мирное соглашение, как правило, лишённое исковой защиты в суде и соблюдавшееся в силу принципа добросовестности (*bona fides*), второе же использовалось для обозначения союзных договоров, заключавшихся разными племенами с Римом. Таким образом, *Covenant* представлял

¹⁵ О так называемой «теологии ковенанта» с богословской точки зрения см.: (Horton, 2009); об истории понятия *Covenant* и о роли теологии ковенанта в становлении англо-американской политической мысли Нового времени см.: (Gould, 1996; Passerin d'Entreves, 1969; Skinner, 2018; Smith, 2008).

собой не просто некое соглашение, но устанавливающий, конституирующий договор, посредством которого из рассеянных по земле иудеев возник избранный Богом народ.

Это значение было тем очевиднее для читателей «Левиафана», что сразу за упоминанием соглашения и его формулы Гоббс пояснял, что это и есть «происхождение этого великого Левиафана, или, скорее (говоря с большим почтением), того *смертного бога*, которому мы обязаны под бессмертным Богом нашим миром и защищенностью»¹⁶. В Библии Бог посредством *Covenant*'а создал избранный народ, облеченный его помощью и защитой, здесь же, на земле, люди, заключая подобное соглашение, дают жизнь *земному богу*.

Во-вторых, нужно обратить внимание как на формулу соглашения, приведенную в цитате из «Левиафана», так и на определение понятия *Covenant*, которое Гоббс дает несколько раньше. Человек, вступающий в подобное соглашение, согласно философу, говорит следующее: «Я даю право управлять мною и авторизую действия того человека или того собрания людей при условии, что ты передашь ему свое право и авторизуешь его действия в той же манере» (Hobbes, 2012, p. 260). В этой формулировке обращает на себя внимание, во-первых, что она обращена не к правителю или правителям, а к другому человеку, во всем равному говорящему, вступающему в эти отношения. Правитель, о котором я скажу двумя фразами позже, предстает здесь третьим лицом, с кем непосредственно никто и ни о чем не договаривается. Во-вторых, что отмечает и сам Гоббс в 14-й главе «Левиафана»¹⁷, *Covenant* представляет собой весьма своеобразную модель соглашения — это обещание, обращенное в будущее. Человек, вступающий в подобное соглашение, обязуется отдать право на управление им самим и всем, ему принадлежащим, некоему третьему лицу или группе лиц, не получая в этот момент ничего взамен. То, что он ждет в обмен на свое обещание, представляет собой ожидание-в-будущем, ожидание, которое может сбыться, но может и нет.

До этого момента концепция Гоббса могла бы трактоваться как достаточно любопытная, но лишь модификация республиканской теории, описывающая создание политического субъекта, то есть «народа». Однако уже следующая фраза, в которой Гоббс обращается к возникающей фигуре правителя, «того человека или того собрания лиц», в адрес которого отчуждаются права отдельных людей, ярко показывает, что перед нами не республиканский мыслитель. Ибо «тот, кто заботится о возникающем лице, называется *суверенным правителем*, и говорится, что он обладает *суверенной властью*; все же остальные называются под-

¹⁶ Leviathan, II.17: This is the Generation of that great LEVIATHAN, or rather (to speake more reverently) of that Mortall God, to which wee owe under the Immortall God our peace and defence.

¹⁷ Leviathan, I.14: Again one of the Contractors, may deliver the Thing contracted for on his part, and leave the other to perform his part at some determinate time after, and in the mean time be trusted; and then the Contract on his part, is called PACT, or COVENANT: Or both parts may contract now, to performe hereafter: in which cases he that is to performe in time to come, being trusted, his performance is called Keeping of Promise, or Faith...

данными»¹⁸. Как и в случае с Жаном Боденом, чье влияние на политическую теорию Гоббса представляется очевидным, появление концепта *суверенной власти* путает все республиканские расклады, поскольку, напомним, само это понятие уже отрицает возможность распределения власти и, как следствие, ответственности внутри сообщества. Суверен, безусловно, может делегировать свои полномочия, назначая тех или иных лиц на исполнение определенных обязанностей. Но власть этих лиц — магистратов — не будет суверенной, ибо они ей будут обязаны третьему лицу — правителю.

Вступая в политическое сообщество, что можно сделать двумя путями — под воздействием силы или страха (например, подчинение детей отцу или побежденных победителю) либо по доброй воле (собственно, случай *Covenant'a* как разумного выбора свободных людей¹⁹), — человек передает другому не только все свои права, но и даже ответственность за свои действия. Именно эта степень единения, непредставимая не только в случае с Цицероном, но даже и с Августином, и позволяет объединяющимся создать, по сути, единое тело, способное к единым действиям. Обратной же стороной такого объединения становится одиночество индивида, решающегося хотя бы помыслить себя отдельно от Левиафана²⁰. Отдав в результате соглашения все свои права, кроме права на жизнь, человек остается уже не гражданином, но именно что биологическим индивидом, беззащитным в своем одиночестве. Гражданская солидарность оказывается мифом — ведь хотя соглашение и заключает «каждый с каждым», но гарантом и основным бенефициаром его оказывается не контрагент заключающего *Covenant* человека, но тот третий, который сам в договор не вступает и, как следствие, не отвечает по нему. Далее, в случае какого бы то ни было, пусть потенциального, конфликта преследующим оказывается Левиафан, противостоящим же ему — несчастный, запуганный и лишенный собственных прав индивид.

3. *Multitudo, imperium, civitas*: то, что вместо народа

Два следующих автора — Бенедикт Спиноза и Самуил Пуфендорф²¹ — в данном случае объединены под одним заглавием, что объясняется схожестью их политических концепций. Они оба работали в

¹⁸ Leviathan, II.17: And he that carryeth this Person, is called SOVERAIGNE, and said to have sovereign power, and every one besides, his SUBIECT.

¹⁹ Leviathan, II.17: The attaining to this Sovereign Power is by two wayes. One, by Naturall force; as when a man maketh his children, to submit themselves, and their children to his government, as being able to destroy them if they refuse; or by Warre subdueth his enemies to his will, giving them their lives on that condition. The other, is when men agree amongst themselves, to submit to some Man, or Assembly of men, voluntarily, on confidence to be protected by him against all others. This later, may be called a Politicall Common-wealth, or Common-wealth by *Institution*; and the former, a Common-wealth by *Acquisition*.

²⁰ См., напр., книгу Артемия Магуна: (Магун, 2011).

²¹ Этих авторов удобно сравнивать по целому ряду критериев, вплоть до совершенно формального — они одногодки, родились в 1632 году, только Спиноза умер относительно молодым, в 1677, а Пуфендорфу посчастливилось прожить еще семнадцать лет, до 1694 года.

рамках теории общественного договора, оба идейно следовали за Гоббсом, хотя в целом ряде вопросов и спорили с ним. Их трактаты вышли в свет практически одновременно – «Политический трактат» Спинозы был написан в 1675 году и опубликован двумя годами позже, после смерти автора; сочинения Пуфендорфа «О естественном и международном праве», а также «Об обязанностях человека и гражданина...» увидели свет чуть раньше, в 1672 и 1673 году соответственно. Во многом сходятся они и в своих взглядах на народ, хотя здесь и требуется значительно более подробный разговор.

Самуил Пуфендорф в целом идет вслед Гоббсу. Изначально, до общественного договора (в котором Пуфендорф выделяет 3 части, следующих одна за другой: *пакт, декрет и второй пакт*)²² люди описываются им как *множество*, или *совокупность*, то есть как *multitudo*. Обращаясь к анализу этого понятия, Пуфендорф отмечает, что было бы ошибочно уподоблять *совокупность* таким понятиям, как *сенат, войско, сходка* и т.д., поскольку все они, в отличие от *multitudo*, предполагают наличие некоей единой воли, внутреннего структурного единства²³. *Совокупность* же предусматривает наличие (и, как следствие, конкуренцию) стольких волей, сколько участников есть в ее составе. Объединить все частные воли в некоей единой воле *совокупности*, конечно, возможно, но для этого необходимы отдельные соглашения, *пакты*, по выражению Пуфендорфа²⁴. Сама по себе *совокупность* лишена разума, и в своих действиях она руководствуется прежде всего страстями и похотью²⁵. При этом сама природа *совокупности* подразумевает возникновение в ней высшей власти-повеления – *imperium*. Без такой власти, отмечает Пуфендорф, ни одна сколько-нибудь большая *совокупность* не может существовать про-

²² См.: De officio. II.6.7: Porro ut civitas regulari modo coalescat, requiruntur duo pacta, & unum decretum (здесь и далее цитаты из этого сочинения приводятся по изданию (Pufendorf, 1997)).

²³ De jure naturae... VII.2.6: Et quanquam saepe multi homines vocabulo multitudinis, quod unitatem videtur notare, soleam exprimi; tamen si quis accuratius consideret, multitudo non est vox aliqua collectiva seu quae notat unum ex pluribus constans, uti est v. g. exercitus, classis, concio, senatus, &c. Sed revera nil nisi multas res notat, abstrahendo an homogeneae illae sim, an heterogeneae, collectae, an dispersae. Adeoque multitudo hominum revera non est unum aliquid, sed plures homines, quorum unusquisque suam sibi habet voluntatem, & suum circa omnia proponenda judicium. Et proinde multitudini, prout contradistinguitur singulis, una & separata a singulis actio, aut peculiare jus tribui non potest (здесь и далее цитаты из этого сочинения приводятся по изданию (Pufendorf, 1998)).

²⁴ De jure naturae... VII.2.6: Enimvero ut multitudo aliqua, seu multi homines una fiant persona, cui una actio queat tribui, & cui cena jura competant, quatenus singulis opponitur, & quae jura sibi singuli tribuere non possint, necessarium est, ut voluntates viresque suas univerint intervenientibus pactis, sine quibus plurimum natura aequalium conjunctio nequit intelligi.

²⁵ De jure naturae... VII.1.11: ...Multitudo non ratione, sed impetu vivit, ac libidinem pro ratione habet, educationis fere & consuetudinis vitio, qua vis rationis velut obsurdescit.

должительное время²⁶. Несколько забега вперёд, отмечу, что в этом моменте Спиноза будет полностью совпадать с Пуфендорфом²⁷. Наконец, погибнуть *совокупность* может лишь как физический объект, то есть люди, ее составляющие, могут умереть от разных причин, будь то убийства, чума или нечто подобное²⁸.

В результате общественного договора возникает *civitas*, и, как следствие, *совокупность* в теории Пуфендорфа ожидаемо превращается в *народ* (*populus*)²⁹. В отличие от *совокупности* у *народа* есть общая воля, которая вполне может не совпадать с волей отдельных граждан, *народ* обладает высшей властью³⁰. При этом, отмечает Пуфендорф, слово *populus* может менять свое значение в зависимости от установленной формы правления: ведь если при демократии *народ* — это совокупность граждан, причастных к управлению государством, то при монархии или аристократии — объект управления. Это замечание помогает Пуфендорфу оспорить один из сильнейших тезисов Гоббса о том, что народ остается таковым лишь тогда, когда в его руках сосредоточена власть: ведь даже если, говорит Пуфендорф, народ передаст высшую власть королю или иному правителю, он сам не исчезнет и не превратится в распыленную *совокупность*, ибо связывает его не обладание высшей властью, но заключенное ранее соглашение (*pactum*)³¹.

²⁶ De jure naturae... VII.2.4: ...Magna hominum multitudo diu concorditer cohabitare sine imperio nequeat.

²⁷ Cfr. TP.2.17: Hoc jus, quod multitudinis potentiâ definitur, imperium appellari solet. TP.2.21: Verumenimverò, quia ratio pietatem exercere, et animo tranquillo, et bono esse docet, quod non nisi in imperio fieri potest, et praeterea quia fieri nequit, ut multitudo unâ veluti mente ducatur, sicut in imperio requiritur, nisi jura habeat, quae ex rationis praescripto instituta sint, non ergo adeò improprie homines, qui in imperio vivere consueverunt, id peccatum vocant, quod contra rationis dictamen fit, quandoquidem optimi imperii jura ex rationis dictamine institui debent.

²⁸ De jure naturae... VIII.12.8: Interit quoque multitudo hominum, ex qua populus constat, quando non quidem singuli cives extinguuntur; sed tamen sponte ob pestilentiam aut seditionem discedunt, aut vi ita distrahuntur, ut coire amplius inter se nequeant.

²⁹ De jure naturae... VII.2.12: Ante constitutam civitatem multi homines non sum populus, i. e. coetus democraticus.

³⁰ De jure naturae... VII.2.12: Quod enim singuli cives volunt, id non statim vult populus. Et quod singuli cives agunt, non statim habetur pro actione populi, & vice versa. Neque singuli habent summum imperium, aut aliquam ejus partem, sed populus illud habet.

³¹ De jure naturae... VII.2.12: Enimvero quod fundamenti loco heic substernitur; sublata persona, tolli quae adversus illam erat obligationem; intelligendum est de illis casibus, quando persona naturali morte extinguitur, aut quando qualitas illa, super qua obligatio unice fundabatur, expirat. Atqui quando populus liber in regem transfert imperium, neque ipse populus naturali morte extinguitur, neque obligatio regis est fundata in ea qualitate populi, qua liber intelligitur, sed qua deinceps erit coetus civium unius imperio subjectus. <...> Et rege constituto, populus dissolvitur hactenus tantum, quod summum imperium non amplius sit penes concilium ex universis constans; hautquidquam autem tern dissolvitur in multitudinem nullo vinculo connexam, sed manet unus coetus, quem unum imperium, simulque primogenitum illud pactum continet.

С этим утверждением, в свою очередь, связаны еще два момента. Во-первых, Пуфендорф, несмотря на свою явную приверженность монархии, неустанно подчеркивает, что высшая власть всегда принадлежит именно народу. Народ передает ее королю или иному правителю, но это не отменяет того, что именно король существует и устанавливается для блага народа, а не народ для блага короля³². Во-вторых, возникнув однажды, народ уже остается тем же самым (и в этом Пуфендорф совпадает с Фомой Аквинским, совершенно, полагаю, неумышленно), поскольку его суть в форме, а не в материи. Единственным исключением из этого утверждения видится случай, когда некий король военным путем захватывает соседний народ и уводит его к себе в королевство³³. До тех же пор, пока речь идет о том, что одни люди умирают и им наследуют другие, это не затрагивает саму суть народа, он остается тем же, что и был раньше³⁴. Умереть народ может, но, как и *совокупность*, о которой говорилось выше, лишь материально, то есть говорить о смерти народа становится возможным лишь тогда, когда умирает значительная часть составляющих его людей, а оставшиеся разбегаются и не желают жить вместе³⁵.

Подводя предварительные итоги, можно отметить, что в версии Пуфендорфа народ обретает более «классические» черты, привычные современному читателю по литературе учебного и обзорного характера. Он возникает в результате заключения всеми членами *совокупности* общественного договора и представляет собой классическое «искусственное лицо» по Гоббсу. У него есть своя воля, которая может отличаться от воли какого-либо из составляющих его граждан и однозначно

³² De jure naturae... VII.6.6: Pergunt, cum omne regimen sit eorum causa, qui parent, non qui imperant, seu quia rex est propter populum, non populus propter regem; ideo populum utique rege superiorem esse. Id enim sane, propter quod aliud est, nobilius videri eo, quod in istius gratiam est institutum.

³³ De jure naturae... VIII.12.1: Unde & idem est populus sive a rege, sive ab Optimatibus, sive populariter regatur. Quin etsi contingat, ut populus antea liber sub regis alicujus ditionem bello ita perveniat, ut deinceps in ejus patrimonio sit, non ideo idem desinit esse populus; modo rex victor populum subjectum tanquam peculiare regnum in posterum velit regere, non autem tanquam provinciam alteri populo eundem annectere. Cum enim is sit populus, qui complexu suo summum imperium continet; ideo quantum ad naturam populi nihil interest, pleno an minus pleno jure imperium rex obtineat: utrovis enim modo unius & ejusdem corporis caput est.

³⁴ De jure naturae... VIII.12.7: Mutatio denique, qua civitas penitus esse desinit, contingit, quando ipse populus dissolutus fuerit, aut extinctus. Equidem communi dictione jactatur; reges esse mortales, resp. aeternas. Sed hoc ideo dicitur, non quod non populi quoque violento aliquo casu extinguatur aut dissipari queant; sed quia non, uti singuli homines, certo decurso aevi spatio per naturam deficient, sed mutatis licet singulis alii continuo succedant, idque vel surrogatione exterorum in locum deficientium, vel propagatione sobolis. Qua successionis continuatione idem semper populus videtur, iisdemque juribus fruitur, ut ut saepius singuli cives fuerint mutati.

³⁵ De jure naturae... VIII.12.8: Haec quanquam ita sint; fieri tamen utique potest, ut populus aliquis plane intereat, idque si vel simul pereat materiale populi, seu multitudo civium, vel morale vinculum, quo populus cohaeret, abrumpatur. Materiale seu corpus populi perit, vel sublatis simul omnibus partibus, sine quibus corpus subsistere nequit, vel sublata corporis ratione.

превосходит ее, у него есть цели, желания и стремления. Именно народ является собственником верховной власти (*imperium*) и может передавать ее или одному правителю (и тогда это монархия), или нескольким (аристократия). Может народ и не отдавать власть никому, оставляя ее себе, что делает обсуждаемый режим демократическим.

Здесь есть одно понятийное смешение, которое Пуфендорф допускает, как я думаю, вполне осознанно. Одним и тем же словом *народ* он обозначает и то искусственное лицо, что возникает из *совокупности* в результате общественного договора, и тех, кто обладает реальной властью при демократическом режиме. При этом очевидным полагаю то, что эти две общности вовсе не обязательно идентичны друг другу. Единожды возникнув, народ уже никуда не исчезает (если только не вымирает целиком или в большей своей части), но длится, совпадая в своих пространственных границах с территориальным политическим субъектом, то есть с *civitas*.

С политической теорией Бенедикта Спинозы все обстоит совсем не так гладко, как в случае с Пуфендорфом. Для читателей, знакомых с «Политическим трактатом» Спинозы только в русском переводе, это утверждение прозвучит парадоксом, так как слово «народ» будет одним из наиболее часто встречающихся в знакомом им тексте. Однако этот «народ» появляется там только в русской версии, тогда как в оригинале Спиноза последовательно избегает этого слова. На весь «Политический трактат» приходится всего два случая употребления слова *populus*. В «Политико-теологическом трактате» таких случаев больше, но там Спиноза использует термин для обозначения совершенно конкретного народа, а именно иудейского, не распространяя полученные им выводы на все остальные народы и народности. Основным же словом, заменяющим для Спинозы «народ», становится уже знакомая нам по предыдущему рассуждению *совокупность* – *multitudo*. О причинах такого терминологического предпочтения можно лишь гадать, и потому я ограничусь лишь одним предположением, достаточно, на мой взгляд, обоснованным.

В рамках предшествующей Спинозе схоластической традиции термин *populus* был связан, прежде всего, с понятием *populus Romanus* – «римский народ». Понятие это пришло, что естественно, из Древнего Рима, где, как неоднократно отмечалось ранее, было ключевым для цицеронианско-августинианской парадигмы политической, правовой и богословской мысли. Единственность народа (*populus*) при многочисленности окружающих его *gentes* была одним из важных факторов, формировавших римскую политическую идентичность. В последующем, начиная с упомянутого выше Августина, понятие *populus Romanus* приобретает еще одно значение – народ как вся совокупность чад Римской церкви. На том же этапе в текстах появляется и уподобление римского народа другому – некогда избранному, а потом рассеянному и проклятому – народу Израиля. Но даже в этом уподоблении сохраняется единственность народа, некогда Израилева, теперь же римского. Для Спинозы, писавшего, во-первых, в середине XVII века, во-вторых, в протестантских Нидерландах и, в-третьих, выросшего из иудейской религиозной культуры, понятие «римского народа» было чуждым и

лишенным всякого положительного значения³⁶. Тезис же о единственности народа, по всей видимости, им не осмыслился, но воспроизводился в его интеллектуальных практиках. Соответственно, это понятие и было им использовано не для римского, но для иудейского народа, для остальных же политических образований, равно как и для «народа в родовом смысле этого слова», Спинозой было зарезервировано понятие *multitudo*, о котором и пойдет дальше речь.

Multitudo как форма объединения людей возникает еще в естественном состоянии, когда они консолидируют свои силы и воли для того, чтобы выжить и защитить себя от опасностей (собственно, с возникновением *multitudo* естественное состояние и заканчивается). При этом чем больше людей объединяются вместе, тем могущественнее становится *совокупность*³⁷. Здесь есть, однако, и обратная зависимость — чем большее могущество приобретает объединение людей, тем менее сильным по сравнению с ним становится каждый конкретный индивид, входящий в его состав³⁸. Объединяясь, люди консолидируют свои силы, свои умы и свои права воедино, что дает основание говорить, что *совокупность* руководится как бы единым умом (*una veluti mente ducitur*)³⁹. Объединение же прав индивидов в общее право *совокупности* наделяет ее властью (*imperium*) как над этими индивидами, так и во внешнем общении с другими такими же *multitudines*. Величина этой власти, как уже говорилось, находится в арифметической зависимости от количества людей, входящих в данную *совокупность*, — чем их больше, тем она могущественнее, тем, соответственно, больше ее власть⁴⁰. Отмечу и еще одно, очевидное, но важное — власть *совокупности* принадлежит только ей самой, целиком, но никогда не кому-нибудь из ее членов. В противном случае, отмечает Спиноза, вместо *multitudo* возникнет просто неупорядоченная толпа⁴¹.

Собственно, момент возникновения в *совокупности* этой власти (если вообще можно говорить о некоем *моменте* ее возникновения) и есть точка

³⁶ В частности, и потому, что лишь недавно закончилась война Нидерландов за независимость от Священной Римской империи, традиционно претендовавшей на статус «империи римского народа».

³⁷ Это выводится из известного положения Спинозы, включенного им во вторую главу «Политического трактата»: TP.2.11: Si duo simul conveniant, et vires jungant, plus simul possunt, et consequenter plus juris in naturam simul habent, quàm uterque solus, et quò plures necessitudines sic junxerint suas, eò omnes simul plus juris habebunt (здесь и далее цитаты из этого сочинения приводятся по изданию (Spinoza, 2014)).

³⁸ TP.3.2: Ex art. 15 praeced. cap. patet imperii, seu summarum potestatum jus nihil esse praeter ipsum naturae jus, quod potentiâ, non quidem uniuscujusque, sed multitudinis, quae unâ veluti mente ducitur, determinatur, hoc est, quòd sicuti unusquisque in statu naturali, sic etiam totius imperii corpus, et mens tantum juris habet, quantum potentiâ valet; atque ad eò unusquisque civis, seu subditus tantò minus juris habet, quantò ipsa civitas ipso potentior est.

³⁹ См. предыдущее примечание; см. также: TP.2.16: Ubi homines jura communia habent, omnesque unâ veluti mente ducuntur...

⁴⁰ TP.2.17: Hoc jus, quod multitudinis potentiâ definitur, imperium appellari solet.

⁴¹ TP.8.19: ...summa hujus imperii potestas penes universum hoc concilium, non autem penes unumquodque ejusdem membrum est (nam aliàs coetus esset inordinatae multitudinis).

перехода из естественного состояния в гражданское. Формой существования *совокупности* становится *civitas* (в русском переводе «Политического трактата» — «государство»), которое логично передавать в первом значении, как «городская община»⁴². Не стоит забывать, что Спиноза жил и писал в Нидерландах, и политическая реальность, которую он наблюдал вокруг себя, была именно реальностью относительно небольших торговых городов и республик, объединявшихся против общей опасности, но в мирное время сохранявших по отношению друг к другу в лучшем случае нейтралитет. Именно в этом фрагменте «Политического трактата» Спиноза и устанавливает свое знаменитое определение всякого члена гражданской общины одновременно как гражданина, в силу участия в делах управления, и как подданного, в силу подчинения его законам общины⁴³.

В рамках гражданского состояния, таким образом, *multitudo* как бы отходит на второй план, укрывается за формой своего существования, за гражданской общиной. Но при этом она не исчезает и не трансформируется, как бы пребывая в некоем латентном, «дремлющем» состоянии. Это становится особенно заметно в описании Спинозой одной из трех форм правления, а именно монархии. Король, утверждает философ, может передать кому-нибудь свое королевство, но не *imperium*, ибо эта власть принадлежит ему лишь на основании владения и пользования, собственность же на нее сохраняется за *multitudo*. Поэтому, когда король умирает — и здесь можно увидеть элегантнейшую переключку Спинозы с разобраным выше тезисом Гоббса из трактата «О гражданине», — вместе с ним умирает и *status civilis*, и *совокупность* возвращается в естественное состояние. Выходит она из него, передавая власть следующему королю, наследнику умершего⁴⁴. В аристократической и демократической политике этот механизм, что естественно, виден хуже, хотя и там он тоже присутствует.

⁴² TP.3.1: Imperii cujuscunque status dicitur civilis; imperii autem integrum corpus civitas appellatur, et communia imperii negotia, quae ab ejus, qui imperium tenet, directione pendent, respublica. Deinde homines, quatenus ex jure civili omnibus civitatis commodis gaudent, cives appellamus, et subditos, quatenus civitatis institutis, seu legibus parere tenentur.

⁴³ Впоследствии это разделение будет перенято Ж. Ж. Руссо и отражено, в частности, в его знаменитом определении «политического организма»: Du contrat social, I.6: ...A l'égard des associés ils prennent collectivement le nom de peuple, et s'appellent en particulier citoyens comme participant à l'autorité souveraine, et sujets comme soumis aux lois de l'État (см.: (Rousseau, 2001)).

⁴⁴ TP.7.25: Nam regis voluntas tam diu vim juris habet, quamdiu civitatis gladium tenet; imperii namque jus solâ potentiâ definitur. Rex igitur regno cedere quidem potest, sed non imperium alteri tradere, nisi connivente multitudine, vel parte ejus validiore. <...> At regis alia prorsus est ratio: nam regis voluntas ipsum jus civile est, et rex ipsa civitas; mortuo igitur rege obiit quodammodo civitas, et status civilis ad naturalem, et consequenter summa potestas ad multitudinem naturaliter redit, quae propterea jure potest leges novas condere, et veteres abrogare. Atque adeo apparet, neminem regi jure succedere, nisi quem multitudo successorem vult, vel in theocratiâ, qualis Hebraeorum civitas olim fuit, quem Deus per prophetam elegerit. Possemus praeterea haec inde deducere, quod regis gladius, sive jus sit reverâ ipsius multitudinis, sive validioris ejus partis voluntas, vel etiam ex eo, quod homines ratione praediti nunquam suo jure ita cedunt, ut homines esse desinant, et perinde ac pecudes habeantur.

4. Выводы

Как можно понять из сказанного, политическая мысль (можно сказать и «политическая теология») Европы XVII столетия демонстрирует сознательный уход в сторону от устоявшейся средневековой схоластической традиции мышления о народе и власти. Прежде всего «за скобки» описания выводится Бог, политика начинает мыслиться как «искусство целесообразного», то есть как комплекс человеческих действий, направленных на достижение тех или иных человеческих целей в пределах человеческого же мира. Это в свою очередь приводит к рационализации политики и, как следствие, к отказу от одной из наиболее сильных мистико-теологических абстракций позднего Средневековья — от понятия народа как некоего мистического (или, по словам Жака Альмана, «политического» тела (Almain, 1518, f. XLVIv)). Это восприятие еще сохранится на какое-то время в католической и в близкой к ней англиканской традициях, однако протестантская наука сделает ясный выбор в пользу механицизма в политике. Если народ и считать телом, то, очевидно, телом механическим, не «естественным лицом», но — *artificial Person*, как будет определять его Томас Гоббс, а затем и Самуил Пуфендорф. Остаток прежнего «почтительного» отношения к народу можно увидеть в концепции Спинозы, который, по-моему, потому и заменяет *populus* на *multitudo*, резервируя первое слово только для богоизбранного народа иудеев.

Меняется и еще одно. В протестантской мысли, как известно, возникает понятие «естественного состояния», что не может не оказать влияния и на трактовку народа. Народ, как и раньше, в древнем Риме, осмысляемый как сообщество граждан, становится своеобразным «мерцающим субъектом»: он появляется, когда люди, собираясь вместе, манифестируют, посредством общественного договора, свою политическую волю. Он практически исчезает, когда государство — суверен — исполняет свою законодательную функцию; в этот момент, как пишет Спиноза, которому вторит Руссо, можно говорить о подданных, но нельзя — о гражданах. Гоббс, впрочем, предлагает более жесткую альтернативу — народ, как известно из его построений, всегда правит, *совокупность* всегда подчиняется. Следовательно, в условиях, например, абсолютной монархии, народ — это король, а *multitudo* — все остальные. Наконец, он вновь проявляется в случае восстания, или, что сильнее, революции, когда люди спонтанно переучреждают общественный договор. Забегая вперед, отмечу, что подобное свойство народа окажется весьма востребованным позднее, в политической философии XX века, вплоть до тезисов о превращении народа в население (Мишель Фуко) и о формировании государства-минотавра, пожирающего народ и рассеивающего его на отдельных индивидов (Бертран де Жувенель) и т. д.

Список литературы

Вирно П. Грамматика множества. К анализу форм современной жизни. М., 2013.

Магун А. В. Единство и одиночество. Курс политической философии Нового времени. М., 2011.

Марей А. В. Populus: рождение, смерть и воскрешение политического субъекта (от Цицерона до Гоббса) // Социология власти. 2019. Т. 31, №4. С. 95–111.

Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006.

Almain J. Tractatus de Auctoritate Ecclesie et Conciliorum Generalium adversus Thomam de Vio // Aurea clarissimi et acutissimi Doctoris theologi magistri Iacobi Almain Senonensis opuscula. P., 1518.

Canovan M. The People. Cambridge, 2005.

Crignon Ph. La critique de la représentation politique chez Rousseau // Les Études philosophiques. 2007. Vol. 83, №4. P. 481–497.

Foisneau L. Gouverner selon la volonté générale: la souveraineté selon Rousseau et les théories de la raison d'état // Les Études philosophiques. 2007. Vol. 83, №4. P. 463–479.

Gould Ph. Covenant and Republic: Historical Romance and the Politics of Puritanism. Cambridge, MA, 1996.

Hobbes Th. Elementa philosophica. De cive. Basileae, 1782.

Hobbes Th. Leviathan / ed. by N. Malcolm. Oxford, 2012. Vol. 2 : The English and Latin texts.

Horton M. Introducing Covenant Theology. Grand Rapids, 2009.

Passerin d'Entreves A. The Notion of the State. An Introduction to Political Theory. Oxford, 1969.

Pufendorf S. Gesammelte Werke / hrsg. von W. Schmidt-Biggemann. Berlin, 1997. Bd. 2 : De officio / hrsg. von G. Hartung.

Pufendorf S. Gesammelte Werke / hrsg. von W. Schmidt-Biggemann. Berlin, 1998. Bd. 4-2 : De jure naturae et gentium (Liber quintus-octavus) / hrsg. von F. Böhling.

Rousseau J. J. Du contrat social. P., 2001.

Skinner Q. From Humanism to Hobbes: Studies in Rhetoric and Politics. Cambridge, 2018.

Smith A. D. The Cultural Foundations of Nations: Hierarchy, Covenant, and Republic. Oxford, 2008.

Spinoza B. Tutte le opere (Testi originali a fronte) / a cura di A. di Sangiacomo. Milano, 2014.

Viroli M. La théorie du contrat social et le concept de République chez Jean-Jacques Rousseau // Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie / Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy. 1987. Vol. 73, №2. P. 195–215.

Об авторе

Александр Владимирович Марей, кандидат юридических наук, доцент, НИУ «Высшая школа экономики», Россия.

E-mail: fijodalgo@gmail.com

Для цитирования:

Марей А. В. «Народ» в политической мысли европейского модерна: Гоббс, Спиноза, Пуфендорф // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №3. С. 8–24. doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-1.

THE CONCEPT "PEOPLE"
IN THE MODERN EUROPEAN POLITICAL THOUGHT:
HOBBS, SPINOZA, PUFENDORF

A. V. Marey¹

¹ National Research University Higher School of Economics
21/4 Staraya Basmannaya St., Moscow, 105066, Russia

Submitted on January 14, 2020

doi: 10.5922/ 2225-5346-2020-3-1

The author considers the evolution of the concept "people" in the political philosophy of Thomas Hobbes, Samuel Pufendorf and Benedict Spinoza. The political thought of Europe in the 17th century demonstrates a conscious turn from the medieval scholastic tradition of thinking about people and power. Politics begins to be thought of as a complex of human actions aimed at achieving certain human goals. This, in turn, leads to the rationalisation of politics and, as a consequence, to the rejection of one of the most powerful mystical and theological abstractions of the late Middle Ages – the concept "people" as a kind of mystical body. Protestant science makes a clear choice in favour of interpreting the concept as an "artificial person". The author emphasizes that the introduction of the concept "natural state" led to changes in the ontological status of people in political theory. The concept "people" becomes "a flickering subject" that appears during the transition from a natural state to a civil one and disappears when the transition goes in the opposite direction. In a civil state, people become an active subject when they perform the function of the legislator. In other cases, people as a political subject transform into a certain multitude, consisting of separate individuals.

Keywords: *people, state, natural state, social contract, Hobbes, Pufendorf, Spinoza.*

References

- Virno, P., 2013. *Grammatika Mnozhestva. K Analizu Form Sovremennoi Zhizni* [Grammar of the Set. To the Analysis of Forms of Modern Life]. Moscow (in Russ.).
- Magun, A.V., 2011. *Edinstvo i Odinochestvo. Kurs Politicheskoi Filosofii Novogo Vremeni* [Unity and Loneliness. The Course of Political Philosophy of New Time]. Moscow (in Russ.).
- Marey, A.V., 2019. Populus: the Birth, Death and Resurrection of the Political Subject (from Cicero to Hobbes). *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 31 (4), pp. 95–111 (in Russ.).
- Hardt, M. and Negri, A., 2006. *Mnozhestvo: Voina i Demokratiya v Epokhu Imperii* [Scores: War and Democracy in the Age of Empire]. Moscow (in Russ.).
- Almain, J., 1518. *Tractatus de Auctoritate Ecclesie et Conciliorum Generalium adversus Thomam de Vio*. In: J. Almain, ed. Paris: Giles de Gourmont.
- Canovan, M., 2005. *The People*. Cambridge: Polity Press.
- Crignon, P., 2007. La Critique de La Représentation Politique Chez Rousseau. *Les Études philosophiques*, 83 (4), pp. 481–497.
- Foisneau, L., 2007. Gouverner Selon La Volonté Générale: La Souveraineté Selon Rousseau et Les Théories de La Raison d'Etat. *Les Études philosophiques*, 83 (4), pp. 463–479.
- Gould, P., 1996. *Covenant and Republic: Historical Romance and the Politics of Puritanism*. Cambridge, MA: Cambridge University Press.
- Hobbes, Th., 1782. *Elementa philosophica. De cive*. Basileae: apud Johan. Jac. Flick.
- Hobbes, Th., 2012. *Leviathan, Vol. 2: The English and Latin texts*. Oxford: Clarendon Press.

- Horton, M., 2009. *Introducing Covenant Theology*. Grand Rapids: BakerBooks.
- Passerin d'Entreves, A., 1969. *The Notion of the State. An Introduction to Political Theory*. Vol. 2. Oxford: Clarendon Press.
- Pufendorf, S., von., 1997. *Gesammelte Werke. Herausgegeben von Wilhelm Schmidt-Biggemann. Bd. 2. De officio*. Herausgegeben von Gerald Hartung. Berlin: Akademie Verlag.
- Pufendorf, S., von., 1998. *Gesammelte Werke. Herausgegeben von Wilhelm Schmidt-Biggemann. Bd. 4-2. De jure naturae et gentium (Liber quintus-octavus)*. Herausgegeben von Frank Böhling. Berlin: Akademie Verlag.
- Rousseau, J.J., 2001. *Du contrat social*. Paris: Mozambook.
- Skinner, Q., 2018. *From Humanism to Hobbes: Studies in Rhetoric and Politics*. Cambridge University Press.
- Smith, A.D., 2008. *The Cultural Foundations of Nations: Hierarchy, Covenant, and Republic*. Oxford: Blackwell.
- Spinoza, B., 2014. *Tutte le opere (Testi originali a fronte)*. A cura di Andrea di Sanguiacomo. Milano: Bompiani.
- Viroli, M., 1987. La Théorie Du Contrat Social et Le Concept de République Chez Jean-Jacques Rousseau. *Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie*, 73 (2), pp. 195–215.

The author

Dr Alexander V. Marey, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics, Russia.

E-mail: fijodalgo@gmail.com

To cite this article:

Marey, A.V. 2020, The concept “people” in the modern European political thought: Hobbes, Spinoza, Pufendorf, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 3, p. 8–24. doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-1.

КОНЦЕПТ «НАРОД» В МАНИФЕСТАХ А. С. ШИШКОВА В КОНТЕКСТЕ ДИСКУРСА ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

А. Б. Панченко¹

¹ Сургутский государственный педагогический университет
628417, Россия, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2
Поступила в редакцию: 15.12.2019 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-2

Отечественная война 1812 года часто называется в качестве события, повлиявшего на становление русского национального сознания. Однако реальная ситуация была гораздо сложнее, поскольку одновременно сосуществовали еще и имперская и сословная идентичность, часто соединявшиеся в рамках одного дискурса. В условиях фактического запрета на обсуждение идеи гражданской нации российские интеллектуалы сделали акцент на культурно-языковой составляющей национализма. Целью данного исследования стало выделение содержания концепта «народ» в манифестах, написанных А. С. Шишковым и выразивших официальную позицию верховной власти по вопросам национального единства. Для ее достижения был использован метод дискурс-анализа, позволивший поместить тексты А. С. Шишкова в более широкий исторический контекст, проследить их истоки в дискуссиях о языке начала XIX века и определить их влияние на последующий процесс нациестроительства. Будучи сторонником создания русского литературного языка на основе «народного» и «церковнославянского» компонентов, А. С. Шишков воплотил эти взгляды при создании текстов манифестов во время войны 1812 года. Несмотря на то что в них прослеживается определенное противоречие между идеями сословного общества и национального единства, используемые им стиль и образы сделали возможным восприятие текстов представителями всех сословий. В дальнейшем используемое Шишковым понятие народа уже как синонима нации стало общеупотребительным при формировании мифа о войне как общенациональном деле, что легло в основу формирования русского национального сознания.

Ключевые слова: А. С. Шишков, нациестроительство, Отечественная война 1812 года, русский литературный язык.

1. Дискуссии о языке и литературе начала XIX века и формирование взглядов А. С. Шишкова

Война за независимость США и Великая французская революция привели к появлению нового типа общностей — американской и французской гражданских наций. Это сделало необходимым и для других государств активизировать процессы нациестроительства, в основу которых легли поиски объединяющих идей. Однако в Российской империи этот процесс существенно тормозился, поскольку нация, которая раньше ассоциировалась с дворянским сословием, после революций стала соотноситься с идеей всеобщего гражданства и понятиями конституционных реформ (Миллер, 2012, с. 17), проведение которых считалось опасным для государства. Однако успехи национальных государств потребовали от элит Российской империи поиска альтернатив-

ных вариантов нациестроительства, не имеющих отношения к конституции и гражданскому обществу. Для этого было необходимо выдвинуть новые концепты, которые бы перевели дискуссию о нации в принципиально иную плоскость.

Одним из ключевых понятий, используемых вместо термина «нация», стал «народ», имевший к этому времени довольно продолжительную традицию употребления. Как считает Д. Б. Манискалько (2014), еще с XV века народ понимался как политический субъект, являвшийся фундаментом государственной власти. Правда он же указывает, что в качестве термина, обозначающего народ, в то время использовались понятия «люди» и «люди». Изначально этот концепт применялся только к населению столицы, которое могло участвовать в принятии важнейших политических решений (согласие на введение опричнины, избрание на царство Бориса Годунова и Василия Шуйского), но после Земского собора 1613 года, на котором решался вопрос о новой династии, он был распространен на все население России. Собственно понятие «народ», заменившее «людей», стало использоваться только с конца XVII века, причем из реального политического субъекта народ превратился в идеологический конструкт, именем которого происходила легитимация власти в эпоху дворцовых переворотов. Как указывает И. Н. Агейкина (2008), в XVIII веке концепт «народ» уже был хорошо известен читающей публике, что подтверждается анализом материалов Национального корпуса русского языка (Национальный корпус)². Чаще всего в то время он использовался в значении всего населения страны, тогда как слово «люди» стало обозначением низших сословий. В XIX веке сложилась традиция использовать понятие «народ» в трех основных значениях: для определения всего населения страны (в политическом и культурном смысле), как синоним слов «масса» или «толпа» и как обозначение низших сословий. Соответственно, стало возможным использовать именно понятие «народ» вместо «скомпрометированной» конституционным содержанием «нации».

На рубеже XVIII—XIX веков процессы нациестроительства в России проявились в форме дискуссий о русском (или российском — эти понятия часто использовались как синонимы, без сознательного разведения³) литературном языке, по аналогии с теми, которые шли в германских государствах и привели к зарождению романтизма. В это время в

² В целом на протяжении XVIII века слово «народ» в общем корпусе текстов использовалось достаточно часто — от 60 до 400 словоформ на миллион. Причем в поэтическом корпусе частота была еще выше — порядка 200–800 словоформ на миллион. Интересно отметить одно пересечение: 1740–1741 годы были временем наименьшего использования этого слова в общем корпусе (10), но одновременно и наибольшего использования в поэтическом (1300). Этот феномен требует дополнительного исследования.

³ Согласно материалам Национального корпуса русского языка (Национальный корпус, 2020), понятие «российский» чаще использовалось в XVIII веке (частота начинает снижаться с 1772 года, в 1803–1818 годах происходит небольшой подъем, а затем снова снижение), а «русский» — в XIX (подъем начался с 1802 года, правда в 1727–1737 годах был значительный всплеск, который затем также резко пошел на спад). Соответственно, в начале XIX века было практически одинаково распространено использование обоих концептов (в пределах 30–60 словоформ на миллион).

Европе начало формироваться представление о языке и литературе как отражении народного (национального) духа, выросшее на стыке гегелевской философии и идей литературного течения «Буря и натиск». В условиях отсутствия единого германского государства и, соответственно, неактуальности политико-правового аспекта национализма подобный шаг позволил осуществлять нациестроительство усилиями интеллектуалов, которые, таким образом, закладывали фундамент для будущего политического объединения.

В Российской империи проблемный аспект заключался в том, что литературный язык, начало созданию которого было положено в середине XVIII века, в условиях фактического двуязычия дворянства (зачастую владевшего французским лучше, чем русским) и малограмотности остального населения не мог выполнять свою консолидирующую функцию. В результате сформировались два направления литературно-национального дискурса, которые условно можно обозначить как «славянское» и «срединное». Первое было представлено известным поэтом Г. Р. Державиным, президентом Российской академии А. С. Шишковым, писателем-драматургом С. А. Ширинским-Шихматовым, переводчиком и поэтом Н. И. Гнедичем, писателем И. А. Крыловым и другими. Представителями второго направления были журналист и литератор Н. М. Карамзин, поэты В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, В. Л. Пушкин, дипломат С. С. Уваров и ряд других деятелей. Оба течения исходили из существования трех стилей русского (русского) языка, выделенных М. В. Ломоносовым: высокий (включающий слова из церковнославянского языка и редкоупотребимые, но понятные грамотным людям), посредственный (церковнославянский, соединенный с общеупотребимыми словами простонародного языка, которых нет в общеславянском словаре) и низкий (исключительно простонародные слова) (Ломоносов, 1803), но относились к их дальнейшей судьбе по-разному. Сходясь во мнении, что литература и язык суть проявления и средства формирования национального самосознания («Язык есть душа народа, зеркало нравов, верный показатель просвещения, неумолчный проповедник дел» (Шишков, 2011в, с. 44)), они спорили о том, что должно стать основой современного русского литературного языка.

Одним из главных действующих лиц в этот период стал Александр Семенович Шишков, личность которого, несмотря на множество специальных работ, по-прежнему считается весьма неоднозначной. В крупнейшем исследовании о нем (Альтшуллер, 2007) основное внимание уделено его роли в становлении русского литературного языка, но нашли отражение и другие аспекты биографии президента Российской академии. В последнее время А. С. Шишков начинает оцениваться как один из столпов российского консерватизма, его идеолог и практик (Минаков, 2009), борющийся с французским засильем в российской культуре. Тем не менее сохраняется стереотипное представление о Шишкове как «обскуранте» и «реакционере», чьи опыты в создании русского литературного языка могут считаться разве что курьезом⁴.

⁴ Во многом благодаря распространившейся пародийной фразе «Хорошилище грядет из ристалища на позорище по гульбищу в мокроступах и с растопыркой».

И прежде всего он нередко воспринимается как непримиримый оппонент Николая Михайловича Карамзина, которому он полностью проиграл борьбу на «лингвистическом фронте».

Начало дискуссии было положено литературными произведениями и публицистическими статьями Н. М. Карамзина, в которых он выражал сожаление по поводу неразвитости российской светской литературы и старался внести свой вклад, опираясь на принципы, заложенные в литературе французской: «...французский язык весь в книгах (со всеми красками и тенями, как в живописных картинах), а русский только отчасти; французы пишут как говорят, а русские обо многих предметах должны еще говорить так, как напишет человек с талантом» (Карамзин, 1964б, с. 185). Однако Н. М. Карамзин не призывал отказаться от русского языка в пользу французского, а лишь акцентировал внимание на том, что во Франции язык литературы и разговорный язык суть одно и то же, тогда как в России существующий литературный язык (основанный на церковнославянском) непонятен значительной части образованного общества. Более того, в одной из статей Н. М. Карамзин указывал, что время подражания и ученичества по зарубежным образцам для России уже должно было миновать: «Теперь мы уже имеем столько знаний и вкуса в жизни, что могли бы жить, не спрашивая: как живут в Париже и в Лондоне?» (Карамзин, 1964а, с. 287).

Другая проблема заключается в отсутствии образцов для подражания — «Истинных писателей было у нас еще так мало, что они не успели дать нам образцов во многих родах; не успели обогатить слов тонкими идеями; не показали, как надобно выражать приятно некоторые, даже обыкновенные, мысли» (Карамзин, 1964б, с. 185). А причина этого, по мнению Н. М. Карамзина, банальна — авторы просто не хотят прилагать усилия для сочинения того, что мало кто прочтет.

Соответственно, возникала необходимость в «усреднении» русского языка за счет отказа от церковнославянской составляющей. Вместо нее Н. М. Карамзин предложил выстраивать литературный язык на основе разговорного, включая в него заимствования из французского (поскольку он лучше понятен читающей публике, чем церковнославянский) или создавая их аналоги из лексических средств русского языка. По сути, речь шла о необходимости отказа от общеславянской цивилизационной идентичности, но вместо нее предлагалась не западноевропейская, скорее речь шла о создании принципиально новой. Свое отражение она должна была получить в литературе, основанной на синтезе западноевропейских тенденций и «посредственном» стиле русского языка. При этом не оговаривалось, коснется ли эта перемена только образованных сословий Российской империи или же всего населения, включая крепостных крестьян.

На выражение этой позиции последовала резкая реакция А. С. Шишкова, который выступил даже не столько против достаточно умеренного в своих взглядах Н. М. Карамзина, сколько против положения вещей в дворянской среде: использование французского языка в общении и литературе, увлечение французской же философией и пренебрежение русским языком. Причину этого он усматривал в существовавшей тогда системе воспитания:

...ибо какое знание можем мы иметь в природном языке своем, когда дети знатнейших бояр и дворян наших от самых юных ногтей своих находят на руках у Французов, прилепляются к их нравам, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно покупают весь образ мыслей их и понятия, говорят языком их свободнее нежели своим, и даже до того заражаются к ним пристрастием, что не токмо в языке своем никогда не упражняются, не токмо не стыдятся не знать оно, но еще многие из них сим постыднейшим из всех невежеством, как бы некоторым украшающим их достоинством, хвастают и величаются? (Шишков, 1824, с. 5–7).

Именно поэтому, рассуждал А. С. Шишков, и отсутствует качественная русская литература — авторы просто не умеют мыслить по-русски, не знакомы с мудростью народа и обречены быть только подражателями.

Хотя свое организационное оформление в виде небольших кружков эти направления получили несколько позже (в 1811 году прошло первое заседание «Беседы любителей русского слова», а в 1815 году — «Арзамасского общества безвестных людей»), наличие двух принципиально разных позиций было обозначено уже в первые годы XIX века. Будучи внешне спором о литературном языке, фактически дискуссия шла о выборе цивилизационной идентичности — славянской или «срединной», — на основе которой должна была строиться идентичность национальная. Сложность поставленной обеими группами интеллигентно-литераторов задачи усугублялась наложением цивилизационного раскола на сословное деление, из-за чего дворянство, по сути, составляло отдельную нацию, гораздо более близкую к любой из европейских (в том числе и в вопросе усвоения политико-правовой составляющей национализма), чем к основной массе населения России.

О существовании этого раскола, проявившегося в литературе, свидетельствовали слова А. С. Шишкова при открытии «Беседы»:

Словесность нашу можно разделить на три рода. Одна из них давно процветает, и сколько древностью своею, столько же изяществом и высотой всякое новейших языков витийство превосходит. Но она посвящена была одним духовным умствованиям и размышлениям. Отсюда нынешнее наше наречие или слог получил и может еще более получить недостижимую другими языками высоту и крепость. Вторая словесность наша состоит в народном языке — не столь высоком, как священный язык, однако весьма приятном, и который часто в простоте своей сокрывает самое сладкое для сердца и чувств красноречие. <...> Возьмем сии две словесности, т.е. священные книги и народные стихотворения на других языках и сравним их с нашими. Мы увидим, как далеко они от нас отстают. Третья словесность наша, составляющая те роды сочинений, которых мы не имели, процветает не более одного века. Мы взяли ее от чужих народов, но, заимствуя от них хорошее, может быть, слишком рабственно им подражали, и, гоняясь за образом мыслей и свойствами языков их, много отклонили себя от собственных своих понятий (Шишков, 2011г, с. 378–379).

Таким образом, было сформулировано, что духовенство и «народ» (в первую очередь крестьяне) сохранили принадлежность к славянской

цивилизации, тогда как дворянство через использование французского языка переходило к западноевропейской. Причем, как считали А. С. Шишков и его сторонники, это приводило не только к смене идентичности, но и к падению уровня российской литературы. Свою задачу члены «Беседы» видели в том, чтобы восстановить языковое единство через обращение к славянским корням.

В то же время «шишковистов» и «карамзинистов» объединяло категорическое непринятие политических изменений, ведущих к созданию гражданской нации. Эти попытки начались с первых лет правления Александра I и традиционно связывались с именем М. М. Сперанского, который подготовил ряд проектов для кардинальных преобразований в империи. Хотя он не использовал само понятие *нация*, в его текстах отчетливо прослеживалось стремление поставить на первое место именно вопрос гражданских прав, а не культурного единства на основе общего языка и литературы.

Реакция со стороны Н. М. Карамзина последовала достаточно быстро. В 1811 году он представил императору Александру I написанную по просьбе сестры последнего «Записку о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», в которой подверг резкой критике проекты либеральных реформ М. М. Сперанского и самого Александра. Выразив негативное отношение к собственно политическим преобразованиям (создание министерств вместо коллегий, снижение роли Сената и т. д.), Н. М. Карамзин указал, что они не достигают своих целей, в частности, в силу недостаточного народного просвещения, основанного на копировании европейского опыта без учета особенностей России. Весь критический пафос мыслителя можно выразить в одной фразе: «Вся беда от того, что мы образовали свои университеты по немецким, не рассудив, что здесь иные обстоятельства» (Карамзин, 1991, с. 66). Соответственно, все преобразования должны осуществляться согласно народному духу, а не исключительно по воле государя, даже движимого благими намерениями.

Именно за это критике была подвергнута и деятельность Петра I (что ранее было просто немислимо): «Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Петр» (Карамзин, 1991, с. 35). Указание на граждан мира в данном случае подразумевало принятие общеевропейской цивилизационной идентичности за счет утраты национальной. Между тем ранее А. С. Шишков писал прямо противоположное: «Петр Великий желал науки переселить в Россию, но не желал из Россиян сделать Голландцев, Немцев или Французов; не желал русских сделать не Русскими» (Шишков, 1824, с. 462). Интересно, что в данном высказывании одновременно использовались термины «русские» и «россияне», различие между которыми четко не артикулировалось (что было в целом распространено в это время). В дальнейшем, в частности в своих манифестах, А. С. Шишков сохранил эту двойственность.

К 1812 году взгляды А. С. Шихкова по вопросам развития русского языка как средства конструирования единого сообщества уже полностью сложились. С его точки зрения, новый язык должен быть сочета-

нием «народного» и «церковнославянского», одновременно понятным широким массам населения и имеющим средства для выражения сложных понятий. В том случае, если появляются новые термины, отсутствовавшие в словарном запасе, следует либо искать их аналоги, либо переводить (или даже скорее «переоткрывать заново») согласно нормам русского языка, а не просто калькировать (например, слово «баснословие» может служить заменой «мифологии», а «словесность» — «письменности») (Шишков, 2011б, с. 345). Однако, несмотря на активную позицию А. С. Шишкова, его влияние на государственную политику до 1812 года было минимальным, фактически он находился в опале, в отличие от Н. М. Карамзина, который с 1803 года носил звание историографа и даже после критической «Записки о древней и новой России» оставался авторитетным человеком при императорском дворе.

2. Деятельность А. С. Шишкова в ходе Отечественной войны 1812 года и по ее окончании

Приближающаяся война с Наполеоном уже весной 1812 года потребовала от Александра I принципиального изменения взглядов на основу национального единства. По всей видимости, именно тогда возникло понимание того, что использование французского языка дворянством будет негативно восприниматься остальным населением, разделенным на сословия с различными интересами. Встал вопрос о возможном формировании идеи национального единства, основанного на языковой общности (вопрос политического единства был полностью отвергнут, как показала отставка М. М. Сперанского с поста государственного секретаря). Наилучшим кандидатом на роль человека, обеспечивающего трансляцию этой идеи, стал не приближенный ко двору Н. М. Карамзин или кто-то из его соратников, а опальный А. С. Шишков, чье негативное отношение к французскому языку и заимствованиям из него оказалось определяющим аргументом. Помимо этого, за Александром Семеновичем слыла слава знатока как «народного», так и «церковнославянского» языка, что было необходимым условием для создания текстов, понятных для крестьян, мещан и духовенства.

Это было тем более актуально, что в то время, когда война началась, никаких предпосылок того, что она сама по себе приведет к формированию национальной идентичности, не наблюдалось. Среди сословий, составлявших население империи, не было единства в отношении того, стоит ли вообще сражаться за страну. По воспоминаниям современников,

Паника и беспорядок поддерживаются слухами о неимоверно громадных силах Наполеона, доходящих будто бы до миллиона, а равно и слухами о массе возмутителей, возбуждающих народ к бунту, к прекращению полевых работ и избиению помещиков. Слухи эти, по местам подтверждаемые и действительными фактами, проникают и в Москву. Иным уже мерещится пугачевщина <...> и мужики по вкорененным Пугачевым и другими молодыми головами желанию ожидают какой-то вольности (Отечественная война, 1912, т. 3, с. 172).

Во многом именно действия Наполеона, войска которого подавляли выступления против помещиков в Литве и Белоруссии, привели к тому, что крестьяне переменили свои настроения (Бойко, 2012, с. 31). Представители прочих сословий также далеко не всегда горели патриотизмом: дворяне и купцы нередко руководствовались стремлением нажиться на военных поставках (Бойко, 2012, с. 31–33). Сословное деление общества не способствовало формированию национальной идентичности из-за существования серьезных противоречий между различными слоями, а выделение в отдельное сословие представителей многих народов России (как инородцев) препятствовало сложению идентичности общеимперской.

«Пробой пера» для А. С. Шишкова стал манифест о рекрутском наборе, подписанный Александром I 23 марта (по юлианскому календарю) 1812 года. В нем говорилось о «сильном и храбром» народе российском, живущем в мире со всеми остальными народами, но готовом выступить на защиту России независимо от чинов и званий (Шишков, 2011а, с. 48). Из текста видно, что под народом в данном случае понималось все население страны, независимо от сословной принадлежности. Но при этом следует учитывать, что рекрутский набор затрагивал только податные сословия, соответственно именно они были адресатом идеи национального единства. Фактически в данном случае речь шла о необходимости нивелировки существующих культурных различий между дворянами и крестьянами, наиболее отчетливо проявлявшихся именно в использовании разных языков.

Однако из дальнейшего видно, что в манифестах А. С. Шишкова сохранялось различие сословной и национальной идентичностей. Так, в тексте, обращенном к жителям Москвы, только один раз говорилось о «российском воинстве», а собственно призыв защищать Россию был обращен именно к сословиям: «...да распространится в сердцах знаменитого Дворянства Нашего и во всех прочих сословиях дух той праведной брани, какую благословляет Бог и православная наша Церковь» (Шишков, 2011а, с. 62). В другом манифесте, адресованном всему населению России, также один раз упоминался «народ Русский, храбрый потомок храбрых Славян», причем под народом в данном случае понимались исключительно «неблагородные сословия» (в контексте перечисления: дворяне, духовенство, народ). Сам же призыв гласил: «Да встретит он (неприятель. — А. П.) в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном — Палицына, в каждом гражданине — Минина» (Шишков, 2011а, с. 63). Далее в тексте отмечалось, что для победы над врагом все они должны объединиться и действовать вместе (правда, исключительно под предводительством дворян), что можно расценивать как компромисс в условиях сохранения сословного деления.

Важно отметить, что эти манифесты не были обращены к русской или российской нации как единому целому. Понятие «народ» применялось, как правило, по отношению к крестьянскому сословию. Показательным исключением стал текст, написанный А. С. Шишковым после занятия Москвы Наполеоном. В нем ни разу не упоминались сословные различия, зато встречались такие обороты, как «великий народ

российский», «Сколь ни болезненно всякому Русскому слышать» и «Верный народ Твой (Бога. — А. П.)» (Шишков, 2011а, с. 68–70). Связано это было, скорее всего, с серьезностью самого события — впервые за последние двести лет древняя столица оказалась в руках неприятеля. Но уже после отступления французов из Москвы в тексты вновь возвращаются сословия: «Знаменитое дворянство не пощадило ничего к умножению государственных сил! Почтенное купечество ознаменовало себя всякого рода пожертвованиями. Верный народ, мещанство и крестьяне показали такие опыты верности и любви к Отечеству, какие одному только русскому народу свойственны» (Шишков, 2011а, с. 78–79). И вновь понятие «русский народ» прилагалось исключительно к низшим сословиям. Таким образом, мы можем видеть, как в манифестах А. С. Шишкова отражалось двойственное отношение к проблеме нации и национального единства — сохранение сословности при создании единого языкового и символического пространства, основанного на языке, используемом крестьянством и духовенством, но не дворянством.

При этом манифесты были ориентированы в первую очередь на образованную публику, тогда как для большей части населения страны определяющую роль в формировании идеи национального единства играли совершенно иные источники. Е. А. Вишленкова точно подмечает, что в ориентированных на широкие массы визуальных текстах и проповедях параллельно сосуществовали несколько версий войны: как столкновение космогонических сил, как борьба за национальную независимость и как противостояние разбойничьему нападению (Вишленкова, 2011, с. 167). В карикатурах и лубочных картинах практически отсутствовало противопоставление русского и французского народов, скорее речь шла об извечной борьбе добра со злом. Хотя время от времени в визуальных текстах проскальзывали упоминания о «русском народе», но в большинстве случаев это понятие также относилось к крестьянам или мещанам и не использовалось для совокупного обозначения всех сословий.

О том, что война не изменила баланс между идеей сословности и национального единства, свидетельствуют слова последнего манифеста «О принесении Господу Богу благодарения за освобождение России от нашествия неприятельского», опубликованного после изгнания французов за пределы России: «Войско, Вельможи, Дворянство, Духовенство, купечество, народ, словом, все Государственные чины и состояния, не щадя имуществ своих, ни жизни, составили единую душу, душу вместе мужественную и благочестивую, только же пылающую любовь к отечеству, только любовью к Богу» (Шишков, 2011а, с. 84). Сословная идентичность в это время продолжала быть определяющей, тогда как национальная практически отсутствовала, что коренным образом отличало Российскую империю начала XIX века от Франции, США или бывших испанских колоний в Латинской Америке, как раз в то время борющихся за национальную независимость.

Окончание войны принципиально не изменило отношения власти к населению страны — оно по-прежнему воспринималось как состоящее из различных сословий. Показателен в этом отношении манифест

«О учреждении крестов для Духовенства, а для воинства, дворянства и купечества медалей и о разных льготах и милостях» (от 30 августа 1814 года), само название которого воспроизводило существующее деление общества. В тексте последовательно перечислялись священство, воинство, дворянство («верная и крепкая ограда Престола, ум и душа народа»), купечество, мещанство и крестьяне («верный Наш народ») (Полное собрание, 1830а, с. 906—910). Понятие *народ*, как и прежде, применялось в тексте исключительно к крестьянству, но интересно, что дворяне названы «умом и душой народа». Здесь заметна первая попытка обозначить существование единства между хотя бы двумя основными сословиями.

Наконец, обратимся к еще одному тексту александровской эпохи — манифесту «О благополучном окончании войны с Французами и об изъявлении Высочайшей признательности к верноподданному народу, за оказанные в продолжении войны подвиги» (от 1 января 1816 года), который можно считать первой попыткой общего осмысления итогов войны (Шишков, 2011а, с. 194—203). В этом сочинении (последнем, написанном А. С. Шишковым для Александра I) понятие народ в том или ином виде упоминалось 22 раза, по большей части по отношению к народам Европы, французскому народу (понимаемому и как простонародье, и как нация в целом). Применительно к России этот термин упоминался трижды, причем один раз в очень любопытном контексте — как «Российское Христолюбивое воинство и народ», один раз говорилось и «Россияне, любезные Наши верноподданные». По всей видимости, это была первая попытка в послевоенную эпоху подчеркнуть единство всех сословий России как россиян, которые в равной мере все являются верноподданными. Таким образом, понятие подданства должно было заменить идею гражданства, которая после победы над Наполеоном стала восприниматься как еще более маргинальная.

Нельзя обойти стороной еще один связанный с национализмом аспект, проявившийся в манифестах А. С. Шишкова: одновременное использование понятий «русский» и «российский». Хотя часто они применялись как синонимы, в ряде случаев между ними существовало определенное различие. Так, термин «российский» чаще употреблялся по отношению ко всему населению империи либо к армии. В то же время понятие «русский», как правило, добавлялось в том случае, если речь шла о крестьянстве и мещанстве. Здесь можно провести параллели с наметившейся практически то же время тенденцией в историописании — на смену «Российской истории» стала приходиться «Русская» или даже «История русского народа». Возможно, мы имеем дело с началом процесса разведения в российской традиции понятий «государство» и «народ» (понимаемый как нация в культурно-языковом смысле, основу которой составляет крестьянство и мещанство).

Как отмечает А. Е. Гребенщиков, «устремление Шишкова обеспечить национальное единство русского народа в условиях сословного неравенства было основанием его консервативных взглядов» (Гребенщиков, 2019, с. 89). Данное утверждение требует дополнительного комментария, поскольку концепт «русский народ» все-таки обозначал для

А. С. Шишкова в первую очередь крестьян и мещан (в которых он видел настоящих носителей живого русского языка в противовес франкоговорящему дворянству), а не все население России. При этом сословный характер шишковского дискурса не вызывает сомнений: даже говоря о необходимости сплочения, он продолжал использовать категории сословий.

Следует отметить, что одновременно с А. С. Шишковым тема «народа» поднималась на страницах журнала «Сын Отечества» (Агейкина, 2008, с. 230–231). В нем приоритет отдавался пониманию народа как «органического внесословного единства», что должно было сплотить все слои населения Российской империи в борьбе с Наполеоном, а сама война позиционировалась как народная. При этом важно подчеркнуть, что в обоих случаях понятие *народ* использовалось в мобилизационном контексте, что ограничивало его применение после окончания войны, когда потребность в единстве всех слоев населения исчезла.

3. «Воспоминания» о войне и идеи надсословного национализма после А. С. Шишкова

После окончания войны процесс конструирования национальной идентичности продолжился в литературно-языковом дискурсе. В 1815–1816 годах активно полемизировали «Беседа» и «Арзамас». Хотя они и критиковали друг друга, накал противостояния постепенно спадал и начали нащупываться точки соприкосновения. Наиболее показателен здесь пример А. С. Пушкина, который изначально был одним из самых едких критиков «Беседы»⁵, а в дальнейшем признал заслуги А. С. Шишкова в деле развития русского языка⁶. После 1818 года началось снижение частоты использования слова «народ» (с более чем 600 словоформ на миллион до 270 в 1825 году) (Национальный корпус, 2020), что стало следствием прекращения этой полемики. В дальнейшем частота употребления этого концепта в целом оставалась стабильной вплоть до революции 1917 года, заметно превосходя частоту использования концепта «народность» (максимум – 20 словоформ на миллион в 1859 году).

Дальнейший процесс нациестроительства в Российской империи шел достаточно медленно. Даже само понятие «Отечественная война» (в смысле общенародная, общенациональная), которое могло бы считаться «первой ласточкой» зарождения национальной идентичности, в первые послевоенные годы не использовалось. По мнению И. Горолевича, «само название “Отечественная война” появилось впервые в книге участника многих военных кампаний с Наполеоном (с 1805 по 1813 год)

⁵ Эпиграмма (1815): «Угрюмых тройка есть певцов – / Шихматов, Шаховской, Шишков. / Уму есть тройка супостатов – / Шишков наш, Шаховской, Шихматов. / Но кто глупей из тройки злой? / Шишков, Шихматов, Шаховской».

⁶ «Второе послание цензору» (1824): «Министра честного наш добрый царь избрал, / Шишков наук уже правленью восприял. / Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа, / Он славен славою двенадцатого года; / Один в толпе вельмож он русских муз любил, / Их, незамеченных, созвал, соединил; / Осиротелого венца Екатерины / От хлада наших дней укрыл он лавр единый».

Ф. Н. Глинки «Письма русского офицера...», изданной в Москве в 1815–1816 годах и ставшей в то время одной из самых читаемых в России» (Горолевич, 2011). Правда, стоит отметить, что словосочетание «отечественная война» (именно так, со строчной буквы) в этом сочинении присутствует лишь однажды — в предисловии, написанном братом Федора Николаевича Сергеем (Глинка, 1821, с. 35) (в самом тексте один раз упоминалась «народная война», переведенная на французский как *guerre nationale* — национальная война (Глинка, 1821, с. 70–71)). Очевидно, что это понятие изначально использовалось для того, чтобы отделить военные действия, шедшие на территории России, от «Заграничного похода» 1813 года. Это коренным образом отличает Отечественную войну 1812 года от Великой Отечественной войны (которая, как известно, продолжалась не до момента изгнания неприятеля за пределы СССР, а до окончательной капитуляции Германии).

В дальнейшем понятие «отечественная война» еще несколько раз упоминалось в отдельных указах, изданных в правление Николая I, например «О зачете в действительную службу времени бытности в ополчении нижним чином, ныне в войсках находящихся» (от 14 апреля 1829 года), где говорилось о продолжавших службу в ополчении после окончания отечественной войны 1812 года (Полное собрание, 1830б, с. 257) или «О назначении двух инвалидов для надзора за порядком и чистотою при Бородинском памятнике» (от 23 марта 1839 года), где назывались памятники сражений отечественной войны (Полное собрание, 1840, с. 278–279). При Александре I в законодательных актах об отечественной войне ничего не говорилось.

Более серьезные попытки найти значимые символы, вокруг которых может быть построена национальная идентичность, оказались связаны с четвертьвековым юбилеем победы над Наполеоном. В результате по высочайшему повелению Николая I был подготовлен первый обобщающий труд «Описание Отечественной войны в 1812 году» (опубликован в 1839 году), автором которого стал генерал-лейтенант А. И. Михайловский-Данилевский. В этом сочинении впервые использовалось написание словосочетания «Отечественная война» с прописной буквы, а понимание этого термина вместо территориального стало национальным. Собственно, с «Описания» и начинается миф об общенациональном характере войны. Уже в предисловии автор писал: «Отечественная война была борьбою, где участвовала вся Россия. Когда 300 000 наших воинов бились с толпами Запада, пятьдесят миллионов Русских не были праздными зрителями, сложа руки, в ожидании, чем решится роковой спор: “кому быть, кому не быть?”» (Михайловский-Данилевский, 1839, с. XII). «Русские» и «Русский народ» встречались в этом тексте повсеместно, тогда как о существовавших сословных различиях речи практически не было.

Однако формирование надсословного русского (или российского) национализма было невозможным без ликвидации сословных различий, чего за годы правления Николая I так и не произошло. Из-за этого влияние «Описания» было относительно небольшим. Ситуация могла измениться с началом Великих реформ, направленных, помимо проче-

го, и на строительство внесословного общества. Однако пятидесятилетний юбилей Отечественной войны не вызвал сколько-нибудь серьезного ажиотажа, совпав с празднованием тысячелетия России.

Гораздо более значительный эффект был связан со столетним юбилеем. Если в предшествующие годы Отечественной войне были посвящены только отдельные статьи в специальных исторических журналах, рассчитанных на узкий круг специалистов, то около 1912 года начали массово выходить как монументальные исследования, так и популярные издания, литературные произведения и издания воспоминаний и дневников участников тех событий, предназначенные для широких слоев общества.

Общей чертой большинства подобных сочинений было понимание Отечественной войны 1812 года как дела общенационального. Позицию этих авторов можно свести к такой цитате: «Отечественная война была войной народной, захватившей все слои тогдашнего населения, от Царя до старостихи Василисы» (Муратов, 1912, с. 4). Страницы этих изданий пестрят словосочетаниями «русский народ», «русские люди», «русское общество». У авторов не вызывало сомнений, что та война была войной народной, в которой принимали участия не сословия, но народ как целое. Даже редакторы фундаментального издания «Отечественная война и русское общество: 1812–1912», отмечая, что над этой темой работают многие и «в числе этих работ будут такие, которые постараются разбудить в читателе низменные шовинистические чувства. Мы не встанем на этот путь... Мы будем удовлетворены, если русское общество признает, что книга добросовестно старалась нарисовать верную картину Отечественной войны, поставленной в правильные исторические рамки» (Отечественная война, 1912, т. 1, с. V), оперировали понятием «русское общество», что являлось явной модернизацией. Это позволяет трактовать историческую память об Отечественной войне как один из механизмов конструирования национальной идентичности — создания русской нации.

Война 1812 года, безусловно, была одним из важнейших событий истории России. Однако она не стала тем катализатором, который запустил процесс формирования национальной идентичности, подобно многим другим войнам рубежа XVIII–XIX веков. Сословные различия существовали и во время этого конфликта, и долгие годы после его окончания. Но в дальнейшем вокруг этой войны начал конструироваться большой исторический миф, в котором она стала примером национального единения. И именно «воспоминания о войне» сыграли существенную роль в конструировании русской нации к 1912 году. Несмотря на то что в дальнейшем фигура А. С. Шишкова практически не упоминается, его вклад в начало процесса нациестроительства в Российской империи нельзя недооценивать. Хотя его манифестам была присуща определенная непоследовательность при попытке соединить сохранение сословных различий и формирование общенационального единства, в данном случае важны не только содержание, но и используемые средства. Именно А. С. Шишков пытался создать язык описания, понятный всем сословиям империи и при этом опирающийся на суще-

ствующую традицию, при сведении иноязычных заимствований к минимуму. Его манифесты заложили основу дальнейшего восприятия войны 1812 года как народной, в ходе которой произошло объединение всех сословий и началось формирование русской / российской нации.

Список литературы

Агейкина И. Н. Идеологемы «Народ» и «Народность» в русской публицистике XIX в. // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языковедение. Культурология. 2008. №11. С. 228–237.

Альшиллер М. Г. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. 2-е изд. М., 2007.

Бойко П. Сословия Российской империи в Отечественной войне 1812 г. // Русин. 2012. №4. С. 29–38.

Вишленкова Е. А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011.

Глинка Ф. Письма русского офицера о военных происшествиях 1812 года. М., 1821.

Горелевич И. Война 1812 года: политический анализ // Красная звезда. 2011. 20 апр. URL: http://old.redstar.ru/2011/04/20_04/20_04/5_03.html (дата обращения: 29.11.2019).

Гребенников А. Е. Взгляды адмирала А. С. Шишкова на сословный вопрос в России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. 2016. №1. С. 85–89.

Карамзин Н. М. О любви к отечеству и народной гордости // Избр. соч. : в 2 т. М., 1964а. Т. 2. С. 280–287.

Карамзин Н. М. Отчего в России мало авторских талантов? // Избр. соч. : в 2 т. М., 1964б. Т. 2. С. 183–187.

Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.

Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Полное собрание сочинений Михаила Васильевича Ломоносова, с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений. СПб., 1803. Т. 1. С. 3–10.

Манискалько Д. Б. Роль понятия «народ» в российской истории: от «Повести о Царьграде» до начала правления Романовых // Российская история. 2014. №4. С. 154–159.

Миллер А. И. История понятия *нация* в России // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. 2. С. 7–49.

Минаков А. Ю. А. С. Шишков как идеолог и практик русского консерватизма // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. 2009. №7 (62). С. 143–150.

Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году. СПб., 1839. Ч. 1.

Муратов Н. П. Исторический обзор Отечественной войны и ее причин. Тамбов, 1912.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/old/search-main.html> (дата обращения: 20.03.2020).

Отечественная война и русское общество: 1812–1912 : в 7 т. / под ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. М., 1912.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание I, т. 32. СПб., 1830а.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание II, т. 4. СПб., 1830б.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание II, т. 14. СПб., 1840.

Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ члена. СПб., 1824. Т. 2. С. 1–352.

Шишков А. С. Краткие записки, веденные в бышую с французами в 1812 и последующих годах войну // Огонь любви к Отечеству / отв. ред. О. А. Платонов. М., 2011а. С. 47–205.

Шишков А. С. Разговор между двумя приятелями о переводе слов с одного языка на другой // Огонь любви к Отечеству / отв. ред. О. А. Платонов. М., 2011б. С. 345–357.

Шишков А. С. Рассуждение о любви к Отечеству, читанное в 1812 году в беседе любителей русского слова // Огонь любви к Отечеству / отв. ред. О. А. Платонов. М., 2011в. С. 23–46.

Шишков А. С. Речь при открытии беседы любителей русского слова // Огонь любви к Отечеству / сост., коммент., послесл. В. В. Семенцова, предисл. А. Ю. Минакова; отв. ред. О. А. Платонов. М., 2011г. С. 358–381.

Об авторе

Алексей Борисович Панченко, кандидат исторических наук, доцент, Сургутский государственный педагогический университет, Россия.

E-mail: alexeypank@rambler.ru

Для цитирования:

Панченко А. Б. Концепт «народ» в манифестах А. С. Шишкова в контексте дискурса об Отечественной войне 1812 года // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №3. С. 25–41. doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-2.

THE CONCEPT “PEOPLE” IN A. S. SHISHKOV’S MANIFESTOES IN THE DISCOURSE OF THE PATRIOTIC WAR OF 1812

A. B. Panchenko¹

¹Surgut State Pedagogical University
10/2 Pyatdesyat Let VLKSM St., Surgut, 628417, Russia
Submitted on December 15, 2019
doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-2

The Patriotic War of 1812 is an event that influenced the formation of the Russian national consciousness. At that time, imperial and class identities coexisted. With the de facto ban on discussing the idea of a civil nation, Russian intellectuals focused on the cultural and linguistic components of nationalism. The aim of this study was to identify the content of the concept of ‘people’ in the manifestoes by Shishkov. These texts expressed the official position of the supreme authority on national unity. The method of discourse analysis employed by the author, made it possible to place Shishkov’s texts in a broader historical context, tracing their origins in the discussions on the language of the beginning of the 19th century and determining their impact on the subsequent process of nation-building. Being a supporter of the creation of the Russian literary language on the basis of the folk and Church-Slavonic Russian, Shishkov embodied these views in the texts of manifestoes during the War of 1812.

Although there is a certain contradiction between the ideas of class society and national unity, the style and images used made it possible for representatives of all classes to perceive the texts. Later on, "people" as a synonym of "nation" was widely used in the formation of the myth of war as a national affair, forming the foundation for the formation of the Russian national consciousness.

Keywords: A. S. Shishkov, nation-building, Patriotic War of 1812, Russian literary language.

References

Ageykina, I. N., 2008. Ideologemes "People" and "Nationality" in Russian journalism of the XIX century. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya* [Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Literary Studies. Linguistics. Culturology], 11, pp. 228–237 (in Russ.).

Altshuller, M. G., 2007. *Beseda lyubitelei russkogo slova: U istokov russkogo slavyanofil'stva* [Conversation of lovers of the Russian word: At the origins of Russian Slavophilism]. Vol. 2. Moscow (in Russ.).

Boyko, P., 2012. The estates of the Russian Empire in the Patriotic War of 1812. *Rusin*, 4(30), pp. 29–38 (in Russ.).

Vishlenkova, E. A., 2011. Vizual'noe narodovedenie imperii, ili "Uvidet' russkogo dano ne kazhdomu" [The visual ethnology of the empire, or "Not Everyone Is Given to See Russian"]. Moscow (in Russ.).

Glinka, F., 1821. *Pis'ma russkogo ofitsera o voennykh proisshestviyakh 1812 goda* [Letters of a Russian officer about the military incidents of 1812]. Moscow (in Russ.).

Gorolevich, I., 2011. The War of 1812: a political analysis. *Red Star*, 20 Apr. Available at: http://old.redstar.ru/2011/04/20_04/5_03.html [Accessed 29 November 2019] (in Russ.).

Grebenshchikov, A. E., 2016. Views of Admiral A. S. Shishkov to the class question in Russia. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya* [Scientific reports of Belgorod State University. Series: History. Political science], 1 (222), pp. 85–89 (in Russ.).

Karamzin, N. M., 1964a. About love for homeland and national pride. In: N. M. Karamzin, ed. *Izbrannye sochineniya v dvukh tomakh* [Selected works in two volumes]. Vol. 2. Moscow (in Russ.).

Karamzin, N. M., 1964b. Why are there few copyright talents in Russia? In: N. M. Karamzin, ed. *Izbrannye sochineniya v dvukh tomakh* [Selected works in two volumes]. Vol. 2. Moscow (in Russ.).

Karamzin, N. M., 1991. *Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh* [A note on ancient and modern Russia in its political and civil relations]. Moscow (in Russ.).

Lomonosov, M. V., 1803. Preface on the use of church books in the Russian language. In: M. V. Lomonosov, ed. *Polnoe sobranie sochinenii Mikhaila Vasil'evicha Lomonosova, s priobshcheniem zhizni sochinitelya i s pribavleniem mnogikh ego nigde eshche ne napechatannykh tvoreniy* [Complete works of Mikhail Vasilievich Lomonosov, with the introduction of the life of the writer and with the addition of many of his unpublished works]. Vol. 1. St. Petersburg (in Russ.).

Maniskalko, D. B., 2014. The role of the concept of "people" in Russian history: from the "Tale of Constantinople" to the beginning of the Romanov reign. *Rossiiskaya istoriya* [Russian History], 4, pp. 154–159 (in Russ.).

Miller, A. I., 2012. The history of the concept of a nation in Russia. In: A. I. Miller and I. Schierle, eds. *"Ponyatiya o Rossii": K istoricheskoi semantike imperskogo perioda* ["Concepts about Russia": Towards the historical semantics of the imperial period]. Vol. 2. Moscow (in Russ.).

Minakov, A. Yu., 2009. A.S. Shishkov as an ideologist and practitioner of Russian conservatism. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya* [Scientific reports of Belgorod State University. Series: History. Political science], 7(62), pp. 143–150 (in Russ.).

Mikhailovsky-Danilevsky, A.I., 1839. *Opisanie Otechestvennoi voiny v 1812 godu* [Description of the Patriotic War in 1812]. Vol. 1. St. Petersburg (in Russ.).

Muratov, N.P., 1912. *Istoricheskii obzor Otechestvennoi voiny i ee prichin* [A historical review of the Patriotic War and its causes]. Tambov (in Russ.).

National Corps of the Russian Language, n. d. *Osnovnoi korpus* [Main Corps]. [online] Available at: <http://ruscorp.ru/old/search-main.html> [Accessed 20 March 2020] (in Russ.).

Dzhivelev, A.K., Melgunov, S.P. and Pitcheta, V.I., eds., 1912. *Otechestvennaya voina i russkoe obshchestvo 1812–1912* [World War II and Russian society 1812–1912]. In 7 volumes. Moscow (in Russ.).

Anon, 1830a. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, s 1649 goda. Sobranie I* [Complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649. Collection I]. Vol. XXXII. St. Petersburg (in Russ.).

Anon, 1830b. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, s 1649 goda. Sobranie II* [Complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649. Collection II]. Vol. IV. St. Petersburg (in Russ.).

Anon, 1840. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, s 1649 goda. Sobranie II* [Complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649. Collection II]. Vol. XIV. St. Petersburg (in Russ.).

Shishkov, A.S., 1824. Reasoning about the old and new syllables of the Russian language. In: A.S. Shishkov, ed. *Sobranie sochinenii i perevodov admirala Shishkova Rossiiskoi Imperatorskoi Akademii Prezidenta i raznykh uchenykh obshchestv chlena* [Collected works and translations of Admiral Shishkov of the Russian Imperial Academy of the President and various member societies]. Vol. II. St. Petersburg (in Russ.).

Shishkov, A.S., 2011a. Brief notes kept in the war with the French in 1812 and subsequent years. In: O. A. Platonov, ed. *Ogon' lyubvi k Otechestvu* [Fire of love for the Fatherland]. Moscow (in Russ.).

Shishkov, A.S., 2011b. A conversation between two friends about translating words from one language to another. In: O. A. Platonov, ed. *Ogon' lyubvi k Otechestvu* [Fire of love for the Fatherland]. Moscow (in Russ.).

Shishkov, A.S., 2011c. The discourse on love for the Fatherland, read in 1812 in a conversation between lovers of the Russian word. In: O. A. Platonov, ed. *Ogon' lyubvi k Otechestvu* [Fire of love for the Fatherland]. Moscow (in Russ.).

Shishkov, A.S., 2011d. Speech at the opening of the conversation of lovers of the Russian word. In: O. A. Platonov, ed. *Ogon' lyubvi k Otechestvu* [Fire of love for the Fatherland]. Moscow (in Russ.).

The author

Dr Alexey B. Panchenko, Associate Professor, Department of Social and Humanitarian Education, Surgut State Pedagogical University, Russia.

E-mail: alexeypank@rambler.ru

To cite this article:

Panchenko, A.B. 2020, The concept “people” in A.S. Shishkov’s manifestoes in the discourse of the Patriotic War of 1812, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 3, p. 25–41. doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-2.

«ТОЧКА ОТПРАВЛЕНИЯ НАРОДОВ ОПРЕДЕЛЯЕТ ИХ СУДЬБЫ»:
ПЕТР ЧААДАЕВ И АЛЕКСИС ДЕ ТОКВИЛЬ

И. О. Дементьев¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. Александра Невского, 14
Поступила в редакцию 05.01.2020 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-3

В 1836 году П. Я. Чаадаев в частном письме А. И. Тургеневу упомянул о том, что французский автор А. де Токвиль украл у него «глубокую мысль» о точке отправления народов, определяющей их судьбы. Российские и зарубежные исследователи по-разному трактовали эти слова, пытаясь оценить серьезность чаадаевского упрека. Рассмотрена история цитаты, проанализировано употребление выражения *le point de départ* в сочинениях Токвиля («Демократия в Америке») и Чаадаева («Философические письма», «Апология сумасшедшего»). Обоснован тезис о том, что понятие «отправной точки», имеющее особое значение в концепции Токвиля, было также важным для Чаадаева, использовавшего это словосочетание в разных контекстах. В процессе сопоставления русских переводов текстов Токвиля и Чаадаева выяснено: несмотря на то что переводчики применяли разные стратегии для передачи словосочетания на русском языке, во всех случаях в большей или меньшей степени возникала угроза нарушения авторского замысла. На основании анализа словоупотребления у обоих авторов сформулированы рекомендации по уточнению переводов их сочинений на русский язык. Также рассмотрены возможные источники образа «точка отправления народов» у Токвиля (от Ф. Гизо до американских собеседников).

Ключевые слова: А. де Токвиль, «Демократия в Америке», П. Я. Чаадаев, письмо П. Я. Чаадаева А. И. Тургеневу, проблемы перевода научных текстов, революция.

1. Точка отправления народов: Чаадаев цитирует Токвиля

П. Я. Чаадаев был одним из первых русских читателей знаменитой книги А. де Токвиля «О демократии в Америке» (1835). Его отзыв на это сочинение хорошо известен, но по-прежнему вызывает некоторые затруднения в интерпретации. В письме А. И. Тургеневу 25 мая 1836 года Чаадаев писал: «У Токвиля есть глубокая мысль, которую он украл у меня, а именно, что *точка отправления народов определяет их судьбы*. У нас этого не хотят понять: а между тем в этом вся наша история» (Чаадаев, 1991, т. 2, с. 108).

Контекст этого фрагмента образуют размышления Чаадаева о деятельности А. С. Пушкина, который «очень занят своим Петром Великим» и «издает также журнал под названием *Современник*». Чаадаев риторически вопрошает: «Современник чего? XVI-го столетия, да и то

нет? Странная у нас страсть приравнивать себя к остальному свету. Что у нас общего с Европой? Паровая машина, и только» (Чаадаев, 1991, т. 2, с. 107–108). В этом тексте Чаадаев возвращается к проблематике первого «Философического письма», сопоставляя исторический опыт России и Европы.

Исследователи неоднократно испытывали затруднения в трактовке неожиданного обвинения в краже. Комментаторы позднесоветского собрания сочинений Чаадаева, работавшие в коллективе под руководством З. А. Каменского, предположили, что автор письма мог встречаться с Токвилем в Париже в 1824 году (Чаадаев, 1991, т. 2, с. 620). Р. МакНалли усмотрел в этом обвинении лишь иронию (McNally, 1986, p. 326), Д. В. Панченко заметил, что обидные слова Чаадаев «выпалил в сердцах» (Панченко, 2019, с. 205). А. М. Эткинд также допустил возможность встречи Токвиля и Чаадаева в Париже, упомянув наличие у них общих знакомых, но пришел к следующему выводу: «...безопаснее думать, что Чаадаев шутил» (Эткинд, 2001, с. 22). В более поздней работе он выразился осторожнее: «...неизвестно, насколько серьезно» писал Чаадаев другу (Эткинд, 2013, с. 145).

Трудно судить о том, высказывал ли Чаадаев устно или письменно эту *глубокую мысль*, но в тексте своего экземпляра «Демократии в Америке» он отметил похожее суждение, что не ускользнуло от внимания комментаторов собрания сочинений: «Человек, можно сказать, виден весь в его младенческом лепете. Почти то же самое происходит и с народом. События, сопровождающие его рождение и развитие, имеют огромное влияние на его будущее» (Чаадаев, 1991, т. 2, с. 325). В оригинале сочинения Токвиля (кн. 1, ч. 1, гл. 2) эти строки выглядели так:

...L'homme est, pour ainsi dire, tout entier dans les langes de son berceau.

Il se passe quelque chose d'analogue chez les nations. Les peuples se ressentent toujours de leur origine. Les circonstances qui ont accompagné leur naissance et servi à leur développement influent sur tout le reste de leur carrière (Tocqueville, 1835a, t. 1, p. 20)¹.

Переводы этого фрагмента на русский язык были различными. Дореволюционный перевод В. Н. Линда сохраняет практически дословно формулировки Токвиля, перевод И. Э. Иванян (1992) немного их меняет:

...Можно сказать, что человек весь уже находится в своих колыбельных пеленках.

Нечто аналогическое происходит и с нациями. В каждом народе всегда остается след его происхождения. Обстоятельства, сопровождавшие его рождение и содействовавшие его развитию, сохраняют свое влияние на весь дальнейший ход его жизни (Токвиль, 1897, с. 20).

¹ В этом пассаже обращает на себя внимание синонимичность *нации* (nation) и *народа* (peuple) у Токвиля (в более поздних сочинениях он будет использовать понятие *народ* в разных значениях — и как синоним нации, и как обозначение низших общественных классов). В черновиках этой главы, хранящихся в фондах библиотеки Йельского университета, также в качестве синонима слов *нация* и *народ* употреблено *общество*; там же автор делает оговорку об исключительной важности фактора «отправной точки» (см.: Tocqueville, 2010, p. 45, 49).

...Можно сказать, что человек становится самим собой уже с пеленок.

Нечто аналогичное происходит и с нациями. Происхождение всегда накладывает отпечаток на народы. Обстоятельства, в которых рождаются нации и которые служат их становлению, оказывают воздействие на все их будущее развитие (Токвиль, 1992, с. 43).

Перевод 1992 года цитирует и А.М. Эткинд, обратившийся к этой теме в журнальной статье (Эткинд, 1999), включенной двумя годами позднее в сборник (Эткинд, 2001). Интерпретатор пошел дальше комментаторов в выявлении той точки, которую Токвиль считал *отправной* для американской нации: «Судьба Америки была предопределена первым ступившим на ее берег пуританином, как судьба человечества была предопределена первым человеком» (Токвиль, 1992, с. 215). Согласно Эткинду, для Чаадаева точкой отправления русской истории были петровские преобразования:

По Чаадаеву, русские княжества выключили себя из мировой истории, когда приняли византийское православие. Потом Россия вернулась в историю волею Петра. Правительство Николая и «новая школа»... возвращают Россию назад в 16-й век. Чаадаев утешал себя и других тем, что возврат к допетровской России невозможен: ведь *точка отправления народов определяет их судьбы*, а «нашу исходную точку» поставил Петр (Эткинд, 2001, с. 23)².

Для того чтобы понять, что именно у Токвиля Чаадаев воспринял как свою мысль, необходимо обратиться к оригинальному тексту письма Тургеневу, которое было написано по-французски и опубликовано в первом томе двухтомника под редакцией М.О. Гершензона. Анализ этого фрагмента вместо сопоставления русского перевода письма Чаадаева и русского перевода сочинения Токвиля позволит уточнить суть чаадаевской аллюзии.

Une idée profonde de M. de Tocqueville, et qu'il m'a volée, c'est que le point de départ des peuples détermine leur destinées. On ne veut pas concevoir cela chez nous: c'est pourtant là toute notre histoire... (Чаадаев, 1913, с. 191).

В этом пассаже курсивом выделено ключевое понятие — *точка отправления* (*le point de départ*), которое встречается в сочинении Токвиля, и особенно в первой части первой книги, очень часто. Прежде всего — и этот факт ускользнул от внимания как комментаторов собрания сочинений, так и А.М. Эткинда — оно фигурирует уже в названии второй главы: *Du point de départ et de son importance pour l'avenir des Anglo-Américains* («Об отправной точке и ее важности для будущего англоамериканцев»). Чаадаев, конечно, имел в виду в первую очередь это назва-

² Позднее, кстати, А.М. Эткинд смягчил свою формулировку: «Чаадаев писал другу (неизвестно, насколько серьезно), что Токвиль украл у него эту идею. Комментаторы до сих пор сомневаются, имел ли он в виду под началом, равносильным открытию новой земли, деяния Рюрика, или Петра, или обоих» (Эткинд, 2013, с. 145). Ниже я постараюсь прояснить вопрос, обоснованны ли эти сомнения.

ние, которое в переводе В.Н. Линда несколько изменилось («Исходная точка и ее важность для будущности англо-американцев» (Токвиль, 1897, с. 20)), а в переводе И.Э. Иванян изменилось сильно («Происхождение англоамериканцев и как оно сказалось на их будущем» (Токвиль, 1992, с. 43)), что неизбежно должно было сбить с толку комментаторов³.

В небольшом резюме главы, которое у Токвиля размещено под заголовком, это понятие использовано дважды:

Utilité de connaître le point de départ des peuples pour comprendre leur état social et leurs lois. — L'Amérique est le seul pays où l'on ait pu apercevoir clairement le point de départ d'un grand peuple (Тocqueville, 1835a, t. 1, p. 19).

Полезно знать исходную точку народов, чтобы понимать их общественный строй и законы. — Америка есть единственная страна, где можно знать начало великого народа (Токвиль, 1897, с. 20).

О том, почему необходимо знать происхождение народов для понимания их общественного строя и законов. — Америка — единственная страна, на примере которой можно ясно увидеть начальный этап становления великого народа (Токвиль, 1992, с. 43).

При сравнении переводов можно заметить, что переводчики сознательно, избегая повтора, передавали *le point de départ* с помощью разных средств: «исходная точка народов» — «начало... народа»; «происхождение народов» — «начальный этап становления... народа»⁴. И далее русские переводчики в издании 1992 года придерживались той же стратегии, избегая выражения «точка отправления» почти во всех случаях, когда Токвиль использовал именно его. Поэтому перевод В.Н. Линда местами оказался точнее. Сравните (курсив далее везде мой):

...l'influence exercée par *le point de départ* sur l'avenir des États (Тocqueville, 1835a, t. 1, p. 21).

...влияние *отправной точки* на будущность государств (Токвиль, 1897, с. 21).

...то влияние, которое оказал *начальный период* его [общества] становления на будущее штатов (Токвиль, 1992, с. 44).

³ Из черновиков сочинения Токвиля можно понять, что на ранней стадии своей работы над текстом он был готов использовать *отправную точку* и *происхождение* (l'origine) как синонимы, но позднее сделал решительный выбор в пользу первого понятия (Тocqueville, 2010, p. 71, 75).

⁴ Характерно, что к таким же приемам прибегал Генри Рив, первый переводчик Токвиля на английский язык: глава у него называется «Origin of the Anglo-Americans...» (то есть происхождение англоамериканцев), а в аннотации главы он использует выражение *the starting-point* (Тocqueville, 1835b, p. 16). В новейшем критическом переводе «Демократии...» во всех случаях восстановлено Токвилево понятие *отправной точки*. Глава, в частности, называется «Of the Point of Departure and Its Importance for the Future of the Anglo-Americans» (Тocqueville, 2010, p. 45).

...qu'il n'est pas une opinion, pas une habitude, pas une loi, je pourrais dire pas un événement, que *le point de départ* n'explique sans peine (Токвиль, 1835а, т. 1, р. 22).

...нет ни одного мнения, ни одного обычая или закона, — я бы мог сказать, ни одного события, которое не объяснялось бы легко *точкой отправления* (Токвиль, 1897, с. 21).

...не существует ни одного принципа, ни одной привычки, ни одного закона — я бы даже сказал: ни одного события, — которые нельзя было бы без труда объяснить, зная *начальную стадию становления* этого общества» (Токвиль, 1992, с. 44).

В конце той же главы Токвиль вновь использует это выражение, чтобы подвести читателя к мысли о сочетании духа свободы и религиозности в американском обществе:

J'en ai déjà dit assez pour mettre en son vrai jour le caractère de la civilisation anglo-américaine. Elle est le produit (et ce *point de départ* doit sans cesse être présent à la pensée) de deux éléments parfaitement distincts, qui ailleurs se sont fait souvent la guerre, mais qu'on est parvenu, en Amérique, à incorporer en quelque sorte l'un dans l'autre; et à combiner merveilleusement (Токвиль, 1835а, т. 1, р. 49).

Я сказал уже достаточно, чтобы выставить в его настоящем свете характер англо-американской цивилизации. Она есть произведение (и эта *исходная точка* должна быть всегда в нашей мысли⁵) двух совершенно различных элементов, которые в других местах часто воевали между собой, но которые в Америке удалось, так сказать, внедрить один в другой и удивительно соединить вместе... (Токвиль, 1897, с. 32).

Я уже сказал довольно много, чтобы представить в истинном свете характер англоамериканской цивилизации. Она есть результат (данное *исходное положение* должно постоянно присутствовать в ходе любых размышлений) двух совершенно различных начал, которые, кстати говоря, весьма часто находились в противоборстве друг с другом, но которые в Америке удалось каким-то образом соединить одно с другим и даже превосходно сочетать (Токвиль, 1992, с. 53).

И снова — в конце главы:

La condition sociale, la religion et les mœurs des premiers émigrants ont exercé sans doute une immense influence sur le destin de leur nouvelle patrie. Toutefois, il n'a pas dépendu d'eux de fonder une société dont *le point de départ* ne se trouvât placé qu'en eux-mêmes; nul ne saurait se dégager entièrement du passé (Токвиль, 1835а, т. 1, р. 52).

Конечно, общественное положение, религия и нравы первых эмигрантов имели огромное влияние на судьбу их нового отечества. Тем не менее они не могли создать такого общества, *начало* которого лежало бы исключительно в них самих; никто не может вполне освободиться от прошедшего... (Токвиль, 1897, с. 33–34).

⁵ Ср. в новейшем переводе на английский: «(and this point of departure must always be kept in mind)» (Токвиль, 2010, р. 69).

Безусловно, общественное положение, религиозные убеждения и нравы первых эмигрантов оказали колоссальное воздействие на судьбы их нового отечества. Тем не менее не от их воли зависело создание такого общества, где они сами стали бы исключительными его творцами *с самого начала*. Никто не способен полностью освободиться от своего прошлого (Токвиль, 1992, с. 54).

«Точка отправления» появится и в заключении к 1-й книге «Демократии в Америке» — в самом важном для отечественного читателя пассаже этого произведения. В новейшем русском переводе это место выглядит так:

В настоящее время в мире существуют два великих народа, которые, несмотря на все свои различия, движутся, как представляется, к единой цели. Это русские и англоамериканцы. <...>

В Америке в основе деятельности лежит свобода, в России — рабство.

У них разные *истоки* и разные пути, но очень возможно, что Провидение втайне уготовило каждой из них стать хозяйкой половины мира (Токвиль, 1992, с. 296).

Il y a aujourd'hui sur la terre deux grands peuples qui, *partis des points différents*, semblent s'avancer vers le même but: ce sont les Russes et les Anglo-Américains. <...>

L'un a pour principal moyen d'action la liberté, l'autre la servitude.

Leur *point de départ* est différent, leur voies sont diverses; néanmoins chacun d'eux semble appelé par un dessein secret de la Providence à tenir un jour dans les mains les destinées de la moitié du monde (Токвиль, 1835а, т. 2, р. 490 — 491).

Некорректность перевода очевидна, потому что утрачена семантика движения от отправной точки к пункту назначения. В первом предложении речь идет о народах, которые выходят из различных точек («несмотря на все свои различия» — неточность), в последнем описана траектория от разных точек отправления через различные пути к единой цели: каждый из двух народов получает в руки судьбы половины мира.

Очевидно, для Токвиля понятие *точки отправления* было очень важным, поэтому беспрестанно заменять его синонимами — значит искажать авторский замысел. Дж. Т. Шлейфер даже считает *le point de départ* «одним из любимых терминов у Токвиля», интерпретируя его как «исторические обстоятельства, предшествующие факты» (Schleifer, 2018, р. 25 — 26). В новейшей литературе этому понятию уделяется все больше внимания — появляются уже и авторы, критически воспринимающие представление Токвиля об истоках американской демократии. По мнению Б. Спэрроу, Токвиль преувеличил значение пуританской *точки отправления* для формирования нравов и институтов в Соединенных Штатах. Зная о других, непуританских корнях американского общества⁶, он не считал необходимым интегрировать свои впечатления от

⁶ Речь идет о Юге и Ближнем Западе — *near West* (автор намеренно использует это редко употребляемое сегодня понятие, восходящее к раннему периоду американской истории и относящееся к территории штатов Огайо, Индиана, Иллинойс, Мичиган, Кентукки и некоторых других; благодарю профессора Б. Спэрроу за пояснения к этому месту).

посещения этих регионов в общую концепцию американской демократии. Неоправданная редукция американского опыта к пуританской модели привела Токвиля к неадекватному представлению о равенстве и его роли в американской жизни, поэтому извлеченный им из изучения заокеанской демократии урок едва ли мог быть полезным для французской аудитории, которой в первую очередь было адресовано обсуждаемое сочинение (Sparrow, 2019, p. 207–208).

2. Точка отправления: происхождение выражения

В силу состояния наших источников трудно судить о том, общался ли Токвиль с Чаадаевым в Париже и мог ли в самом деле услышать какие-то его рассуждения по этому поводу. Понятие *точка отправления* иногда фигурировало в связи с историософской проблематикой в разных текстах французских авторов и ранее. Не исключено, в частности, что Токвиль заимствовал этот образ у Франсуа Гизо, который посреди своего лекционного курса по истории цивилизации в Европе в 1828 году внезапно заговорил о европейской цивилизации как целостном объекте, попытавшись обозначить ее «точку отправления, путь и цель, [то есть] начало, середину и конец»⁷ (*le point de départ, la route et le but, le commencement, le milieu et la fin*) (Guizot, 1828, leçon 8, p. 3). Возможные источники этого суждения обнаруживаются и за океаном. В записных книжках, которые Токвиль вел во время путешествия по Новому Свету, упоминается беседа с Джоном Квинси Адамсом. Экс-президент, рассуждая о различиях между колонизационными процессами в Новой Англии и западных регионах страны, говорил о важности «отправной точки» для рождения Соединенных Штатов (Tocqueville, 2010, p. 53). Д. В. Панченко в недавней статье отметил, что аналогичную мысль (хотя и безотносительно к судьбам народов) высказал в разговоре с Токвилем в сентябре 1831 года Александр Эверетт: «Точка отправления для того или иного народа имеет колоссальное значение...»⁸ Словом, Чаадаев многих бы обвинил в краже своей глубокой мысли, если бы имел более широкий круг общения.

Для оценки важности словосочетания *le point de départ* для обоих авторов важно понять, насколько оно вообще было распространено в ту эпоху. В словарях французского языка конца XVIII – первой трети XIX века именно в такой форме найти его не удалось, что косвенно свидетельствует о том, что это выражение не использовалось достаточно широко.

⁷ В дореволюционном русском переводе, кстати, также утрачена *точка отправления*: Гизо показывает в отношении европейской цивилизации «точку исхода, путь и цель, или, другими словами, начало, середину и конец ее» (Гизо, 2007, с. 183).

⁸ Цит. по переводу с английского в публикации: (Панченко, 2019, с. 205); в том же контексте суждение Эверетта «The point of departure for a people is of immense importance» рассматривается в диссертации (Zhao, 2016, p. 35), где приведены и другие примеры упоминаний *отправной точки* американскими собеседниками Токвиля. Эти разговоры объясняют тот факт, что последний посвятил понятию *le point de départ* отдельную главу.

Вместе с тем характерно, что оно нередко встречается в слегка измененной форме, когда лексикографы определяли слово «революция». Так, в 6-м (самом близком к лекционному курсу Гизо) издании словаря Пьера-Клода-Виктуара Буаста (1765–1824) первое значение слова *révolution* — астрономическое: «...возвращение звезды к точке своего отправления» — «...retour d'un astre au point de son départ» (Boiste, 1823, p. 90)⁹; политическое значение было только вторым (переносным)¹⁰. В лексикографической традиции до Буаста объяснение было схожим, но формулировка отличалась. В словаре Французской академии, например, слово «революция» десятилетиями трактовалось неизменно: «Возвращение планеты, звезды к той же самой точке, откуда она вышла» — «Le retour d'une Planète, d'un Astre au même point d'où il étoit parti» (Dictionnaire de l'Académie françoise, 1798, p. 499; Dictionnaire de l'Académie française, 1835, p. 504–505). В этом издании астрономическое значение также предшествовало политическому. Более развернутое пояснение дает Жан-Шарль Лаво (1749–1827): *революция* в случае кометы или планеты — это «путь (chemin), который она проделывает начиная с того, как выходит из одной точки (point), и до того, как возвращается к той же самой точке» (Laveaux, 1820, p. 660).

Необходимо отметить, что латинское слово *revolutio*, от которого происходит французское *révolution*, имеет солидную историю. Авторы знаменитого словаря исторических понятий показали, что его неполитические значения появились в христианской литературе поздней Античности (помимо прочего, для обозначения движения небесных тел). В Средневековье это значение стало доминировать — слово употреблялось в астрономических и астрологических контекстах и относилось к вращению небесных тел вокруг Земли (Бульст, 2014, с. 544–547). Затем оно постепенно стало использоваться для характеристики политических процессов, и это понимание утвердилось в конце XVII века и особенно в эпоху Просвещения, когда появились новые толкования, уже не связанные со значением круговращения (Там же, с. 613–614).

Таким образом, выражение *point de départ* к 1820–1830-м годам в астрономических контекстах обозначало начало и одновременно конец «революционного процесса». Мог ли Чаадаев учитывать это значение, говоря о точке отправления народов? Ведь мысль о том, что начало процесса детерминирует его завершение, легче всего понять так, что

⁹ Те же значения фигурировали и в предыдущем (Boiste, 1819, p. 1175), и в последующем (посмертном) издании словаря Буаста (Boiste, 1829, p. 603).

¹⁰ Характерно, что во втором издании словаря Буаста, вышедшем вскоре после революции, в 1803 году, политическое значение предшествовало астрономическому (Boiste, 1803, p. 350); начиная с 1808 года (Boiste, 1808, p. 657) они поменялись местами (возможно, на порядок слов повлиял кратковременный арест лексикографа в 1805 году), причем надолго. В англо-французском словаре У. Коббета (1833) сначала приводилось политическое значение слова «революция», затем астрономическое, причем во втором случае дословно повторялась дефиниция Буаста: «...retour d'un astre au point de son départ» (Cobbett, 1833, p. 291). Та же формулировка отмечена еще в одном словаре того времени (Wailly, Wailly, 1827, p. 815).

место финиша совпадает с местом старта. Такова логика движения, подсказанная «звездной семантикой»: начало движения предопределяет конец потому, что попросту тождественно ему.

Несмотря на большое искушение переинтерпретировать чаадаевский тезис в плане революционного движения по кругу¹¹, следует признать, что мыслитель, по всей видимости, не использовал французское *révolution* в классическом (астрономическом) смысле. В большинстве случаев это слово требовалось ему для характеристики общественных перемен. Один раз, правда, в его тексте проскользнуло и другое значение. Это пассаж из «Апологии сумасшедшего» (1837), где Чаадаев рассуждает о том, что русские — северный народ:

Quelques-unes de nos provinces avoisinent les empires de l'Orient, il est vrai, mais nos centres ne sont point là, notre vie n'est point là et n'y seront jamais, à moins que l'axe du globe ne se déplace par je ne sais quelle révolution astrale, ou qu'un cataclysme nouveau ne jette encore une fois les organisations du Midi dans les glaces du pôle (Чаадаев, 1991, т. 1, с. 297–298).

Некоторые из наших областей, правда, граничат с восточными империями, но наши центры не там, не там наша жизнь, и они никогда там не будут, пока какое-нибудь планетное возмущение не сдвинет с места земную ось или новый катаклизм опять не бросит южные организмы в полярные льды (Чаадаев, 1991, т. 1, с. 531; дореволюционный перевод сверен с французским текстом и исправлен Л. З. Каменской).

Обращает на себя внимание выражение *астральная революция*, которое в общем удачно передано по-русски как «планетное возмущение». Чаадаев возвращает здесь слову *революция* астрономический смысл, который, впрочем, очень далек от изначального, подразумевавшего круговращение. Это уже обратный путь семантики: если ранее астрономическое значение было распространено на общественные дела, то теперь, наоборот, политическое значение переносится на движение звезд. Словом, нет оснований считать, что Чаадаев полагал, будто революция — это процесс движения из какой-либо точки к себе самой.

Можно выдвинуть еще одно предположение по поводу содержания жалобы Чаадаева Тургеневу. Возможно, он имел в виду то, что использовал выражение «точка отправления» в текстах, посвященных проблемам развития цивилизации, до публикации «Демократии в Америке» (о чем Токвиль, впрочем, по понятным причинам не мог быть осведомлен). В пятом «Философическом письме» (написанном между 1828 и 1830 годами, далее цитируется перевод Д. И. Шаховского) Чаадаев рассуждает о «сокрытом опыте веков», который «служит продолжением других традиций, еще более таинственных, не имеющих корней на земле, но составляющих отправную точку всех обществ (*point de départ à toutes les sociétés*)» (Чаадаев, 1991, т. 1, с. 383, 149). Здесь под *отправной*

¹¹ Не меньшим искушением было бы усмотреть в концепции «Старого порядка и революции» Токвиля, описавшего континуитет между *l'Ancien régime* и *la Révolution*, реанимацию астрономического значения понятия «революция».

точкой автор понимает совокупность представлений о Высшем Существо, добре и зле. Происхождение этих представлений, по Чаадаеву, неизвестно, но именно они становятся общим источником для (если выражаться современным языком) коллективной памяти человечества. В этом пассаже нет еще четко сформулированной мысли о том, что судьбы народов предопределены в точке отправления, но общее настроение провиденциалистски мыслящего автора здесь бесспорно.

Понятие *le point de départ* появляется и третий раз под пером Чаадаева — уже после чтения «Демократии в Америке», в «Апологии сумасшедшего». Характерно, что в русском переводе вновь проигнорирован его лексический выбор: в этом тексте, так же как в «Философическом письме» и письме к Тургеневу, использовано одно и то же французское выражение. Чаадаев пишет о Петре Великом:

Высокий интеллект этого необыкновенного человека безошибочно угадал, какова должна быть наша *исходная точка* на пути цивилизации и всемирного умственного движения (Чаадаев, 1991, т. 1, с. 526).

La haute intelligence de cet homme extraordinaire devina parfaitement quel devait être notre *point de départ* sur la route de la civilisation et du mouvement intellectuel du monde (Чаадаев, 1991, т. 1, с. 292).

Появление здесь образа *отправной точки на пути* очень важно, потому что этот пассаж встраивается в общий ряд текстов, где Чаадаев использует то же понятие. Разумеется, между отправной точкой обществ («Философическое письмо») и отправной точкой народов (письмо Тургеневу и «Апология сумасшедшего») есть некоторое различие: Чаадаев говорит о единой точке отправления цивилизации в целом и о различных пунктах отправления разных народов. В то же время включение России в общецивилизационный процесс волею Петра действительно образует пункт в становлении нации, который может быть сопоставлен с точкой отправления американцев у Токвиля. Кроме того, если учитывать использование Чаадаевым одного и того же выражения во всех трех текстах, появляются дополнительные аргументы в поддержку мнения А.М. Эткинда о том, что, по Чаадаеву, «нашу исходную точку» поставил Петр».

С учетом всей траектории развития образа *точки отправления народов* у Чаадаева (по крайней мере от чтения второй главы Токвиля через письмо Тургеневу к написанию «Апологии сумасшедшего») можно согласиться с тем, что в конечном счете (на конец 1830-х годов) провиденциалистски настроенный «басманный философ» именно деятельности Петра Великого придал статус *le point de départ* российской истории. Возможно, шуточный упрек Чаадаева Токвилю был связан с тем, что он раньше (в неопубликованном «Философическом письме») начал размышлять над темой точки отправления обществ, но смог окончательно оформить свою историософскую позицию только после того, как французский мыслитель на американском примере помог ему осознать взаимосвязь отправной точки и судьбы народа. Токвиль считал, что Америка — единственная страна, где можно отчетливо наблюдать «точку отправления»; Чаадаев творчески развил этот тезис, перенеся *le point de départ* в русской истории на правление Петра Великого.

3. Выводы

Внимательное чтение текстов на языке оригинала позволяет сделать несколько замечаний, которые имеет смысл учитывать при дальнейших публикациях текстов Токвиля и Чаадаева.

Во-первых, Чаадаев почти дословно цитирует слова Токвиля о «точке отправления народов» из названия главы «Демократии в Америке», что имеет смысл отражать в комментариях к письму, адресованному Тургеневу. Есть основания также использовать то же самое выражение в переводах пятого «Философического письма» и «Апологии сумасшедшего». Сегодня в публикациях этих текстов на русском языке царит разнообразие, которое в некоторой степени искажает замысел автора.

Во-вторых, *le point de départ* — принципиально важное для Токвиля понятие, которое, конечно, можно трактовать и как исток, и как происхождение, и как начальный этап, но было бы уместным, учитывая настойчивость автора в использовании одной и той же конструкции, воспроизводить ее одинаково в соответствующих местах русского перевода «Демократии в Америке». В этом смысле В. Н. Линд оказался более точным в следовании букве оригинала, нежели И. Э. Иванян, хотя и он не был последовательным до конца.

После публикации обсуждаемого письма 1836 года судьбы сочинений Чаадаева и Токвиля оказались тесно переплетены. В силу этого было бы целесообразным в переводах обоих авторов на русский язык использовать одно и то же понятие. Например, если назвать вторую главу первой части первой книги «Демократии в Америке» «Об исходной точке и ее важности для будущего англоамериканцев», то окажется, что существующий русский перевод «Апологии сумасшедшего» уже содержит аллюзию на название главы Токвиля, а в пятом «Философическом письме» будет уместным заменить «отправную точку» на «исходную точку». Слова же в письме к Тургеневу будут звучать так: «У Токвиля есть глубокая мысль, которую он украл у меня, а именно, что *исходная точка народов определяет их судьбы*».

В-третьих, логика уважения к авторской мысли требует внесения корректив и в переводы Чаадаева на другие языки. Скажем, в издании английского перевода, предпринятом Р. Т. МакНалли и Р. Темпестом, вместо *the point of departure* можно встретить различные синонимы: в пятом «Философическом письме» *basis* 'основа, основание' — *the basis for all societies* (Philosophical Works of Peter Chaadaev, 1991, p. 62), а в «Апологии сумасшедшего» — *starting point* (Ibid., p. 104)¹². Во всех этих случаях было бы разумно использовать выражение, отвечающее чаадаевскому оригиналу и обеспечивающее необходимые ассоциации с новейшим английским переводом книги Токвиля — *the point of departure*.

¹² Несмотря на то, что в предисловии переводчика сказано, что по возможности он тяготел к буквальному, а не литературному переводу (Philosophical Works of Peter Chaadaev, 1991, p. 7).

Внимательное рассмотрение истории даже одного выражения, которое использовал Чаадаев, побуждает прийти к заключению, что тема генезиса его мысли, в важнейших текстах выразившей себя на французском языке, еще требует дополнительных исследований с учетом общего контекста французской философской, религиозной и исторической литературы.

Данное исследование было поддержано из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта.

Список литературы

Бульст Н., Козеллек Р., Майер К., Фиш Й. Революция (Revolution), бунт, смута, гражданская война (Rebellion, Aufruhr, Bürgerkrieg) // Словарь основных исторических понятий / пер. К. Левинсона. М., 2014. Т. 1. С. 520–728.

Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М., 2007.

Панченко Д. В. Тургенев и Токвиль об экономической роли несвободы и подневольного труда // Логос. 2019. Т. 29, №6. С. 199–214.

Токвиль А. О демократии в Америке / пер. В. Н. Линда. М., 1897.

Токвиль А. Демократия в Америке / пер. В. Т. Олейника, Е. П. Орловой, И. А. Малаховой, И. Э. Иванян, Б. Н. Ворожцова. М., 1992.

Чаадаев П. Я. Сочинения и письма / под ред. М. О. Гершензона. М., 1913. Т. 1.

Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма : в 2 т. / отв. ред. З. А. Каменский. М., 1991.

Эткинд А. М. Иная свобода: Пушкин, Токвиль и демократия в России // Знамя. 1999. №6. С. 179–203.

Эткинд А. М. Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М., 2001.

Эткинд А. М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / авториз. пер. В. Макарова. М., 2013.

Boiste P. C. V. Dictionnaire universel de la langue française, avec le latin. 2ème ed. P., 1803. Т. 2.

Boiste P. C. V. Dictionnaire universel de la langue française, avec le latin. 3ème ed. P., 1808.

Boiste P. C. V. Dictionnaire universel de la langue française, avec le latin et les etymologies. 5ème ed. P., 1819. [Т. 2.]

Boiste P. C. V. Dictionnaire universel de la langue française, avec le latin et les etymologies. 6ème ed. P., 1823. Т. 2.

Boiste P. C. V. Dictionnaire universel de la langue française, avec le latin et les etymologies. 7ème ed. P., 1829. Т. 2.

Cobbett W. A New French and English Dictionary. L., 1833. Part 1.

Dictionnaire de l'Académie française. 5ème ed. P., 1798. Т. 2.

Dictionnaire de l'Académie française. P., 1835. Т. 2.

Guizot F. Cours d'histoire moderne. Histoire générale de la civilisation en Europe. P., 1828.

Laveaux J.-Ch. Nouveau dictionnaire de la langue française. P., 1820. Т. 2.

McNally R. Significant Revelations in Chaadaev's Letters to A.I. Turgenev // Studies in Soviet Thought. 1986. Vol. 32, №4. P. 321–339.

Philosophical Works of Peter Chaadaev / ed. by R. T. McNally, R. Tempest. Dordrecht ; Boston, 1991.

Schleifer J. T. Tocqueville. Cambridge, 2018.

Sparrow B.H. The Other Point of Departure: Tocqueville, the South, Equality, and the Lessons of Democracy // Studies in American Political Development. 2019. Vol. 33, №2. P. 178 – 208.

Tocqueville A. De la démocratie en Amérique. Bruxelles, 1835a. Т. 1 – 2.

Tocqueville A. Democracy in America / transl. H. Reeve. L., 1835b. Vol. 1.

Tocqueville A. Democracy in America. Historical-Critical Edition of *De la démocratie en Amérique* / ed. by E. Nolla; transl. by J.T. Schleifer. Indianapolis, 2010. Vol. 1.

Wailly N.F., Wailly E.A. Nouveau vocabulaire français. 4ème ed. P., 1827.

Zhao K. The Images of Democracy: Tocqueville and American Exceptionalism: Master thesis / Duke University. Durham, 2016.

Об авторе

Илья Олегович Дементьев, кандидат исторических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: IDementev@kantiana.ru

Для цитирования:

Дементьев И. О. «Точка отправления народов определяет их судьбы»: Петр Чаадаев и Алексис де Токвиль // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №3. С. 42 – 56. doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-3.

“THE POINT OF DEPARTURE OF PEOPLES DETERMINES THEIR FATE”: PETER CHAADAEV AND ALEXIS DE TOCQUEVILLE

I. O. Dementev¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia
Submitted on January 5, 2020
doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-3

In 1836, Peter Chaadaev in his private letter to Alexander Turgenev mentioned that the French thinker Alexis de Tocqueville had stolen from him a “deep thought” that the point of departure of peoples determined their fate. Russian and foreign scholars interpreted these words differently, trying to assess the seriousness of Chaadaev’s reproach. The article explores the history of the expression ‘le point de départ’ and the use of it in the works by Tocqueville (“Democracy in America”) and Chaadaev (“Philosophical Letters”, “Apology of a Madman”). The author argues that the concept of the ‘point of departure’, which had special significance for Tocqueville, was also important for Chaadaev, who used this phrase in different contexts. Having compared Russian translations of the texts by Tocqueville and Chaadaev, the author concludes that although the translators used different strategies to convey the meaning of the phrase in Russian, in all cases, to a greater or lesser extent, there was a threat of violation of the intentions of both authors. Based on the analysis of the word usage in the texts of both thinkers, the author suggests a number of recommendations aimed to clarify the translations of Chaadaev and Tocqueville works into Russian. The article also notes possible sources of the image “the point of departure of peoples” in the text by Tocqueville (from François Guizot to American interlocutors).

Keywords: Alexis de Tocqueville, “Democracy in America”, Peter Chaadaev, letter of Peter Chaadaev to Alexander Turgenev, problems of translation of academic texts, revolution.

References

- Bulst, N., Koselleck, R., Meier, Ch. and Fish, J., 2014. Revolution, riot, turmoil, civil war (Rebellion, Aufruhr, Bürgerkrieg). In: Yu. Zaretsky, K. Levinson and I. Schierle, eds. *Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatii* [Dictionary of basic historical concepts]. Translated by K. Levinson. Vol. 1. Moscow. pp. 520–728 (in Russ.).
- Guizot, F., 2007. *Istoriya tsivilizatsii v Evrope* [History of civilization in Europe]. Moscow (in Russ.).
- Panchenko, D. V., 2019. Turgenev and Tocqueville on the economic role of unfreedom and forced labor. *Logos*, 29 (6), pp. 199–214 (in Russ.).
- Tocqueville, A., 1897. *O demokratii v Amerike* [On democracy in America]. Translated by V. N. Lind. Moscow (in Russ.).
- Tocqueville, A., 1992. *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. Translated by V. T. Oleynik, E. P. Orlova, I. A. Malakhova, I. E. Ivanyan and B. N. Vorozhtsov. Moscow (in Russ.).
- Chaadaev, P. Ya., 1913. *Sochineniya i pis'ma* [Works and letters]. Vol. 1. Moscow (in Russ.).
- Chaadaev, P. Ya., 1991. *Polnoe sobranie sochinenii i izbrannye pis'ma: v 2 t.* [Complete works and selected letters: in 2 volumes]. Moscow (in Russ.).
- Etkind, A. M., 1999. Other freedom: Pushkin, Tocqueville, and democracy in Russia. *Znamya*, 6, pp. 179–203 (in Russ.).
- Etkind, A. M., 2001. *Tolkovanie puteshestvii: Rossiya i Amerika v travelogakh i intertekstakh* [Travel Interpretation: Russia and America in Travelogues and Intertexts]. Moscow (in Russ.).
- Etkind, A. M., 2013. *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskii opyt Rossii* [Internal colonization. Imperial experience of Russia]. Translated by V. Makarov. Moscow (in Russ.).
- Boiste, P. C. V., 1803. *Dictionnaire universel de la langue française, avec le latin*. 2ème ed. Vol. 2. Paris.
- Boiste, P. C. V., 1808. *Dictionnaire universel de la langue française, avec le latin*. 3ème ed. Paris.
- Boiste, P. C. V., 1819. *Dictionnaire universel de la langue française, avec le latin et les etymologies*. 5ème ed. Vol. 2. Paris.
- Boiste, P. C. V., 1823. *Dictionnaire universel de la langue française, avec le latin et les etymologies*. 6ème ed. Vol. 2. Paris.
- Boiste, P. C. V., 1823. *Dictionnaire universel de la langue française, avec le latin et les etymologies*. 7ème ed. Vol. 2. Paris.
- Cobbett, W., 1833. *A New French and English Dictionary*. Vol. 1. London.
- Académie française, 1798. *Dictionnaire de l'Académie française*. 5ème ed. Vol. 2. Paris.
- Académie française, 1835. *Dictionnaire de l'Académie française*. Vol. 2. Paris.
- Guizot, F., 1828. *Cours d'histoire moderne. Histoire générale de la civilisation en Europe*. Paris.
- Laveaux, J.-Ch., 1820. *Nouveau dictionnaire de la langue française*. Vol. 2. Paris.
- McNally, R., 1986. Significant Revelations in Chaadaev's Letters to A. I. Turgenev. *Studies in Soviet Thought*, 32 (4), pp. 321–339.
- McNally, R. T. and Tempest, R., eds., 1991. *Philosophical Works of Peter Chaadaev*. Dordrecht, Boston.
- Schleifer, J. T., 2018. *Tocqueville*. Cambridge.
- Sparrow, B. H., 2019. The Other Point of Departure: Tocqueville, the South, Equality, and the Lessons of Democracy. *Studies in American Political Development*, 33 (2), pp. 178–208.

- Tocqueville, A., 1835a. *De la démocratie en Amérique*. Vol. 1–2. Bruxelles.
- Tocqueville, A., 1835b. *Democracy in America*. Vol. 1. Translated by H. Reeve. London.
- Tocqueville, A., 2010. *Democracy in America. Historical-Critical Edition of De la démocratie en Amérique*. Vol. 1. Translated by J.T. Schleifer. Indianapolis.
- Wailly, N.F. and Wailly, E. A., 1827. *Nouveau vocabulaire français*. 4ème ed. Paris.
- Zhao, K., 2016. *The Images of Democracy: Tocqueville and American Exceptionalism*. Master thesis. Duke University. Durham.

The author

Dr Ilya O. Dementev, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: IDementev@kantiana.ru

To cite this article:

Dementev, I.O. 2020, "The point of departure of peoples determines their fate": Peter Chaadaev and Alexis de Tocqueville, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 3, p. 42–56. doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-3.

«РУССКИЙ НАРОД» В ЛИТЕРАТУРЕ И ДОКУМЕНТАХ XIX ВЕКА: ОПЫТ ЯЗЫКОВОГО ПОРТРЕТИРОВАНИЯ

А. Н. Саакян¹, О. И. Северская²

¹ Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина
117485, Россия, Москва, ул. Волгина, 6
ORCID <http://orcid.org/0000-0002-5046-7894>

² Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Россия, Москва, ул. Волхонка, 18/2
ORCID <https://orcid.org/0000-0002-6277-9756>
Поступила в редакцию 06.06.2020 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-4

Представлено описание идеологемы «русский народ» и ее воплощения в текстах художественной и документальной литературы XIX века. При этом рассмотрены как само общественно-политическое понятие, так и закрепляющее его устойчивое словосочетание. Материал исследования собран на основе Национального корпуса русского языка. Тексты проанализированы корпусным, контент-аналитическим и когнитивным методами. Цель предпринятого исследования заключается в определении и характеристике такого объекта, как «русский народ». Обоснован вывод, что именно в XIX веке рассматриваемая номинация терминологизируется, а образ «русского народа» мифологизируется. Авторы заключают, что «русский народ» подразделяется на «простой народ» и «общество», которое ведет себя с народом по-отечески, принимая миссию его просвещения и освобождения. В смысловом поле концепта «русский народ» выделяются такие семантические компоненты, как «вера», «верность», «терпение», «терпимость», «понятливость», «восприимчивость», «открытость», «простодушье», «ювенильность» и др. Рассматриваются нравственные и интеллектуальные свойства «русского народа», в основе своей диалектические и амбивалентные, которые в зависимости от точки зрения оцениваются с позиций «свой – чужой». Анализ показывает, что после отмены крепостного права в 1861 году образ «русского народа» под влиянием общественных процессов претерпевает значительные изменения.

Ключевые слова: русский народ, идеологема, тексты XIX века, корпусное исследование, языковая картина мира.

Подхалимов: ...Граф! какого вы мнения о русском народе?

Граф (постепенно утрачивает стыд): Различного.

М. Е. Салтыков-Щедрин. За рубежом

«Русский народ» – это и этнографическое, историческое и философское понятие, и устойчивое словосочетание, имеющее свою языковую историю и развитие в серии лексических трансформаций¹. Не-

© Саакян Л. Н., Северская О. И., 2020

¹ Трансформации начались уже в XX веке, в советское время, когда возник советский народ, определявшийся как «новая интернациональная общность», а также в постсоветское, с фиксацией в тексте Конституции РФ в редакции 1993 года термина многонациональный народ Российской Федерации и превращением русского народа в государствообразующий в новейшей редакции основного закона 2020 года.

смотря на то что о «русском народе» писали и пишут с начала российской государственности и до наших дней, особый интерес представляют документы и тексты художественной литературы XIX века: именно в это время словосочетание мифологизируется и одновременно терминологизируется, а после отмены в 1861 году крепостного права формируется новая аксиология связанных с ним стереотипных представлений. Заметим, что концепция *народа* и *народности* этого периода в последнее время неизменно оказывается в центре интереса исследователей (Агейкина, 2008; Мухина, 2015; Рымарь, 2012; Синявина, 2017 и др.).

Цель нашего исследования — определить референтную соотнесенность словосочетания *русский народ* и охарактеризовать именуемый им объект, опираясь на данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ)². Корпусный подход позволяет получить достаточно полную и статистически значимую выборку употреблений (Плунгян, 2008; Шилихина, 2014): в подкорпусе текстов, созданных в 1800–1900 годах, *русский народ* встречается 1750 раз в 503 документах (что составляет 25 % всех употреблений этой номинации за три с лишним века). Проведя контент-анализ контекстов, выявим набор чаще всего упоминаемых характеристик *русского народа*, которые складываются в соответствующий языковой стереотип, а также оппозиции, характеризующие структуру российского общества в XIX веке. Это поможет составить своего рода портрет «русского народа»: вслед за Т. В. Шмелевой (2010) мы предполагаем, что стратегия портретирования позволяет обрисовывать не только отдельные типажи, но и более широкие общности, а также исследовать и описывать соответствующие словесные объекты. На наш взгляд, так уточняются и когнитивные представления, поскольку восстанавливаются объем основного понятия и его семантическая структура.

1. Народ / нация

Контент НКРЯ показывает, что номинация *русский народ* в XIX веке встречается гораздо чаще, чем ее синоним *русская нация*, — на долю последней приходится лишь 49 употреблений в 22 документах. В некоторых случаях оба словосочетания приводятся через запятую, и абстрактная *нация* получает толкование через смежное, более конкретное понятие³: *нация русская, русский народ...* — например, в «Культурном идеале и племенной политике» К. Н. Леонтьева (1890), где говорится про «современное состояние *русской нации*», что «она, *наша нация*, еще *недостаточно национальна*». В большинстве текстов *русская нация* — это терминологическая абстракция, но имеют место и упоминания о присущих ей *наружных формах и физиономии* [М. Н. Загоскин (1830)], особом *психическом строе* [К. Н. Леонтьев (1891)], то есть *русской натуре*, ассоциирующейся, как и *русский нрав*, *русский характер*, *русский дух* именно с *народом*.

² Доступен по адресу: www.ruscorpota.ru. Приводимые далее текстовые иллюстрации получены из этого ресурса. Шрифтовые выделения во всех примерах наши.

³ Ср. у В. Н. Майкова (1846): *человечность находится в прямой противоположности с национальностью*.

В нескольких контекстах *русской нации* приписываются черты *народа*, при этом отмечаются прежде всего ее особые религиозные идеалы [К.Н. Леонтьев. Кто правее? (1890–1891)], *непоколебимая верность к престолу, привязанность к вере предков и любовь к родимой стороне* [М.Н. Загоскин. Рославлев (1830)]. Показывается *русская нация* и глазами иностранцев, которые либо видят плохое: *высокомерие, непостоянство, себялюбие и коварство русской нации, а равно и дурное обращение с иностранцами* [И.И. Янжул. Московский купец XVII в. (1896)], либо, иронизируя, выражают отрицательную оценку эвфемистически, маскируя ее похвалой:

В характере русской нации есть необыкновенно трогательная черта, поражающая в равной степени как знатного иностранца, так и любого английского сапожника или кучера. Ни перед какими обстоятельствами, как бы они, казалось, ни были затруднительны, русские не только не падают духом (подбадривая себя распространенной в России песней: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!»), но даже и не придают им того значения, какое придавал бы скоро унывающий европеец, и с какою-то восхитительной детской верою из года в год, изо дня в день надеются на покровительство Провидения, представляя главнейшим образом ему заботы о всех своих нуждах, начиная с самых простых и кончая сложнейшими [К.М. Станюкович. Письма знатного иностранца (1897)].

Указывается и на ответное желание *русских* произвести благоприятное впечатление: *для поддержания чести русской нации... задать пыль иностранцам* [Н.В. Гоголь. Избранные места из переписки с друзьями (1843–1847)].

Таким образом, вырисовывается оппозиция «русские vs. иностранцы», существенная для оценки образа *нации / народа*. Мы рассмотрим ее подробнее позже, пока же заметим, что в приведенных примерах слова в уста иностранца вкладывает русский автор, который, в свою очередь, считает подобное восприятие русских ложным.

Одновременно обозначается разделение *нации* 'страны, государства' и *нации* 'национальности, народности, народа'⁴, имплицитное оппозицию «государство vs. народ».

2. Народ и власть

В текстах XIX века *русский народ* предстает как «вольный невольник», что ярко отражается в заметках историка пушкинской поры А.И. Тургенева о «русском орле», который «расширял крылья свои, — поднимался вверх клетки, но... удержан был железною силою в полете своем»: «...я думал о русском народе и его *порывах к солнцу*, но *клетка его хотя и обширная — все клетка и символ неволи*» [А.И. Тургенев. Дневники (1825–1826)]. Смысловая оппозиция «воля vs. неволя», актуализированная в этом отрывке, однако не двумерна, так как понятие

⁴ Здесь и далее мы даем свои определения значений слов-концептов, основываясь на их толкованиях в авторитетных академических словарях, доступных на ресурсах «Грамота.ру — русский язык для всех» (www.gramota.ru) и «Словари.ру» (www.slovari.ru).

«воля» многозначно: это прежде всего (что закреплено в словарях) способность управлять своими действиями, сознательное стремление к чему-либо, желание и возможность действовать по своему усмотрению и в соответствии со своими желаниями, а вследствие этого — и независимость, возможность располагать собою; а «неволя» как минимум амбивалентна — как положение зависимости и одновременно, в народно-разговорном прочтении, сила и власть обстоятельств, необходимость.

Желательность подчинения власти, сознательный поиск зависимости от нее подчеркивается не раз: «...русский народ с самого первого времени *стремился найти себе центральную власть*» [И. Е. Забелин. Записные книжки (1856)]; «...русский народ всегда... *легко покорялся всякому требованию*» [П. В. Анненков. Литературные воспоминания (1882)]; «...русский народ есть *сирота, опять нуждающаяся в Рюрике, Свинеусе и проч.*» [П. В. Анненков. Письмо И. С. Тургеневу (1883)], как и неспособность народа самому позаботиться о своем счастье: «*Все великое и прочное в жизни русского народа* было сделано почти искусственно и более или менее *принудительно, по почину правительства*» [К. Н. Леонтьев. Записка... (1881)]. Во второй половине XIX века представления о русском народе, несущем ярмо тиранической власти, усиливаются, особенно ярко это проявляется в «Листках» «Народной воли» (1880): «Не знаем, долго ли *царское правительство будет с успехом дурачить русский народ*»; «*Рассматривая русский народ как податную силу, подлежащую самой грубой эксплуатации*, русское правительство с неменьшим презрением относится и к высшим потребностям того общества, к поддержке которого оно в последнее время лицемерно взывало»; и в публикациях «Рабочей правды» (1880): «*Силой царь держит русский народ в нищете да невежестве*».

Вместе с тем встречаются и прямо противоположные суждения: «Русский народ способен к *республиканской жизни*. *Правительство* в его понятиях *не есть потребность, а случайность*» [Л. Н. Толстой. Записные книжки (1853—1857)], как и дискуссионные: «*Может ли кто сказать, что русский народ есть только косная масса, осужденная лишь служить экономически преуспеванию и развитию европейской интеллигенции нашей... сама же в себе заключает лишь мертвую косность, от которой ничего и не следует ожидать и на которую совсем нечего возлагать никаких надежд?*» [Ф. М. Достоевский. Дневник писателя (1880)]; «*Рабство и холопство — это скрывать нечего — составляют главную черту, или, как другие говорят, главную мудрость русского народа*» [А. Ф. Писемский. В водвороте (1871)], ср.: «...он согласен служить — но *хочет гордиться своим рабством*» [М. Ю. Лермонтов. Вадим (1833—1834)]; «*Что до рабских свойств русского народа, то какой же он раб?*!» [В. Л. Кигн-Дедлов. Переселенцы и новые места (1894)].

В конце XIX века в русском народе уже видят «*непочатые силы, источники жизни*» [З. Н. Гишпиус. Победители (1898)], «*могучий, исторический народ, создавший великое государство*, взрастивший и воспитавший в себе ту “душу живую”, которая, лишь только касался ее свет свободы и духовного развития, являла миру высокие образцы ума, таланта, самоотречения и подвига» [Н. Н. Златовратский. Левитов (1895)].

Это соответствует развитию представлений о «воле vs. неволе» *русского народа* от патриархальных, в соответствии с которыми «русский народ достоин похвалы, а не хулы за **приверженность к тому, которого почитал государем законным**» [Ф. М. Булгарин. Димитрий Самозванец (1830)], до предреволюционных, закрепленных в «Конституции» Н. М. Муравьева: «Русской народ, *свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства*» (1821 — 1825), и множущихся после отмены в 1861 году крепостного права, когда *народу* начали навязывать его новую «волю».

Важно отметить, что народное «вольное невольничество» и нежелание сбрасывать с себя «ярмо власти» находило в то же время простое объяснение: «**Долготерпение и смирение русского народа выражались и выражаются отчасти в охотном повиновении властям, иногда несправедливым и жестоким, как всякие земные власти, отчасти в преданности учению Церкви, ее установлениям и обрядам**» [К. Н. Леонтьев. О всемирной любви (1880)]. «Вера» и «верность» (как отечеству, так и коронованной церковью на царство властям⁵) в XIX веке, как показывает НКРЯ, являются едва ли не главными, системообразующими чертами *русского народа*.

3. Вера и верность

Верность русского народа — церкви, царю, отечеству, семейным устоям — в жизни была, как и в русском языке, производной от *веры*. Например, «**верность** и любовь к отечеству *православного русского народа*» представлены как неразрывное целое Ф. В. Ростопчиным на одной из афиш 1812 года, а И. Н. Скобелев в «Рассказах русского инвалида» (1838—1844) замечает: «**Служба есть величественнейший и священнейший храм веры, чести и славы русского народа**». В. А. Жуковский связывает *веру* и *власть*: «...святая любовь русского народа, глубокая *религия*, перешедшая к нему по преданию от предков, *религия*, врезанная ему в душу его судьбою, воспитанная в нем и светлыми и темными временами его жизни, нечто такое, чего никакая власть произвести не может, *есть драгоценнейшее сокровище русского самодержца, твердейшая опора самодержавия*» [В. А. Жуковский. Пожар Зимнего дворца (1838)]; «...русский народ, в котором никакой произвол мятежного умствования не поколебал веры в непреложность церкви, остался равномерно **верен и власти державной, проповедуемой церковью**» [В. А. Жуковский. О стихотворении «Святая Русь» (1847—1850)]. Представление о том, что «*русский народ... свято чтит предания, он — патриархальный, он не может жить без веры*» сохранилось и после 1861 года [И. С. Тургенев. Отцы и дети (1862)].

Достаточно много в рассмотренном нами материале утверждений непреложности веры, православия и христианства — на всем протяжении анализируемого периода: «**Святая Русь** есть отдельная, наслед-

⁵ На «врожденную царелюбивость, то святое патриархальное чувство, которым иконы сильна наша Русь», указывает, например, И. П. Липранди в заметках о книге «Восшествие на престол Императора Николая I» (1857).

ственная *собственность русского народа, упроченная ему Богом* [В. А. Жуковский. О стихотворении «Святая Русь» (1847–1850)]; «...русский народ *весь в православии и в идее его*» [Ф. М. Достоевский. Из записных книжек (1881)]; «...никогда русский народ *не изменит православию*» [М. Н. Волконский. Мальтийская цепь (1891)].

Отмечается *набожность*, которая проявляется «*сильно развитым в русском народе чувством необходимости быть на праздник во храме божием и... забытья от тревожений жизни в успокоительном голосе церкви*» [И. Т. Кокорев. Сибирка. Мещанские очерки (1847)], а также то, что «русский народ, будучи *в делах веры сильно привержен к букве и обряду*, сохраняет твердое убеждение, что *молитва ли церковная, заговор ли знахарской действуют лишь тогда, если в них не опущено и не изменено ни единого слова и если все прочтено или пропето на известный лад истари установленным напевом*» [П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Кн. 2 (1871–1874)], то есть о *вере и набожности* говорится как о «скрепах» поколений и народа в целом.

Однако *истовая вера* предстает не только как *истинная, настоящая*. Для некоторых она граничит с фанатизмом: «...русский народ вообще *набожен; но его набожность дурно направлена*» [А. О. Корнилович. Записки из Алексеевского равелина (1828–1832)], ср.: «...русский народ *склонен к религиозному фанатизму*» [М. А. Бакунин. Исповедь (1851)]. Однако чаще обращают внимание не только на «фанатичную», то есть страстно-преданную *верность* своей *вере*, но и на такое национальное качество, как *веротерпимость*: «*Что же касается до религиозного фанатизма, то... беспрекословное принятие христианской веры при Владимире Святом есть явление столько же естественное в русском народе, сколько неестественны были бы у нас события, подобные крестовым походам, борьбе римских первосвященников с светскими властителями или ужасам реформации*» [В. Н. Майков. Краткое начертание истории русской литературы (1846)]; «*Не должно думать, чтобы православная вера или дух русского народа требовали преследования чужих вер или чужих народностей*» [И. В. Киреевский. Записка об отношении русского народа к царской власти (1855)].

Церковь признается и символом духовного богатства: «...*церкви — благородная роскошь* русского народа» [В. А. Соллогуб. Аптекарьша (1841)], и национальным символом: «*Кто любит русский народ — не может не любить церкви*. Потому что *народ и его церковь — одно. И только у русских это одно*» [В. В. Розанов. Уединенное (1900–1911)]⁶. А русский народ в XIX веке получает «*титул*» *народ-богоносец* [Ф. М. Достоевский (1871); К. Н. Леонтьев (1871)]. Интересно, что именно в этом ключе упоминается и *народ-воин*⁷: в образах *христолюбивого воинства* [Ф. В. Рос-

⁶ Розанову вторит современный американский историк Грегори Фриз: «Понять церковь — значит понять народ» (Фриз, 2016, с. 242).

⁷ Заметим, что это именно *воин*, а не *победитель*: идеологема *народ-победитель* в текстах XIX века не отмечена, первые ее употребления в НКРЯ относятся к временам Гражданской войны и с наибольшей частотой встречаются уже в советское время; а начиная с конца XVIII века в документах и художественной литературе фигурирует *царь-победитель*.

топчин (1812)], *народа*, который «как один человек, *хочет, чтоб великая цель войны за христианство была достигнута*» [Ф. М. Достоевский (1877)]. И воюет *русский народ за веру* (свою и предков) и *верность* родной земле⁸.

4. Нравственные черты русского народа

Довольно часто в текстах XIX века встречается коллокация *добрый русский народ*: в большинстве случаев она употребляется как речевой штамп, где *добрый* значит скорее «близкий, преданный» (ср. *добрый друг*) или же «производящий хорошее внешнее впечатление» (ср. *добрый молодец, добрый человек*), а не «творящий добро, добродетельный». Но есть и примеры употребления эпитета *добрый* в значении «исполненный доброты», что особо подчеркивается указанием на буквальность смысла: «А ведь русский народ *именно добрый народ!*» [М. Е. Салтыков-Щедрин. Наш дружеский хлам (1858–1862)], либо упоминанием *доброты* как одного из положительных качеств: «Он расхваливал... *добрый, способный русский народ*» [К. М. Станюкович. Истинно русский человек (1890)]; «Народ, народ! Наш *умный, добрый русский народ!*» [Л. А. Авилова. На чужбину (1897)].

Народ характеризуется как *добрый, добродушный, великодушный, душевный, сердечный, человеколюбивый и сострадательный, гостеприимный*, и это подается как его отличительная черта и национальный стереотип: «Эта *душевность и сердечность* есть как бы отличительное свойство, присущее лишь русскому народу, и нигде в мире, *ни у одной нации нет столько чувствительности, столько сердечной теплоты, как в русском человеке*» [Н. Э. Гейнце. Самозванец (1898)]. Открытость, впрочем, делает русский народ и *простодушным, легковерным*, то есть практикуется им во вред самому себе.

Другие оцениваемые положительно стереотипные черты: *самоотверженность; смиренность, покорность, терпение, благочестие*, а также *невозмутимая терпимость, всепримиряемость, незлопамятность*.

Народ обычно *спокоен, сдержан*. Довольствуется малым, *непритязателен*, в том числе и потому, что не любит лишних движений: «Вообще сказать можно, что *русский народ неохотно перестраивает дом свой, пока в нем можно переночевать, хотя с опасностью*» [И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни... (1799–1806)]; отдается должное и «известному свойству русского народа *искать работы только до тех пор, покуда она необходима для его пропитания*» [И. В. Киреевский. Письма А. И. Кошелеву (1851)]. При этом «*русский народ приводил в изумление иностранцев своею терпеливостью, твердостью, равно-*

⁸ Именно с землей связан второй, мирный «титул»: *народ-земледелец* [А. Н. Энгельгардт (1880)], интересны упоминания о преимущественно растительной пище русского народа [А. Н. Радищев. Описание моего владения (1800–1801); Ф. Ф. Эрисман. Общественная гигиена (1871–1908)], подтверждающие это представление, а также об отрицании народом поземельной собственности [Л. Н. Толстой (1861)], то есть предпочтении им статуса *земледельца*, а не *земле-владельца*.

душием ко всяким лишениям удобств жизни, тяжелым для европейца, умеренно трудолюбивого, умеренно терпеливого и знакомого с правильным и расчетливым комфортом» [Н. И. Костомаров. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях (1860)].

Русский народ характеризуется также как *стойкий, упрямый*. Отмечаются его *смелость и удаль и отвага рвануться на дело добра*, а также *удальство, разгульность, неукротимость минутных желаний*, служащих продолжением *смелости, удалы, отваги* – качеств, которые можно отнести к достоинствам.

Что касается нрава, эмоционального профиля, то часто упоминаются *беспечность, веселость, врожденная насмешливость, запальчивость, мастерство биться на кулачки*.

Интересны свидетельства проявления духа народа в искусстве, в литературе и особенно в языке. Так, *русский народ*, как следует из письменных свидетельств XIX века, *любит изъясняться резкими выражениями*; «*врожденная насмешливость* русского народа избрела *множество забавных поговорок, метких выражений, прибауток и шуточек*» [А. В. Дружинин. Письма иногороднего подписчика о русской журналистике (1849)]; «...русский народ *на прозвища мастеров*» [И. С. Тургенев. Певцы (1850)]; воплощает в языке свое чувство юмора: «Надписи на столбе подчас трогательные, но не имеют, однако, безотрадности надписи над Дантовым адом: “Оставь надежды навсегда”. Напротив, *юмор* русского народа *выразился и в этих, иногда своеобразных надписях*: “Поминай как звали”. “Кланяйся в Нерчинске товарищам”. “Ищи ветра в поле”» [К. М. Станюкович. В далекие края (1886)]; а еще народ любит приукрашивать словами действительность: «*Общая привычка русского народа: он любит называть речками не только едва заметные ручьи, но даже стоячие, грязные пруды*, – и крестьянка, отправляясь мыть белье на свою запруженную лужу, всегда скажет: “Я иду на речку”» [М. Н. Загоскин. Москва и москвичи (1842–1850)].

Среди отрицательных национальных качеств упоминается только одно – *пьянство*: «...русский народ – *пьяница*» [Н. А. Добролюбов (1859)]; «русский народ издавна *славился любовью к попойкам*» [Н. И. Костомаров (1860)]; ср.: «Над русским народом стоят *две вещи вместо фельдгегера – водка и мамон*» [Ф. М. Достоевский. Из записных тетрадей (1876)]; «Подлинно добродетельным он едва ли может сделаться, ибо *чересчур пристрастен к спиртным напиткам*» [М. Е. Салтыков-Щедрин. За рубежом (1880–1881)]. Но при этом однозначного осуждения *пьянства* мы не нашли, над ним лишь подсмеиваются: «Везде в русском народе *к пьяному чувствуется некоторая симпатия; в острее же к загулявшему даже делались почтительны*» [Ф. М. Достоевский. Записки из Мертвого дома (1862)]; «*Я русский народ люблю, – охорашиваясь, сказал Гундриков и отпил немного наливки*» [А. И. Эртель. Записки Степняка (1883)].

Широта натуры в русском народе сочетается с противоречивостью. Противоречий отмечается довольно много: *свободный, независимый*, русский народ одновременно *покорный*; или, например, в народе видят,

«с одной стороны, его привязанность к покою, его невозмутимую терпимость, с другой — его же склонность к удалству и его же раздражительность» [В. Н. Майков (1846)]; замечают, что сосуществуют «русская беспечность и русский толк... по временам необычайная деятельность и подчас непреодолимая лень» [М. Н. Загоскин (1842)]. В одном и том же качестве видится диалектическая противоположность — например, самоуверенность в уверенности в себе: «Таков уж русский народ: он так **уверен в своей силе** и всякий неуспех приписывает или фатализму, или измене» [И. И. Лажечников. Новобранец (1858)]. Качества меняются и при назывании вещей (не) своими именами: «Так, например, произвол хотели присвоить русскому человеку как особенное, естественное качество его природы — под названием “широты натуры”; плутовство и хитрость тоже хотели узаконить в русском народе под названием сметливости и лукавства» [Н. А. Добролюбов. Луч света в темном царстве (1860)], — о точке зрения на образ и нравственные качества народа подробнее скажем отдельно.

5. Ум и «когнитивные способности»

Говоря о самобытности, оригинальности и талантах русского народа: «Русский народ **способен** ко всему великому и **одарен** необыкновенными качествами» [Ф. В. Булгарин. Воспоминания (1846—1849)], мыслители и писатели XIX века, как правило, отмечают и его восприимчивость ко всему новому, как сейчас сказали бы — «обучаемость»: «способность русского народа *все перенять и все делать*» [В. А. Соллогуб. Тарангас (1845)], ср.: «Русский народ *переимчив*» [Ф. Ф. Вигель. Записки (1850—1860)]; а также интуитивное постижение чужой культуры: «Вот я за это люблю русский народ: *по-латыни не знает, а dona ferentes боится*» [В. А. Слепцов. Трудное время (1865)]. И при этом порой указывают кто — на превосходство русских: «По природному здравому смыслу, или разуму <...> нет ни одного народа, который бы стоял выше русского. Эти свойства души русского народа признает весь свет» [Г. И. Успенский. Волей-неволей (1884)], кто — на их отставание от «цивилизации»: «...русский народ был *груб и невежествен сравнительно с Европою...*» [Ф. И. Буслаев. Русские духовные стихи (1861)].

Отмечаются прежде всего «ум и решительность» [А. С. Грибоедов. Desiderata (1824—1825)], «ум, сметливость, которыми всегда отличался русский народ от своих северных и западных соседей» (М. Н. Загоскин. Брынский лес. 1846). Вопреки расхожему мнению, что «мы ленивы и не любопытны» [А. С. Пушкин. Путешествие в Арзрум (1836)], утверждается: «Русский народ *любопытен и понятлив*» [И. Н. Скобелев. Рассказы русского инвалида (1838—1844)]. Идеал — это народная «чудная понятливость, возвышенная умозрительными науками» [В. Ф. Одоевский. Психологические заметки (1843)]; науке и обучению народа отводится особая роль: «Русский народ — *смышленный, понятливый народ, но без просвещения Россия застынет и уйдет назад*» [Н. В. Шелгунов. Люди... (1869)], однако невежество народа и его неспособность к самообучению к концу

XIX века все чаще отрицается: «*есть много грамотных мужиков, да и скоро русский народ поголовно будет грамотен, несмотря на то, что у него нет учителей*» [А. Я. Панаева. Воспоминания (1889–1890)].

Противопоставляются ум и умствование, то есть отвлеченные, праздные рассуждения: «*Наш русский народ, кажется по преимуществу практик, по преимуществу не способен к умозерцаниям и платонизму всякого рода*» [Е. Л. Марков. Очерки Крыма (1872)]. Однако к «неотвлеченным» раздумьям и размышлениям народ вполне склонен: «*Многое разное значит у русского народа почесывание в затылке*» [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)], и это противоречит расхожему, поданному в ироничном ключе представлению: «*...русский народ, как известно всему свету, необразованный, непросвещенный, так и рад случаю придраться, голову почесать, бороду потрясти, зубы поскалить...*» [В. И. Даль. Сказка о Шемякинском суде... (1857)].

Забавно, что в народном сознании, как показывают материалы НКРЯ, с рассуждениями уравниваются пересуды — всякого рода слухи, толки, из которых узнается что-то новое: «*О смертной охоте русского народа к новостям можно судить по сплетням, которые повсеместно подвизаются, а в матушке белокаменной Москве, можно сказать, свирепствуют!*» [И. Н. Скобелев. Рассказы русского инвалида (1838–1844)], или нечто, что позволяет вывести некоторые жизненные закономерности и сориентироваться в существующем положении дел: «*Жить без критики, без обсуждения дел своих и чужих — значит прозябать подобно растению, жить очертя голову, как говорит русский народ*» [В. Н. Майков. Статьи (1845)].

Рассудительность, осмотрительность, обдуманность действий и поступков расцениваются как залог общественного прогресса: «*Благоразумие русского народа доказано всею его историею*» [А. И. Кошелев. Записки (1884)].

Скажем и о таком качестве русского народа, как ювенильность. С одной стороны, подчеркиваются простодушие, наивность народа, которые могут трактоваться как ювенильность психологическая — незрелость мышления, инфантильность, и народ действительно предстает как «растущий организм»: «*Мы еще юноши*» [В. Ф. Одоевский. Психологические заметки (1843)]; «*Конечно, из русского народа не сформировался еще полный человеческий тип, но все-таки нельзя же отвергнуть того, что он формируется хоть понемножку, хоть незаметно, а формируется...*» [Н. А. Добролюбов. «Слухи» (1855)]; «*Герой и дитя — вот определение русского народа*» [Н. Э. Гейнце. Самозванец (1898)]. С другой, постоянно говорится о молодости народа, например: «*Мы, русские — народ молодой; мы только что начинаем жить, хотя и прожили уже тысячу лет; но большому кораблю большое и плавание*» [Ф. М. Достоевский. Дневник писателя (1876)], и эта ассоциация с молодостью, порой расцвета, бурлением жизненных сил (ср. у А. Ф. Писемского [В водовороте (1871)]: «...есть же в русском народе настоящая, живая сила», или у З. Н. Гиппиус [Победители (1898)]: «В русском народе — непочатые силы, источники жизни») возникает именно в момент освобождения народа от крепостной зависимости и становится устойчивой в последней трети XIX века.

6. Образ *русского народа* в зависимости от точки зрения: «свое vs. чужое»

Исследованный материал показал, что в XIX веке взгляд на народ менялся в зависимости от точки зрения. Как правило, «изнутри» видятся лишь положительные черты, либо, как уже было сказано, улавливается диалектика качеств, при которой образ перестает быть идеальным и схематичным. Отрицательные характеристики подаются в модусе самоиронии или же самокритики: не случайно В. С. Соловьев, вслед за Ф. М. Достоевским, отмечает в русском народе *«сознание своей греховности, неспособность возводить свое несовершенство в закон и право и успокаиваться на нем»* [В. С. Соловьев. Три речи в память Достоевского (1881—1883)], ср.: *«...а я скажу, что русский народ, может быть, и чудный народ, но прежде всего ему нужно искренне и с сокрушением покаяться, что он дрянной народ»* [В. Л. Кинг-Дедлов. Переселенцы в новые места (1894)].

«Серьезных» негативных описаний *русского народа* «своими» почти нет — мы нашли лишь два примера, в «Записках из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского (1862), где *«было несколько робких личностей из русских, народу всегда молчаливого и забитого»*, и в «Главах из воспоминаний» М. А. Дмитриева (1864), у которого *«русский народ жаден и не способен ни к спокойному наслаждению, ни к порядку; удовольствие для него всегда сопровождается буйством»*. Заметим, что они появляются уже после 1861 года, а ближе к концу XIX века эта тенденция усиливается — не без цели приблизить революционную ситуацию, — в частности, в публикациях «Рабочей газеты», в которых *русский народ «голоден, беден, темен»* и *«питается милостями, падающими с пышного пиршеского стола самодержца и его прихлебателей»: «Привык русский народ к этим царским подачкам, и в голову ему не приходит, что он не пес царский, а самовластный господин своей земли, своего имущества, своей воли, и имеет право не ждать милости, как даяния, а требовать своих прав»* (1881).

В первой же половине XIX века «ужасный лик» *русский народ* являл лишь иностранцам, «чужим», которые «считают русских народом бедным и едва ли что имеющим» [В. М. Головин. Путешествие вокруг света (1822)], для которых он *«флегматичного темперамента... тупой разумением, вялый волею, ленивый, не любящий ничего, кроме покоя, — до того, что даже руки не поднимет вытащить мухи из рюмки водки, а глотает водку прямо с мухой; <...> есть и доброта у русских, но это больше от лени»* [Дневники св. Николая Японского (1895)], или же имеет, напротив, *«зверинный образ»*, но процитированные или пересказанные мнения тут же опровергаются. Либо видимые недостатки обращались в достоинства: *«Пусть много недостатков иноземцы находят в русском народе, но им нельзя не согласиться, что есть нечто великое даже в его недостатках; например, мы любим бесполезное, тогда как другие корпят над расчетами пользы; мы метим кинуть тысячи для минуты, прожить жизнь в один день — это дурно в меркантильном отношении, но показывает нашу поэтическую организацию»* [В. Ф. Одоевский. Психологические заметки (1843)].

Впрочем, и *русский народ* не жаловал иноземцев — чего стоит некорректное утверждение: «...наш *русский народ не тупоумный, кропотливый немец, не легкомысленный француз, не торгош-кулак англичанин!*» [Н. Э. Гейнце (1898)]; кроме того, «*русский народ* всегда *глядел на них ко-со, вследствие преимуществ, доставляемых им званием иностранца*, и обвинял их в том, что они отнимают у него барыши от торговли и работы» [И. И. Ореус. Записки (1889)], и, смотрясь «невежественно» в сравнении с просвещенным народом Европы, «*русский народ* вовсе не так *был неприязнен* к знакомству со знаниями, как *к чужеземным приемам жизни, которые ему навязывали насильно*» [Н. И. Костомаров. Русская история... (1865–1872)].

Как можно заметить, оппозиция «свои vs. чужие» была релевантна на протяжении всего рассматриваемого периода, но в первой половине XIX века затрагивала межнациональные отношения и стереотипы, а во второй характеризовала уже поляризацию самого российского общества.

7. Народ и общественное устройство

Кроме отношений *народа* и (*царской*) *власти, правительства, государства* для понимания существовавших в России XIX века социальных оппозиций важно рассмотреть и соотношение *народа* и *общества*.

С одной стороны, *общество* было частью *русского народа*, о чем говорит формулировка «русское *общество* и даже *весь русский народ*» [М. М. Филиппов (1894)], с другой — *общество* относилось к *народу* по-отечески, ему вменялось вызволить *народ* из оков «дурачащего» его царизма, заняв активную позицию в классовой борьбе, ср. вопрос: «Но *русское общество, чем оно себя заявило?*» [Народная воля. 1880. №4], а также просвещать *народ*, открывая ему глаза на его положение: «за дело *обновления русского народа наукой и знанием* должно взяться само *общество*» [Г. И. Успенский (1889)].

Как видно, под *обществом* понимается и национальная общность в границах российского государства, и, в большинстве случаев, узкий круг родовитых, влиятельных и просвещенных людей, а также «интеллигенция». Интересно, что лучшие умы не отделяли себя от *народа*, ср.: «Я жил и живу *между русским народом*, не отделяясь от него никогда» [И. И. Горбачевский. Письмо М. А. Бестужеву (1861)]; «*Простой трудовой народ вокруг меня был русский народ*, и я обратился к нему и к тому смыслу, который он придает жизни» [Л. Н. Толстой. Исповедь (1882)], но все же мыслили себя не *внутри*, а *в окружении* так называемого *простого народа*.

В словарном значении *простой народ* — это непривилегированное, низкого происхождения и звания сословие, то есть *простонародье*. Объем соответствующего понятия в XIX веке, судя по данным НКРЯ, был большим. В него включались: *трудовой народ* [Л. Н. Толстой (1882)], *полуобразованные сословия и многочисленный класс чиновников низшего и среднего разряда* [М. А. Корф (1852)]; кроме того, *простой народ* подразделялся не только на *простолюдинов*, но и на *простых* и «не-простых» *людей из дворянства* [К. Н. Леонтьев (1891)], в начале века в *простом народе* можно

было различить и образованных молодых людей, не испорченных еще искалечением и светскими приличиями [Ф.В. Булгарин (1830)], в двух последних случаях *простота* — синоним безыскусности, открытости, прямоты. Иными словами, в первой половине века заметнее проявлялось представление о *русском народе*, стремящемся к *единству*, *единению* до состояния «как один человек» в общественной жизни, во второй — идея *единения* созвучна лишь *патриотизму*, направленному вовне.

Для общества же *русский народ* на протяжении века представляется загадочным [И.В. Киреевский (1827); М.Е. Салтыков-Щедрин (1856)], он *обманывает все расчеты* [В.П. Мещерский (1897)], но от него ждут диалога: «А ты, *неведомый нам, но любимый* нами всем нашим существом, всею кровью нашего сердца, *русский народ, прими нас* — не слишком безучастно — и *научи нас, чего мы должны ждать от тебя?*» [И.С. Тургенев. *Новь* (1877)]. А *простой народ*, говоря словами А.С. Пушкина, «безмолвствует» и при этом «интеллигенцию» *не любит* [К.Н. Леонтьев (1880)].

Проведенный анализ показывает, что черты, приписываемые *русскому народу* в документальных и художественных произведениях XIX века, формируют систему, закреплённую и в языковой картине мира. Так, объём понятий, стоящих за коллокациями *добрый народ* и *простой народ*, определяется языковой многозначностью используемых эпитетов; фундаментальными характеристиками *русского народа* становятся *вера* и *верность*, *благочестие* и *честь*, *терпимость* и *терпение*, *общность* в *обществе*, соотносимые с одним языковым корнем; многие амбивалентные качества также связаны на языковом уровне: *удаль* / *удальство*, *ум* / *умствование*, *рассудительность* / склонность к *пересудам*, *понятливость* / *понятность* и т.д. Отмеченные нравственные и интеллектуальные качества *народа* складываются в многомерный, диалектически сложный образ, который, благодаря своей внутренней подвижности оценивается то положительно, то отрицательно — в зависимости от точки зрения, с позиции «своих» или «чужих». После отмены крепостного права в 1861 году наблюдается резкая поляризация в структуре *русского народа*, в чем можно видеть отражение общественных процессов, приближающих революционную ситуацию.

Список литературы

Агейкина И.Н. Идеологемы «народ» и «народность» в русской публицистике XIX в. // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2008. № 11. С. 228 — 235.

Мухина Г.А. Русские критики XIX в. о русской идентичности // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2015. № 2. С. 92 — 110.

Плунгин В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2. С. 7 — 20.

Рымарь С.В. Русская народность // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 33. Политические науки. Востоковедение. Вып. 13. С. 19 — 26.

Синявина Н.В. История как предмет рефлексии русского общества первой половины XIX в. // Культура и образование : науч.-инф. журнал вузов культуры и искусств. 2017. № 2. С. 31 — 38.

Фриз Г. «Понять церковь – значит понять народ...» (интервью) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 4. С. 242 – 250.

Шилихина К. М. Использование корпусов в исследованиях дискурса // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 3. С. 21 – 26.

Шмелева Т. В. Портретирование как стратегия лингвистического исследования // Записки филиала РГГУ в г. Великий Новгород. Вып. 8. Историко-культурный и экономический потенциал России: наследие и современность : матер. междунар. науч.-практ. конф. Великий Новгород, 2010. С. 193 – 197.

Об авторах

Левон Николаевич Саакян, кандидат филологических наук, доцент, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Россия.

E-mail: sahalev@mail.ru

Ольга Игоревна Северская, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Россия.

E-mail: oseverskaya@yandex.ru

Для цитирования:

Саакян Л. Н., Северская О. И. Русский народ» в литературе и документах XIX века: опыт языкового портретирования // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, № 3. С. 57 – 71. doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-4.

“RUSSIAN PEOPLE” IN THE LITERATURE AND DOCUMENTS OF THE 19th CENTURY: AN EXPERIENCE OF LINGUISTIC PORTRAITURE

L. N. Sahakyan¹, O. I. Severskaya²

¹ Pushkin State Institute of the Russian Language
6 Volgina St., Moscow, 117485, Russia

ORCID <http://orcid.org/0000-0002-5046-7894>

² Vinogradov Russian Language Institute, RAS

18/2 Volkhonka St., Moscow, 119019, Russia

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-6277-9756>

Submitted on 6 June, 2020

doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-4

The article describes the ideologeme “Russian people” and its use in the texts of fiction and documentary literature of the 19th century. The authors explored both the socio-political concept “Russian people” and its verbalization in Russian. The research material included examples from the Russian National Corpus, which were analysed using corpus, content-analytical and cognitive methods. This research aims to identify and to characterise the concept “Russian people”. The authors argue that it was in the 19th century that the concept “Russian people” evolved into a term and the image of Russian people was mythologized. The authors concluded that the concept “Russian people” is composed of two parts – ‘ordinary people’ and ‘society’. The latter behaves in a fatherly way, taking upon itself the mission of enlightenment of ordinary people and their liberation. In the semantic field “Russian people” there are numerous semantic components directly related to the concept analysed: faith, faithfulness, patience, tolerance, understanding, receptivity, openness, simple-mindedness, juvenility, etc. The authors consider the moral and intellectual qualities of Russian people, which are dialectical and ambivalent. The authors explore these characteristics of Russian people

from the standpoint of the dichotomy own vs. alien. The analysis shows that after the abolition of serfdom in 1861, the image of Russian people undergoes significant changes under the influence of social processes.

Keywords: Russian people, ideologeme, texts of the 19th century, corpus research, linguistic world view.

References

Ageykina, I.N., 2008. Ideologemes “people” and “nationality” in Russian journalism of the XIX century. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedeniye. Yazykoznaniiye. Kul'turologiya* [Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Literary Studies. Linguistics. Culturology], 11, pp. 228–235 (in Russ.).

Mukhina, G.A., 2015. Russian critics of the 19th century about Russian identity. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya “Istoricheskiye nauki”* [Bulletin of the Omsk University. Series “Historical Sciences”], 2 (6), pp. 92–110 (in Russ.).

Plungyan, V.A., 2008. Corpus as a tool and as an ideology: on some lessons of modern corpus linguistics. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 2 (16), pp. 7–20 (in Russ.).

Rymar', S.V., 2012. Russian nationality. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 33 (287), pp. 19–26 (in Russ.).

Sinyavina, N.V., 2017. History as a subject of reflection of Russian society in the first half of the 19th century. *Kul'tura i obrazovaniye: nauchno-informatsionnyy zhurnal vuzov kul'tury i iskusstvo* [Culture and education: scientific and information journal of universities of culture and arts], 2 (25), pp. 31–38 (in Russ.).

Freeze, G., 2016. “To understand the Church means to understand people...” (Interview). *Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad], 34 (4), pp. 242–250 (in Russ.).

Shilikhina, K.M., 2014. The use of corpus in the study of discourse. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 3, pp. 21–26 (in Russ.).

Shmeleva, T.V., 2010. Portraits as a strategy of linguistic research. *Zapiski Filiala RGGU v g. Velikiy Novgorod. Vol. 8: Istoriko-kul'turnyy i ekonomicheskiy potentsial Rossii: naslediyе i sovremennost': Materialy mezhdunarodnoy nauchnoprakticheskoy konferentsii* [Notes of the Branch of the Russian State Humanitarian University in Veliky Novgorod. Vol. 8: The historical, cultural and economic potential of Russia: heritage and modernity: Materials of an international scientific and practical conference]. Velikiy Novgorod, pp. 193–197 (in Russ.).

The authors

Dr Levon N. Sahakyan, Associate Professor, Pushkin State Russian Language Institute, Russia.

E-mail: sahalev@mail.ru

Dr Olga I. Severskaya, Leading Researcher, Vinogradov Russian Language Institute, RAS, Russia.

E-mail: oseverskaya@yandex.ru

To cite this article:

Sahakyan, L.N., Severskaya, O.I. 2020, “Russian people” in the literature and documents of the 19th century: an experience of linguistic portraiture, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 3, p. 57–71. doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-4.

**«СООТЕЧЕСТВЕННИКИ» В XIX ВЕКЕ —
СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ
ПО ДАННЫМ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА**

С. Т. Золян¹

¹ Институт философии, социологии и права НАН Армении
Армения, 0010, Ереван, ул. Арами, 44
ORCID <https://orcid.org/0000-0002-4422-5792>
Поступила в редакцию 05.01.2020 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-5

Понятие «соотечественник» — один из ключевых инструментов самоописания общества, именно благодаря ему происходит ключевое разграничение «мы» — «они». Прослежена история этого слова начиная с его появления в XVIII веке. Две линии скрестились при его возникновении — с одной стороны, старославянское и древнерусское отечество, понимаемое как место происхождения, с другой — послуживший образцом галлицизм «компатриот». Эти два понимания формируют два новых прототипических значения: первое, «гражданское», — собирательное и высокое, и второе, тяготеющее к этничности, обозначающее — если нет контекстуальных уточнений — русских. По мере усиления государственных институтов первое должно было стать преобладающим, что в определенной мере имело место к началу XIX века. Однако вплоть до настоящего времени следует говорить не о синтезе, а скорее о доходящей до энтимосемии разногласии его значений. Кроме того, в словоупотреблении XIX века возникает новое значение: русские за рубежом. По принципу инверсии формируется взгляд на себя, но со стороны. Слово наполняется новыми оценочными смыслами, при этом преобладают негативные коннотации. Амбивалентным образом смешиваются и заступают место друг друга: мы — они, здесь — там, свои — чужие. Оказываются разделенными собирательное (объединяющее нас) и разграничительное (отделяющее от них) значения. Возникают разнообразные гибридные «соотечественники»: мы — там, они — здесь и т.д. Гетерогенность семантики слова отражает коллизии внутри общества, что в начале XX века обернулось его трагическим расколом.

Ключевые слова: соотечественники, «мы vs. они», Россия в XIX веке, русские за рубежом.

Не довольствуясь отвлеченной идеей отечества, ты ищешь олицетворить его в чем-нибудь конкретном, и в этих поисках прежде всего наталкиваешься на своих соотечественников.

М. Е. Салтыков-Щедрин. Убежище Монрепо (1878 — 1879)

1. Общество в зеркале слова: к постановке проблемы

Общество, как и культура, начинается с семантического разграничения *своего* и *чужого*, отграничения «наших» от «не-наших», что получает семиотическое оформление в ключевых языковых и символических

ских практиках. Посредством подобных дискурсов и дискурсивных практик формируется самосознание общества, а их описание становится метаописанием данного социума. Это описание может расходиться с теми представлениями, которое навязывают обществу власть или идеологи различных направлений, оно может иметь различные манифестации, может и вовсе не осознаваться, но тем не менее во всех случаях получает определенное выражение в семантике используемого языка. Даже искаженное описание становится важной характеристикой (само)описывающей системы. Слово «соотечественники» может считаться одним из главных параметров системы, в которой общество описывает себя и свои границы. Неопределенность и доходящая даже до энтимосемии амбивалентность его семантики оказывается характеристикой, отражающей неопределенность дискурсивных и рефлексивных систем социума. Эта семантика может быть выявлена на основе корпусного анализа того, как употребляется это слово.

Методологической опорой становится витгенштейновское понимание семантики знака: его значение есть его употребление. Через употребление возможно идентифицировать значение, тогда как обратный путь — посредством нормативных текстов (будь то словари, законодательство, учебники и т.п.) генерировать такое употребление, которое бы соответствовало нормативному значению, в данном случае оказывается неадекватным, если даже возможным. В случае *соотечественников* концепт, который, казалось бы, должен служить инструментом измерения и делимитации, парадоксальным образом сам оказывается нуждающимся в делимитации и идентификации.

2. Рождение слова: от сородичей к согражданам

Слово *соотечественник* было создано в XVIII веке как калька с галлицизма *compatriote*, фр. *compatriote*, победив в конкурентной борьбе другие неологизмы². Вместе с тем оно имеет корни в старославянском, поскольку образовано от слова *отечество*, которое первоначально относилось к месту рождения и роду, будучи отличным от обозначений этноса («языка» или «племени»). В этом же значении оно продолжало использоваться и в старорусском. Безусловно, «неологизм» «соотечественник» воспринял семантику не только французского образца, но и старорусского предка. Словарь русских говоров Владимира Даля все еще воспроизводит архаичное, близкое к «земляку» «местническое» значение:

Соотѣчественникъ [м.], **соотѣчественница** [ж.], **собтчиць** [м.], **собтченка** [ж.] рожденный въ одномъ отечествѣ, отчизнѣ; нашеземець, своеземець,

² В «Новом лексиконе» С. Волчкова (1755) дан следующий перевод: «Compatriote. Одноземец, одной земли человек, одного отечества с кем, земляк (компатриот)». В XVIII веке создаются и другие формы: *единоотечественный* (1724), *соотечник* (1765), *сопатриот* (1781), *соотчич* (1732–1744; 1789); см.: (Арапова 2010; Золян 2019).

единоземець, одноземець, соземець, землякъ, родовичь, родиничь, сорбодичь; рожденный въ одномъ съ кѣмъ-либо государствѣ, или въ одной губернии, или однопоревенець (Даль, 2006, с. 271).

Вместе с тем уже в старорусском к XV веку, по мере оформления Московского царства, наряду с вышеуказанным значением слова *отечество* возникает новое, близкое к современному — государство, или *Русская земля*:

Подщитесь свое отечество, Рускую землю, от поганых сохранить... [Повесть о стоянии на Угре (1480–1490)]³.

В первых употреблениях новосозданного слова «соотечественники» нетрудно увидеть влияние послепетровской европеизации. Как его первое употребление Национальный корпус русского языка (НКРЯ) приводит речь Третьяковского — по изложению 1745 года:

Вы, кои славитесь знанием языков иностранных, постарайтесь познать своих соотечественников с славными сочинениями народов чуждых, обогатите их умы новыми познаниями и сердцам их доставьте новья, сладчайшия чувствования [В. К. Третьяковский].

Все приводимые в НКРЯ словоупотребления достаточно однородны по значению, указывая на происхождение и имея в виду скорее как территорию, так и этничность (так, о Лефорте говорится как о *швейцарском соотечественнике* на русской службе). Происходит отмирание «локального», «земляческого» понимания *Отчизны*, *Отечества*, но вместе с тем *быть соотечественником* еще не соотносится с «гражданством». К первой трети XIX века значение этого слова приобретает новые оттенки, частично вобрав в себя семантику запрещенного указом Павла I слова «сограждане» (Высочайшее повеление, 1797). Показательно в этом отношении словоупотребление Н. М. Карамзина: у него встречается как архаичное «местническое», так и новое, «гражданское» осмысление слова. Говоря об исторических событиях, Карамзин использует архаичное понимание *соотечественника*: это скорее «сородич» или даже «земляк». Так, поступивший на службу к псковитянам литовский князь *Довмонт оправдал сию доверенность подвигами мужества и ненавистью к соотечественникам* — литовцам. С другой стороны, «москвитяне» не являлись соотечественниками для новгородцев. Но, говоря о современности, Карамзин использует это слово уже в новом, «общегосударственном» значении:

...Здесь поселился наш соотечественник, граф Григорий Кириллович Разумовский...

...соотечественники Вольтеровы не имеют, может быть, ни двух истинных трагедий...

³ Здесь и далее цитаты из НКРЯ даны по электронному ресурсу: <https://ruscorpora.ru>.

В XIX веке изначальное, «местническое», или «земляческое», значение практически исчезает. При этом начинают конкурировать между собой «гражданское» и «этническое». Можно заметить жанровое размежевание: первое, во многом похожее на западноевропейское понимание, встречается в публицистике, описывая некоторое идеальное состояние:

Всякий имеет право излагать свои мысли и чувства невозбранно и сообщать оныя посредством печати своим соотечественникам [Н. М. Муравьев. Конституция (1825)].

Народность в писателе есть достоинство, которое вполне может быть оценено одними соотечественниками — для других оно или не существует или даже может показаться пороком [А. С. Пушкин. О народности в литературе (1825)].

Но Пушкин же при описании реалий прибегает к этническому пониманию:

Приѣхать бы ты къ намъ въ Одессу посмотриѣть на соотечественниковъ Мильтиада [Пушкин. Письмо П. А. Вяземскому (1824)] (встреченные Пушкиным греки, вероятнее всего, были российскими подданными — то есть соотечественниками в том смысле, в котором это слово было употреблено Муравьевым).

Поскольку иностранцы выделяются и идентифицируются по происхождению, то изменение подданства не меняет их изначального статуса. Так, уроженцы других стран, иностранцы на русской службе, как и Лефорт, очевидно, были российскими подданными, однако идентифицируются они применительно к месту рождения и этническому происхождению:

Однако ж, мои соотечественники страшные с... — проговорил один полковник персидского происхождения, служащий на Кавказе, взглянув на бархатные диваны, сплошь засаленные пловом [П. И. Огородников. Очерки Персии (1874)].

Эти два понимания формируют два новых прототипических значения: первое, «гражданское», собирательное и высокое, которое обычно выражается посредством множественного числа и обозначает граждан государства, и второе, тяготеющее к этничности, обозначающее — если нет контекстуальных уточнений — русских («наши соотечественники»), а при наличии таких уточнений — представителей других этносов и национальностей («их соотечественники»). Тем самым одновременно с оформлением семантики слова создается и семантический разрыв между этим абстрактным, тяготеющим к идеальному типом соотечественника-гражданина и реальным соотечественником, носителем не предписанных дефиницией свойств, а заданной и вынужденной, а потому далеко не всегда желанной общностью этноса и государства.

3. Соотечественники за рубежом — «мы» или «они»?

Еду за границу; там размыкаю ту тоску, которую наносят мне ежедневно мои соотечественники.

Н. В. Гоголь, письмо Погодину (10 мая 1836)

Сформировавшиеся в XVIII веке значения оставались актуальными и в XIX столетии. Вместе с тем в словоупотреблении XIX века возникает новое значение — слово «соотечественники» начинает ассоциироваться с русскими за рубежом: сперва с путешествующими, впоследствии — с проживающими российско-подданными, а затем, уже в XX веке, с появлением русской диаспоры, — с гражданами иных государств с русскими корнями.

В XVIII веке слово «соотечественник» употребляется пусть и в разных значениях, но достаточно единообразно по отношению как к иностранцам, так и к русским, причем вне зависимости от того, говорится ли о русских за границей или же в России. В целом это словоупотребление соответствует все еще приводимым в современных словарях толкованиям — это общность, основанная на месте рождения или этничности. Это значение не исчезает, но к нему добавляются новые. Соотечественник — это носитель определенных прототипических свойств, которые выявляются прежде всего при сопоставлении с иностранцами. Появляется возможность «себя показать, на других посмотреть». По принципу инверсии формируется взгляд на себя, но как бы со стороны. Взгляд на других дополняется возможностью взглянуть на себя глазами другого.

Ставшее в XVIII веке традиционным для дворянства путешествие в Европу позволяет наполнить концептуальное ядро слова некоторыми субстанциональными смыслами — соотечественник воспринимается как носитель определенных норм поведения, которые становятся явными при сопоставлении с другими. При этом значительная часть не только путешествует, но и проживает в Европе. Широкое присутствие русских за границей приводит к появлению у слова новых смыслов, объясняемых смещением взгляда на себя. Пересечение границы формирует взгляд на *своих*, но уже оттуда и в сравнении не с *нами*, а с *ними*. Результирующий смысл оказывается амбивалентным. Расхожее motto «*так приятно встретиться на чужбине с соотечественником*», по Достоевскому, лишь в приводимом отрывке употребившему, а точнее, процитировавшему это слово, маскирует противоречивые чувства внешнего дружелюбия и подспудных вражды и боязни:

А меж тем, казалось бы, «так приятно встретиться на чужбине с соотечественником». Да и разговор-то всегда почти начинается с этой самой фразы; узнав, что вы русский, соотечественник непременно начнет: «Вы русский? как приятно встретиться на чужбине с соотечественником: вот я здесь тоже»... и тут сейчас же начинаются какие-нибудь откровенности, именно в самом дружественном и, так сказать, в братском тоне, приличном двум соотечественникам, обнявшимся на чужбине. Но не верьте тону: со-

отечественник хоть и улыбается, но уже смотрит на вас подозрительно, вы это видите из глаз его, из его сюсюкания и из нежной скандировки слов; он вас меряет, он уже непременно боится вас, он уже хочет лгать; да и не может он не смотреть на вас подозрительно и не лгать, именно потому, что вы тоже русский и он вас поневоле меряет с собой, а может быть, и потому, что вы действительно это заслужили... Одним словом, неискренность и враждебность растут с обеих сторон и — разговор вдруг обрывается и умолкает. Соотечественник от вас вдруг отвергывается. Он готов проговорить все время с каким-нибудь немецким булочником, сидящим напротив, но только не с вами, и именно чтоб вы это заметили. Начав с такой дружбы, он прерывает с вами все сношения и отношения и грубо не замечает вас вовсе [Ф. М. Достоевский. Дневник писателя (1876)].

Слово «соотечественник» наполняется новыми оценочными смыслами, при этом начиная уже с Карамзина преобладают негативные коннотации. У Карамзина оценка *своих* еще подчинена внутренней оптике: отрицательные характеристики *наших* соотечественников за границей объясняются «их» нравами — тем, что *наши* подражают «им»:

Иногда и *наши* любезные соотечественники присоединяются к *ним* и, вместо того чтобы успевать в науках, успевают в шалостях [Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника (1793). Здесь и далее в цитатах курсив мой. — С. 3.].

Безусловно, данные НКРЯ отражают словоупотребление образованного и привилегированного, преимущественно европеизированного слоя российского общества, но именно оно формирует новую семантику. Значительное присутствие русских в Европе (во всяком случае, большинство из тех, чье словоупотребление, в отличие от респондентов Владимира Даля, сохранилось, поскольку было зафиксировано в литературе и публицистике; ср. в «Зимних заметках» Ф. М. Достоевского: «Кому из всех нас русских (то есть читающих хоть журналы) Европа не известна вдвое лучше, чем Россия?») приводит к необычному глубинному сдвигу. Если следовать чеканной формуле Георга Зиммеля, общество регулируется ключевым разграничением «Мы (свои) — Здесь» / «Они (чужие) — Там»; при этом возможны и ситуации «Они — здесь» (чужаки, инородцы), так и «Мы — там» (диаспора, колония) (Зиммель, 2008). Безусловно, слово «соотечественники» этимологически и прототипически предназначено обслуживать именно это разграничение, выделяя тех, кто «мы — здесь». При этом оно должно ассоциироваться с интегративными признаками *нашего* — это то, что нас объединяет. Взгляд на *своих*, но со стороны и среди чужих (за границей не только географической и политической, но и семиотической), резко меняет ракурс — «мы» оказывается тем, что отличает *нас* от *них*. Интегративный объединяющий признак заменяется на дизъюнктивный, отграничивающий. «Соотечественники» раздваиваются — в одном смысле это «мы — здесь», в другом «мы — там», причем возможны разнообразные наложения: все, кто не здесь, могут стать «они» (наши, но «бывшие соотечественники», и потому уже не наши), и все, кто здесь, могут стать «мы» (не наши, но уже соотечественники, сограждане). После пересе-

чения границы, когда «мы» оказываемся «там», формируется взгляд на себя как на иностранца — описание нас, но с «их» точки зрения (ср. у Александра Галича: «Оказалось, что они, голодранцы, понимают так, что мы — иностранцы»).

«Соотечественник» становится объектом, подлежащим некоторому этнографическому или культурологическому описанию, это уже скорее культурная, нежели этническая общность, противопоставленная «европейцам»⁴, носитель определенных культурой норм поведения, которые становятся явными при сопоставлении с другими. Вследствие этого слово «соотечественник» наполняется оценочными смыслами, а поскольку во всех языках иностранцы, в особенности соседи, наделяются преимущественно отрицательными коннотациями, то та же судьба частично была уготована и слову «соотечественник» в значении «русский за границей». Восприятие «наших» с точки зрения «местных», как правило, не сопровождается положительными эмоциями, почему и необходимы мимикрия, сокрытие «своего», подлаживание под «чужого»:

За Прерау слышались первые звуки русского языка: это возвращавшиеся назад соотечественники решились, наконец, выдать свое инкогнито [Вас. И. Немирович-Данченко. Цари биржи (1886)].

Общее подданство и страна происхождения могут перестать восприниматься как главное разграничение между «своими», и «чужими»:

Так что очень часто для людей одного государства — люди другого государства ближе и нужнее, чем свои соотечественники, как это имеет место для рабочих, связанных с работодателями других народностей, для торговых людей и в особенности для ученых и художников [Л. Н. Толстой. Христианство и патриотизм (1894)].

«Свое», увиденное новым взглядом оттуда, приводит к тому, что у слова «соотечественник» появляется новое, пейоративное значение — как носителя неприемлемых характеристик:

Не поражает ли вас, что наши соотечественники пользуются не совсем деликатно своими сомнительными правами и несомненно безнравственностью? [П. П. Вяземский (1887)].

⁴ «Нет, я про нашу привилегированную и патентованную кучку теперь говорю. Ведь все, решительно почти все, что есть в нас развития, науки, искусства, гражданственности, человечности, все, все ведь это оттуда, из той же страны святых чудес! Ведь вся наша жизнь по европейским складам еще с самого первого детства сложилась. Неужели же кто-нибудь из нас мог устоять против этого влияния, призыва, давления? Как еще не переродились мы окончательно в европейцев? Что мы не переродились — с этим, я думаю, все согласятся, одни с радостью, другие, разумеется, со злобою за то, что мы не доросли до перерождения» (Ф. М. Достоевский, «Зимние заметки»). Исчерпывающий обзор различных концептов *русского европейца* см.: (Кантор, 2008).

Возникает необходимость новой границы — отделяющей от соотечественников. Заграница — вот что может отделить *нас-там* от *мы-здесь*, с этой надеждой отправляется в Европу Гоголь (см. эпиграф к разделу), но и это может оказаться недостаточным. Согласно М.Е. Салтыкову-Щедрину, мучения И. С. Тургенева были вызваны не только тяжелой болезнью, но и *назойливостью* (то есть попыткой преодолеть установленные им барьеры) *гуляющих соотечественников*:

Конец Тургенева был поистине страдальческий. Помимо неслыханных физических мучений, более года не дававших ему ни отдыха, ни срока, он еще бесконечно терпел и от назойливости гуляющих соотечественников [М.Е. Салтыков-Щедрин. И. С. Тургенев (1883)].

Заметим, что именно Салтыков-Щедрин, по данным НКРЯ, чаще всех из писателей XIX века употребляет слово «соотечественник»⁵, причем преимущественно в пейоративном значении, тем самым закрепляя его новую семантику:

Мы, с своей стороны, покинули Эвиан и, переезжая на пароходе, расуждали о том, *как приятно встретить на чужбине соотечественника* и какие быстрые успехи делает Россия, наглядно доказывая, что в качестве «гарсонов» сыны ее в грязь лицом не ударят [М.Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина (1887—1889)].

Семантика общности доводится им до злой пародии, причем деконструкции подвергается именно ее культурное ядро:

Хорошо и одному пообедать у Биньона или у Маны, но вдвоем, втроем проштудировать приличествующий обеденный *menu* — куда лучше. В особенности слаще естся и пьется, живее чувствуются всякие скульптурности — в обществе соотечественников. Сердце сердцу весть подает. Никто так благовременно не щелкнет языком, никто так целесообразно не посмотрит на свет сквозь вино, так умно не вдохнет ноздрями, так сладостно не зажмурит глаза, так вкусно не захлебнется собственной слюною, как соотечественник. Обжоры и *gourments* всех стран и национальностей проделывают все эти движения; но только соотечественник выполнит это так, что у земляка все нутро взиграет. Все тут скажется: и писанная история, и устные предания, и педагогические особенности, и институт урядников, и внутренняя политика, и «не белы снеги»... [М.Е. Салтыков-Щедрин. За рубежом (1880—1881)].

Многие объясняют это явление отчасти легкостью и общительностью славянской природы, отчасти живую потребностью самооплевания, которая будто бы составляет основную черту россиян; но я, с своей стороны, думаю, что, помимо двух этих признаков, имеется еще и другая, более глу-

⁵ Ср. данные НКРЯ по писателям этого периода: М.Е. Салтыков-Щедрин — 18 документов, 45 словоупотреблений (1,13 % от общего числа); И. И. Лажечников — соответственно 6 и 39 (0,98 %); П. К. Козлов — 5 и 38 (0,95 %); Г. И. Успенский — 11 и 35 (0,88 %); Н. А. Тучкова-Огарева — 1 и 27 (0,68 %); Н. В. Гоголь — 5 и 24 (0,60 %).

бокая причина, заставляющая наших путешествующих соотечественников пребывать, так сказать, в непрерывном стыде [М. Е. Салтыков-Щедрин. Наша общественная жизнь (1863—1864)].

Люби отечество свое, люби! Служи ему собственным лицом, а не чрез посредство наемников; не процветай особо, но совместно с твоими соотечественниками, не утопай в бездельничестве и равнодушии, но стой грудью за други своя, жертвуй своими интересами, своею личностью, самоотвергайся! Ежели тебе жалко поступиться рублем, то поступишь хоть двугривенным. [М. Е. Салтыков-Щедрин. Убежище Монрепо (1882)].

4. Соотечественники: свои как чужие

Коллективность, связывающая нас, соотечественников, подвигает Салтыкова-Щедрина создать неологизм: *сомерзавец*, что, видимо, мыслилось как синоним к «соотечественнику»:

...и мерзавцу в своем отечестве веселее, потому что он найдет там массу вполне однородных сомерзавцев, с которыми ему можно душу отвести; стало быть, дескать, и я: подберу подходящую компанию, и будем мы вкупе сомерзавствовать, а до прочего нам дела нет. [М. Е. Салтыков-Щедрин. Убежище Монрепо (1882)].

Щедринское словоупотребление при всей его специфичности отражало восприятие достаточно влиятельной в интеллектуальном отношении части общества, что знаменует глубокий раскол внутри него. От восприятия соотечественников как не обязательно *своих* (как у Л. Н. Толстого) часть общества переходит к их характеристике как не просто чужих, а как *сомерзавцев*. Это есть разрушение ключевой для общества дихотомии *свой – чужой*, поскольку *свое* оказывается основанным на сугубо негативных антиценностях. *Чужое* (неправильное) вбирается внутрь *своего*. Будь тогда социосемиотики, они могли бы предсказать грядущие социальные потрясения, вызванные неразрешимым конфликтом внутри *своих*. Развитием такого семантического разлома оказывается ситуация уже после 1917 года, когда возникает российская диаспора, причем соотечественниками оказываются «мы – там (на чужбине)». Оппозиция *Мы – они* относится уже не к русским и европейцам, а к русским *там* (в эмиграции) и *здесь* (в России), но при этом возникает инверсия *чужбины* и *родины*: *родина* оказывается *там*, а *чужбина* – *здесь*. Так, в знаменитой антисоветской речи И. А. Бунина *соотечественники* – это только те русские, кто находится в эмиграции, остальные, оставшиеся в России, перестают быть русскими:

Соотечественники... Мы эмигранты, – слово «émigrer» к нам подходит как нельзя более. Мы в огромном большинстве своем не изгнанники, а именно эмигранты, то есть люди, добровольно покинувшие родину. Миссия же наша связана с причинами, в силу которых мы покинули ее. Эти причины на первый взгляд разнообразны, но в сущности сводятся к одному; к тому, что мы так или иначе не приняли жизни, воцарившейся с некоторых пор в России, были в том или ином несогласии, в той или иной

борьбе с этой жизнью и, убедившись, что дальнейшее сопротивление наше грозит нам лишь бесплодной, бессмысленной гибелью, ушли на чужбину [И. А. Бунин. Миссия русской эмиграции (1924)].

Это трагическое размежевание есть продолжение той же тенденции определять соотечественников не относительно оси *мы — здесь* (как в случае *отчизны*), а применительно к оси *мы — там*, (что характерно для диаспоры). Отчизна заменяется чужбиной, семиотическая игра оппозициями в речи Бунина предстает как трагическая реальность. Русские путешественники XVIII—XIX веков в XX столетии становятся эмигрантами — чужое пространство оказывается постоянным, отчизна — закрытой непреодолимой границей, а живущие там, если следовать логике бунинской речи, — чужими. Парадоксальным и противоречивым образом смешиваются и заступают место друг друга *мы — они, здесь — там, свои — чужие*. Формируется определяющая и в настоящее время, в особенности после распада СССР, хотя и потерявшая трагизм референциальная двойственность понятия *соотечественник*, — оно распадается на собственно соотечественников (граждан России) и диаспоральных соотечественников — тех, кто за рубежом.

5. На Востоке: просто соотечественники

Завершая диахронический обзор, для полноты картины отметим, что соотечественники за границей встречаются не только в Европе, но и на Востоке, и не все из них — дворяне. Можно заметить, что в этом случае перестает действовать отмеченное выше явное или неявное сравнение *нас с ними*, европейцами. Семантика слова *соотечественники* упрощается. Как и в самом начале, она определяется только относительно «своего», и вариации касаются только того, что считать *своим*: место рождения, поведение или же подданство. Иван Бунин в рассказе-зарисовке «Соотечественник» описывает встреченного в тропиках:

Этот брянский мужик мальчишкой был привезен в Москву из деревни, состоял на побегушках при купеческом амбаре на Ильинке... Представьте же, как странно видеть этого мужика в тропиках, под экватором! Одетый во все белое, рослый, узловатый, огненно-рыжий, с голубой, веснушчатой кожей, бледный и энергично-возбужденный, даже просто шальной, — от зноя, нервности, постоянного хмеля и деловитости, — с виду он не то швед, не то англичанин [И. А. Бунин. Соотечественник (1916)].

Определяющими для того, чтобы признать соотечественником этого провозвестника новых русских бизнесменов, оказываются его происхождение и циничная манера считать *всех идиотами*:

У него все идиоты. Он уже успел удивить гостя своей самоуверенностью, решительным и скептическим умом, деловитостью, огромным житейским опытом и несметными знакомствами с людьми самых разнообразных классов и положений. Кого ни назови из московских знаменитостей, — купцов, администраторов, врачей, журналистов, — он всех знает, да хорошо знает и цену каждому из них. А какая у него осведомленность по части всяких закулисных тайн, редких карьер и темных историй! [И. А. Бунин. Соотечественник (1916)].

Подробно описывая своего собеседника, Бунин не указывает на его подданство, оно не существенно для его идентификации как соотечественника. Противоположная ситуация представлена у Н. С. Гумилева:

В Хараре у нас оказался даже соотечественник, русский подданный армянин Артем Иоханжан, живший в Париже, в Америке, в Египте и около двадцати лет живущий в Абиссинии [Н. С. Гумилев. Африканский дневник (1913)].

Очевидно, что упомянутый Артем Иоханджян (с которым Гумилев общается на французском) назван соотечественником вследствие его подданства. Такая формально-правовая общность весьма неустойчива и может меняться при пересечении границ:

Оказалось, татары — соотечественники казанцы, а жирный араб — выходец маргеланец (из Ферганской долины. — С. 3.). <...> Соотечественники быстро знакомятся и в длинном пути, чем могут, друг другу помогают. <...>

— Пришлось вам визировать паспорта в Суэце?

Мои соотечественники переглянулись, хитро улыбнулись.

— Мы теперь турецко-подданные [Д. Ф. Соколов. Поездка в город Дждеду (1902)].

В последних двух примерах можно увидеть достижение имперского понимания соотечественников — это понятие распространяется уже на всех российско-подданных безотносительно к их этничности. Однако подобные случаи уникальны, притом в них нельзя не заметить определенной иронии над формально-правовым пониманием подобной общности.

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 18-18-00442 «Механизмы смыслообразования и текстуализации в нарративных и перформативных дискурсах и практиках (применительно к авто- и мета-репрезентациям “себя” и “другого” в социальной и политической коммуникации)».

Список литературы

Арапова Н. С. Соотечественник и компатриот // Русский язык в школе. 2010. № 1. С. 67–68.

Высочайшее повеление императора Павла 1797 года, разосланное 13 февраля 1797 года, об изъятии из употребления некоторых слов и замене их другими // Русская старина. 1871. Т. 3. С. 531–532.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 2006. Т. 4.

Зиммель Г. Эскурс о чужаке / пер. А. Ф. Филиппова // Социологическая теория: история, современность, перспективы: альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб., 2008. С. 7–13.

Золян С. Т. Соотечественники — диахронический портрет по данным НКРЯ (XVIII — начало XIX вв.) // Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике : сб. науч. ст. по матер. IV Междунар. науч.-практ. конф. Ереван, 2019. С. 16–20.

Кантор В. К. Русский европеец как явление культуры. М., 2008.

Об авторе

Сурен Тигранович Золян, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт философии, социологии и права Национальной академии наук Армении, Армения.

E-mail: surenzolyan@gmail.com

Для цитирования:

Золян С.Т. Соотечественники в XIX в. — семантический портрет по данным Национального корпуса русского языка // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №3. С. 72—84. doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-5.

SOOTECHESTVENNIKI (COMPATRIOTS) IN THE 19th CENTURY: SEMANTIC PROFILE BASED ON THE DATA OF THE NATIONAL CORPUS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

S. T. Zolyan¹

¹ Institute of Philosophy, Sociology and Law,
National Academy of Sciences of Armenia
44 Arami St., Yerevan, 375010, Armenia
ORCID <https://orcid.org/0000-0002-4422-5792>
Submitted on January 5, 2020
doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-5

The concept “sootechestvenniki” is one of the key tools for self-description of society; it is an instrument for drawing borderlines between “we” and “they”. The article describes the development of the meaning of this word since its coinage. The word appeared in the 18th century as a merger of the Old Slavic and Old Russian ‘otechestvo’ (fatherland, understood as one’s place of origin) and the French ‘compatriot’. This merger resulted in the formation of two new prototypical meanings: one is civic, collective and elevated, and the other gravitates to ethnicity since it is used to refer to Russians. With the strengthening of state institutions in Russia, the first meaning was bound to dominate and it did at the beginning of the 19th century. However, one should speak not about the synthesis, but rather about the discordance of the two meanings. In the 19th century, another meaning developed in the semantic structure of the word: ethnic Russians living abroad. Gradually, the word acquired new evaluative meanings, while negative connotations still prevailed. The basic oppositions (we – they, here – there, ours – alien) interacted in an ambiguous way, substituting each other. A variety of hybrid “compatriots” arose: we are there, they are here, etc. The heterogeneity of the semantics of the word reflects collisions within society, which faced a tragic internal split in the 20th century.

Keywords: sootechestvenniki (compatriots), “we vs them,” Russia in the 19th century, Russians abroad.

The research is supported by the Russian Science Foundation, project №18-18-00442 “Mechanisms of meaning production and textualisation in social narrative and performative discourses and practices”, at the Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

References

Арапова, N.S., 2010. Sootechestvennik and compatriot. *Russkii yazyk v shkole* [Russian at school], 1, pp. 67—68 (in Russ.).

Russian Antiquity, 1871. The highest command of Emperor Pavel of 1797, circulated on 13 February 1797, to remove some words from use and replace them with others, *Russian Antiquity*, 3, pp. 531–532 (in Russ.).

Dal, V. I., 2006. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*: v 4 t. [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 volumes]. Vol. 4. Moscow (in Russ.).

Simmel, G., 2008. Excursion about a stranger. In: V. Dal, ed. *Sotsiologicheskaya teoriya: istoriya, sovremennost', perspektivy*. *Al'manakh zhurnala "Sotsiologicheskoe obozrenie"* [Sociological theory: history, modernity, prospects. Almanac of the journal "Sociological Review"]. Translated by A. F. Filippov. St. Petersburg. pp. 7–13 (in Russ.).

Zolyan, S. T., 2019. Compatriots – a diachronic portrait according to the NKRF (XVIII – early XIX centuries). In: K. S. Akopyan, ed. *Russkij yazyk na perekrestke epoch: traditsii i innovatsii v rusistike*. *Sbornik nauchnykh statej po materialam IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Russian language at the crossroads of eras: traditions and innovations in Russian studies. Proceedings of the IV International scientific-practical conference]. Yerevan: Russian-Armenian (Slavic) University. pp. 16–20 (in Russ.).

Kantor, V. K., 2008. *Russkij evropeets kak yavlenie kul'tury* [Russian European as a cultural phenomenon]. Moscow (in Russ.).

The author

Prof. Suren T. Zolyan, Leading Researcher, Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Armenia, Armenia.

E-mail: surenzolyan@gmail.com

To cite this article:

Zolyan, S. T. 2020, *Sootchestvenniki* (compatriots) in the 19th century: the semantic profile based on the data of the National Corpus of the Russian Language, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 3, p. 72–84. doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-5.

ПОНЯТИЕ «НАРОД» В КАДЕТСКОЙ ПАРТИЙНОЙ РИТОРИКЕ

Ф. А. Гайда^{1, 2}

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. Александра Невского, 14

² Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Россия, Москва, Ломоносовский просп., 27, корп. 4

Поступила в редакцию 22.11.2019 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-6

Проанализированы представления сторонников Конституционно-демократической партии о понятии «народ». Этот вопрос имеет принципиальное значение при анализе кадетской идеологии. «Народ» выступал для кадетской партии основной политической ценностью. Автор соотносит это понятие с такими значимыми для партии терминами, как «общество», «нация», «народность». Рассматриваются отношения «народа» с властью, государством, кадетской партией, представительством, человечеством. Исследуется эволюция понимания кадетами «народа» в связи с определенными социальными процессами, развитием политического кризиса, революциями 1905 – 1907 и 1917 годов. Автор приходит к выводу, что с началом революционного периода кадеты отказались от консервативной по своему происхождению триады «власть – общество – народ» и заменили ее на демократическую по природе дихотомию «власть – народ». «Народ» включил в себя образованную общественность и был противопоставлен «власти». В новом значении «народ» рассматривался как «третье сословие», будущая гражданская нация, призванная к конструированию политического строя, который основан на идее народного суверенитета. В этом смысле кадетская идеология являлась революционной, предполагала разрыв со «старым порядком». «Народ» не считался уникальным целым и понимался как составная часть человечества, развивающаяся вместе с ним по общим законам. Сторонники кадетской партии рассматривали ее как силу, представляющую и формулирующую интересы всего «народа». Наличие кадетов в Государственной думе превращало ее в народное представительство, хотя в подлинном смысле таковым могло быть лишь Учредительное собрание, созданное на основе всеобщего избирательного права. Широкая демократизация в ходе Февральской революции соответствовала кадетскому понятию о народном суверенитете. При этом кадеты не имели идейных оснований противостоять дальнейшей радикализации революции.

Ключевые слова: народ, кадетская партия, Февральская революция 1917 года, Временное правительство.

1. Рождение кадетского «народа»

Уже в силу самого наименования Конституционно-демократической партии избиратель должен был понимать, что она выступала за конституционное закрепление власти народа. Соответственно, кадетское понимание «народа» имеет принципиальное значение при анализе кадетской идеологии, однако ранее этот вопрос в историографии не

рассматривался. Обращаясь к кадетскому пониманию «народа», необходимо соотнести его с рядом других значимых для партии терминов — таких как «общество», «нация», «народность». Представители партии рассматривали «народ» в контексте его отношений с властью, государством, партией, представительством, человечеством. Партийное понимание «народа» эволюционировало под влиянием идейной трансформации самих кадетов, в связи с определенными социальными процессами, развитием в России политического кризиса, революционными катаклизмами.

Кадетская партия формировалась в условиях активно деградировавшего сословного строя. Будущие представители партии воспитывались на оппозиционных идеях, в обстоятельствах нарастающей разобщенности власти и образованной общественности (Гайда, 2015). Член ЦК партии А. В. Тыркова-Вильямс так вспоминала о политике самодержавия 1880—1890-х годов: «Власть подводила под общее понятие неблагонадежности всех, кто позволял себе слишком откровенно высказываться о народных нуждах или критиковать правительство» (Тыркова-Вильямс, 1998, с. 240). Кадет кн. В. А. Оболенский вспоминал, что его поколение не шло в чиновники, несмотря на высокий спрос на образованных людей в государственном аппарате. Оболенский отмечал:

Мы рассуждали так: власть правительства враждебна народу. Поэтому всякий чиновник, находящийся на государственной службе, хотя бы и общепользительной, в конечном счете приносит вред народу уже тем, что усиливает правительственную власть. Кроме того, мы видели перед собой целый ряд примеров того, как люди самых левых убеждений, поступив на государственную службу, постепенно привыкали к компромиссам и теряли свой оппозиционный пыл (Оболенский, 1988, с. 102).

Кадетские представления о «народе» имели народническое происхождение (Селезнев, 2006, с. 18—36). Вторым (предвыборным, 1906 года) названием партии стало «Партия народной свободы», возникшее как аллюзия на легендарную «Народную волю». *Народ* как идеальная категория оставался главной идеологической ценностью партии. При этом социалистическая идея «права всех» дополнялась либеральной идеей «права каждого» (основной партийный лозунг — «За нашу и вашу свободу!»).

Будучи носителем либерально-демократических и социально-либеральных идей, партия в своей программе опиралась на идею всенародного суверенитета. В кадетской риторике, в отличие от народнической, уже произошло демократическое отождествление понятий «народ» и «общество», рассматриваемых в бессловном ключе. Консервативная по своему характеру триада «власть — общество — народ» к 1905 году сменилась радикальной дихотомией «власть — народ». В знаменитой записке «Ближайшие задачи земства» (1879, опубл. 1883) И. И. Петрункевич, имевший репутацию «партийной совести», пользовался еще преимущественно старой терминологией, разделяя «народ» и «общество». Характеризуя перемены в правительственной политике и настроениях образованных классов в 1870-е годы, он писал:

Русское общество, не привыкшее к бодрости мысли, охотно пошло назад к тому положению опеки, из которого оно только что, казалось, вышло. Началась перекройка на старый лад новых реформ, и среди общества не нашлось желания противодействовать этому. Получив все новое сверху, общество, естественно, не дорожило подачкою. Поэтому интеллигентное русское общество было немало удивлено, когда узнало в начале 70-х годов о движении молодежи в народ (Петрункевич, 1993, с. 453).

Из следующей цитаты хорошо видно, что понятие «народ» могло использоваться и в расширительном смысле, однако неизменно требовало соответствующих эпитетов. Петрункевич критиковал поведение земских собраний и городских дум, выступавших за ужесточение репрессий:

Отцы, у которых ежедневно вырывают детей для медленной и ужасной казни, просят новых казней над своими же детьми... Таково содержание большинства адресов. Какое печальное явление! Но что печальнее всего, так это то, что выразителями таких чувств *русского народа* явились его общественные органы — Земства и Городские Думы. Известно, что как первое, так и последние заключают в себе достаточно интеллигентных лиц, которые, будучи близко поставлены к общественным делам, основательно знают положение *народа* и его нужды (Петрункевич, 1993, с. 453—454. Курсив мой. — Ф. Г.).

«Русский народ» и просто «народ» — разные понятия для Петрункевича. В отношении «народа» использовалось и иное понятие: публицист также рассуждал о «массе населения», в отношении которой необходимо ввести льготы в сферах налогообложения и образования. При этом можно (хотя и очень условно) говорить и о расширительной трактовке понятия «общество»: «общественные дела» касаются не только «общества», но всего «русского народа». Кроме того, Петрункевич цитировал адрес полтавского земства, где говорилось о «врагах правительства и общества», а также «совокупных силах правительства и общества». Применительно к «русскому народу» публицист использовал термин «граждане». Брошюра заканчивалась патетической фразой, в которой выражалась надежда на то, что «все силы *русского народа* дружно соединятся, чтобы завоевать себе свободу, и тогда обновленная Россия по праву займет место среди *цивилизованных народов*» (Петрункевич, 1993, с. 456. Курсив мой. — Ф. Г.).

Те же нюансы в употреблении слова «народ» были характерны и для некоторых единомышленников Петрункевича два десятилетия спустя. Кн. П. Д. Долгоруков в докладе «Конституционная партия в предстоящий год» на съезде группы «освобожденцев» 20—22 июля 1903 года противопоставлял «народ» и «интеллигенцию», но одновременно в том же тексте формулировал следующий пункт программы: «12) Царь остается во главе управления, но народ сам, через своих представителей, принимает участие в составлении законов и в обложении податями и контролирует, чтобы законы правильно исполнялись и казенные деньги правильно расходовались» (Либеральное движение, 2001, с. 37).

Влияние либерального и марксистского социологизма было очевидно в сборнике «Проблемы идеализма» (1902), ставшем философическим обоснованием оппозиционной радикально-либеральной программы. На страницах этого издания понятие «общество» фактически вытесняло термин «народ», который рассматривался как принадлежавший народнической риторике (в контексте противопоставления «народа» и «интеллигенции»). Можно привести две цитаты из статьи Н. А. Бердяева, близкого к кадетской партии. В первой он включает в состав «общества» угнетенный класс: «В конкретной исторической обстановке борьба за “естественное право” человека принимает форму борьбы за угнетенных и эксплуатируемых. В современном, например, обществе она получает форму борьбы за права трудящихся масс» (Проблемы идеализма, 2018, с. 145). При этом в будущем свободном обществе мыслитель отводил место и элитарным группам: «Я думаю, что духовная аристократия возможна и в демократическом обществе, хотя в нем она не будет иметь ничего общего с социально-политическим угнетением» (Там же, с. 155).

П. Б. Струве в программной статье «От русских конституционалистов» в первом номере журнала «Освобождение» (июнь 1902) написал: «Все общество требует от власти в один голос — серьезной политической реформы, и “Освобождение” рассматривает себя как орган этого единогласного настойчивого общественного мнения. <...> Мы желаем выражать исключительно бессословное общественное мнение и на него опираться» (Российские либералы, 1996, с. 26. Курсив автора). «Общество» в старом смысле слова уже упоминалось как «образованное русское общество» или «русская интеллигенция» (Там же, с. 26, 28, 32, 34). В написанном Струве памфлете «Народ и война» (октябрь 1904), адресованном простонародью, наоборот, вместо «общества» в широком его понимании присутствовал именно «народ» (Российские либералы, 1996, с. 79–82). Новая тенденция проявилась и в постановлениях ноябрьского земского съезда (1904), поддержавшего программу «Освобождения». «Правительство» и «государственная власть» противопоставлялось «обществу», «населению», «народу», «гражданам Российской империи», причем эти понятия выступали как синонимы (Российские либералы, 1996, с. 49–51; пункты 1–4, 6, 7, 11).

Революционная эпоха сделала понятие «народ» в кадетской риторике приоритетным по сравнению с «обществом». Оформившаяся в октябре 1905 — январе 1906 года программа Конституционно-демократической партии оперировала равнозначными понятиями «народ», «граждане» и «население» (Российские либералы, 1996, с. 51–55; пункты 1, 11, 24, 30). Таким образом, окончательно отвергалась, по словам Н. А. Гредескула, «мысль о *народе*, но не о народе как о нации, и тем не менее как о нации, организованной в государство, а о народе — как о социальном члене *внутри* нации или *внутри* государства, о народе как подчиненной массе — в противоположность господствующим классам общества» (Вехи, 1991, с. 231. Курсив автора). Простонародье именовалось в партийной программе «народными массами» (Российские либералы, 1996, с. 55; пункт 32).

Вместо сословного разделения вводилось политическое и, точнее, революционное разделение «народа» на активный и пассивный. На пике Первой русской революции в конце 1905 года П. Н. Миллюков писал:

В промежутке между правительством и его органами с одной стороны и активными борющимися группами с другой лежит обширная область общественных элементов более или менее пассивных. В острые политические моменты, подобные настоящему, от настроения этой средней, обыкновенно молчащей массы, зависит необыкновенно много. Иногда от этого настроения зависит все, и стоит этому настроению резко выразиться, чтобы, как по волшебству, переменились политические декорации очередного момента (Миллюков, 1907, с. 166).

2. Суверенитет народа

«Народ» в рамках такого подхода рассматривался как будущая гражданская нация, «третье сословие», призванное к конструированию нового политического строя. «Партия создавалась, чтобы бороться *против самодержавия*. <...> В своей собственной среде <конституционно>-д<емократическая> партия *революционной идеологии* не исключала», — вспоминал В. А. Маклаков (Маклаков, 1936, с. 483. Курсив автора). Большинство партийцев полностью разделяло «крылатую фразу Тьера», которую приводил в своих мемуарах Маклаков: «Монархия будет демократической по целям, конституционной по форме, или ее вовсе не будет» (Маклаков, 1936, с. 521). Идеология кадетов была принципиально революционной, предполагавшей кардинальную смену политического строя, несмотря на отношение к революции как инструменту — возможному, но не необходимому. По результатам революционных событий 1905 года Миллюков заключал:

Мы хорошо понимаем и вполне признаем верховное право революции как фактора, создающего грядущее право в открытой борьбе с историческим правом отжившего уже ныне политического строя. <...> Да, мы за революцию, поскольку она служит целям политического освобождения и социальной реформы; но мы против тех, кто объявляет революцию «непрерывной», потому что полагаем, что непрерывная революция — революция во что бы то ни стало — служит лишь целям реакции и укрепляет контрреволюционные замыслы правительства (Миллюков, 1907, с. 165, 168).

В разгар политического кризиса лета 1915 года кн. Д. И. Шаховской на заседании ЦК сформулировал основное кадетское требование по отношению к власти: «Министерство должно народу подчиниться и исполнять его волю». Маклаков ответил: «Подчиниться народу это только фраза. Убирайтесь вон — это встать на революционный путь» (Протоколы ЦК, 1998, с. 130).

Победившая революция превращала весь «народ» в активно действующее лицо. В присяге члена Временного правительства, составленной кадетом Ф. Ф. Кокошкиным и утвержденной 11 марта 1917 года самим правительством, отмечалось:

По долгу члена Временного правительства, волею *народа* по почину Государственной думы возникшего, обязуюсь и клянусь перед Всемогущим Богом и своею совестью служить верою и правдою *народу* Державы Российской, свято оберегая его свободу и права, честь и достоинство и нерушимо соблюдая во всех действиях и распоряжениях моих начала гражданской свободы и гражданского равенства и всеми предоставленными мерами мне подавляя всякие попытки прямо или косвенно направленные на восстановление старого строя. Клянусь приложить все разумение мое и все мои силы для осуществления в полноте всех обязательств, Временным правительством *всенародно* на себя принятых. Клянусь принять все меры для созыва в возможно кратчайший срок на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительного собрания, передать в руки его полноту власти, мною совместно с другими членами правительства осуществляемую, и преклониться перед выражением сим собранием *народною* волею об образе правления и основных законах Российского государства (Государственный архив Российской Федерации, ф. 1779, оп. 1, д. 6, л. 40–40 а. Курсив мой. — Ф. Г.).

Таким образом, «народ» отождествлялся с его активной частью, осуществившей Февральскую революцию. Среди «народа», в соответствии с подобным видением, не могло быть противников революции или сторонников «старого строя». Несмотря на формальную неопределенность «образа правления», запрещалась монархическая пропаганда.

Имея в виду происходящие изменения в понимании «народа» и, по-видимому, желая избежать терминологической путаницы, П. Б. Струве еще в 1905 году в статье «Революция» попытался ввести в отношении народа-общества понятие «нация»: «Народ подобен еще тягучему раствору, в который должна быть брошена какая-то твердая крупинка для того, чтобы эта бесформенная масса превратилась в упругий и сверкающий кристалл нации» (Российские либералы, 1996, с. 86). Позднее, в статье «Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества» (1908), он писал: «Национальная идея современной России есть примирение между властью и проснувшимся к самосознанию и самостоятельности народом, который становится нацией. Государство и нация должны органически срастись» (Российские либералы, 1996, с. 150). «Государство», таким образом, все же мыслилось вне «нации». Однако в партийной риторике слишком буржуазное понятие «нация» не укрепилось и применялось преимущественно во внешнеполитическом контексте при обсуждении «национальных задач» (Милюков, 1916, с. 36). Еще в 1901 году Милюков, объясняя разницу между «национальным» и «общественным» самосознанием народа, отмечал:

В народном сознании, по закону контраста, запечатлевалось преимущественно то, что составляло особенность, отличие данной национальности от соседних, и этот *национализм* переносился из области внешней политики в область внутренней. Однако дальнейшие усовершенствования в процессе выработки общественной мысли должны были привести рано или поздно к изменению содержания «народного самосознания». Из «*национального*» оно должно было сделаться «*общественным*» — в смысле большего внимания к внутренней политике, лучшего понимания требований современности в этой области и более активного отношения к этим требованиям.

Таким образом, только что отмеченные два оттенка в содержании «народного самосознания» знаменуют собою в то же время два последовательных момента в развитии этого самого содержания. <...> Простая справка с современным народным самосознанием наиболее развитых стран Европы покажет, что хранителями национального самосознания являются группы, программа которых имеет целью сохранение остатков прошлого, тогда как выразителями общественного самосознания становятся другие группы, занятые преимущественно устройством лучшего будущего. ...«Национальное самосознание» представляется с характером более или менее традиционным, тогда как «общественное самосознание» имеет характер по преимуществу реформаторский (Миллюков, 1901, с. 2–3).

3. Народ и партия

Понятие «народ» («русский народ») рассматривалось как политическое, вне этнического («племенного», «национального») контекста. Этности именовались «национальностями» или «народностями» (Российские либералы, 1996, с. 51, 53; Программа Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы), пункты 1, 11). «Народ» не воспринимался как уникальное целое, его развитие подчинялось естественным законам развития всего человечества (Миллюков, 1901, с. 1–12). «В противоположность прежним толкованиям необходимо настойчиво подчеркивать, что “национальность” есть понятие не естественно-историческое и не антропогеографическое — а чисто социологическое», — отмечал Миллюков (Миллюков, 1901, с. 5). Поэтому от «народа» требовались правильные решения, соответствующие этим законам. Но «народ» мог и ошибаться, действуя вопреки своим подлинным интересам; в своем наличном выражении он не являлся идеалом и критерием истины. Правильные решения должны были подготовить передовые люди страны. Будущие кадеты мыслили еще вполне по-народнически. Кн. Д. И. Шаховской в записке «Что нам делать и как нам жить?» (1886) писал: «Простой народ не всегда сознает, что хорошо. Но до сих пор еще жизнь его построена на началах, противоположных началам рационализма и индивидуализма. Но с каждым днем к нему эти два начала все больше проникают, и если не найдутся люди, которые сознательно и словом, и делом укажут ему истину — он погибнет» (Шаховской, 2002, с. 212). В «Ближайших задачах земства» Петрункевич считал земство возможным «выразителем желаний и стремлений русского народа», но органам самоуправления еще только предстояло завоевать народное доверие путем борьбы за экономические реформы и против бюрократического произвола. Предлагалось сперва поменять состав земств, потом выдвинуть демократическую программу, получить поддержку народа и добиться созыва Учредительного собрания (Петрункевич, 1993, с. 455–456). Несмотря на способность ошибаться, «народ» при помощи его лучших людей должен был осознать свои подлинные интересы. П. Н. Миллюков полагал, что «народ сам поручит дело своей реформы людям, которым он верит» (Миллюков, 1907, с. 78).

Критикуя в 1902 году народническую мысль, Б. А. Кистяковский писал:

...вполне своеобразную окраску принял вопрос о значении личного начала и о роли личности в социальном процессе в применении к общественному развитию России, вылившись в вопрос об отношении интеллигенции к народу. Этот последний вопрос распадается для г. Михайловского и примыкающих к нему русских социологов на две составные части: с одной стороны, русские социологи считают нужным доказывать, что русская интеллигенция могла принять только тот характер, который ей свойствен, с другой — они настаивают на том, что единственно возможным материалом для деятельности ее, а вместе с тем и единственно возможным материалом для конкретного построения ее идеала является народ (Проблемы идеализма, 2018, с. 388).

Михайловский, как известно, выступал за первое. Из неприемлемости буржуазного развития для интеллигенции народнический публицист выводил возможность небуржуазного развития страны. Сторонники противоположного мнения считали, что буржуазное развитие неприемлемо для самого народа. Однако Кистяковский отвергал оба суждения. Он противопоставлял оппозиции «возможное — невозможное» другую: «необходимое — долженствующее»: «Мы добиваемся осуществления наших идеалов не потому, что они возможны, а потому, что осуществлять их повелительно требует от нас и от всех окружающих нас сознанный нами долг» (Проблемы идеализма, 2018, с. 450). Считая капиталистическое развитие неизбежным, кадеты все же полагали, что человечество обязательно пройдет эту фазу своего развития и построит более справедливое общество.

Как уже отмечалось, необходимы были политические усилия, чтобы «бесформенная масса» превращалась в «упругий и сверкающий кристалл нации». Выразителем народного суверенитета должно было стать Всероссийское учредительное собрание. Учрежденная монархом цензовая Государственная дума рассматривалась кадетами как «народное представительство» лишь условно. Оценивая избирательное законодательство 1905—1906 годов, Милюков заключал: «Мы критикуем избирательный закон правительства, потому что считаем, что собранные на основании его представители не могут быть достаточно авторитетны в глазах страны» (Милюков, 1907, с. 83). Тем не менее, заявляя с думской трибуны о связи «народа» и «народных представителей», Милюков отмечал: «В нас он видит первых законных исполнителей своей воли. И он посылает теперь нас сюда... сказать власти всю правду о стране, узнать для страны всю правду о власти и сделать то, что осталось ею незавершенным» (Государственная дума, 1915, стб. 92). Дума без кадетов для Милюкова, безусловно, не могла бы претендовать на подобное осуществление народной воли. Основным требованием созданного при непосредственном участии кадетов в августе 1915 года Прогрессивного блока стала, как отмечалось в его программе, «власть, опирающаяся на народное доверие» (Российские либералы, 1996, с. 76). Хотя лозунг и не предполагал создания ответственного перед парламентом кабинета, основным мерилom подобного «доверия» становилась

Государственная дума. Критикуя правительство в период «штурма власти» рубежа 1916–1917 годов, Миллюков подводил итог: «Увы, гг., мы перед прежними маленькими, чужими народу людьми. В их среде по-прежнему нет никого, кого бы народ знал и кому бы он верил» (Государственная дума, 1916, стб. 347).

Сама кадетская партия осознавала себя уникальной в России «все-народной» партией, лучшей частью «народа», носителем и интерпретатором единственно верных идей. Отвечая на адресованный кадетам упрек социал-демократов «С народом мы или с правительством?», Миллюков замечал: «Да, мы с народом — но мы отвергаем претензии тех, кто один хочет говорить от имени народа и ограничивает понятие народа книжным понятием “сознательного пролетариата”» (Миллюков, 1907, с. 168). Правильно, по мнению кадетов, понимая народные интересы, партия не только выражала, но и формулировала их. Ведущий публицист «Русской мысли» кадет А. С. Изгоев писал: «Казалось бы, все организации к.-д. разгромлены. Партия... осуждена почти на полную бездеятельность и чуть ли не на разложение. <...> Лучшие силы ее тем или иным способом в большей их части изъяты с политической арены. Словом, разгром полный. И все же политическая борьба наших дней и по сию пору вертится главным образом вокруг кадетов. Объясняется это, конечно, тем, что они ярче всего выразили столь сильную в русском обществе и народе жажду закона, жажду правового порядка» (Изгоев, 1911, с. 2–3). Предлагая на заседании ЦК в июне 1915 года проект общенациональной обороны, кн. Шаховской задавал риторический вопрос: «Какие силы в стране могут дать почин народной организации? Наша партия. Направо и налево — нет силы» (Протоколы ЦК, 1998, с. 109). На VI съезде партии в феврале 1916 года Тыркова прямо заявляла: «Без кадетской партии наша страна была бы похожа на Турцию: направо и налево от нас еще неорганизованный хаос» (Съезды, 2000, с. 287).

4. Народ и революция

Февральская революция привела к созданию правительства, в котором наиболее полно была представлена именно кадетская партия. Широкая демократизация полностью соответствовала партийной программе. Однако у кадетов не оказалось никакого иммунитета от наступающей анархии. Кадетская газета «Речь» отмечала, что сила правительства «прежде всего моральная». Партийный рупор объяснял народу новой власти: «Действительна она лишь постольку, поскольку опирается не на “войска, милицию и суд”, а на организованное общественное мнение страны, на организованную народную волю. Каждый обыватель — частичка этого народа. И первый его долг сейчас — участвуя в организации общественного мнения и народной воли, помогать организации власти» (Речь, 1917, 13 апр., с. 1). Кадет М. Л. Мандельштам в те же дни писал:

Отныне правительство — это народ, революция — это порядок, власть — это мы все. <...> Понять это нетрудно. Но трудно нам, привыкшим всю жизнь быть в оппозиции и в революции... проникнуться до глубины души

сознанием совершенно чуждого для нас психологического уклада. <...> Легко далась народу власть и свобода; но трудно будет ее организовать и удержать... <...> Постараемся провести народное дело свободы между Сциллой и Харибдой; между призраком реакции и призраком анархии (Русские ведомости, 1917, 7 марта, с. 1).

С началом Апрельского кризиса новым правительством была опубликована декларация, в которой говорилось:

Призванное к жизни великим народным движением, Временное правительство признает себя исполнителем и хранителем народной воли. В основу государственного управления оно полагает не насилие и принуждение, а добровольное повиновение свободных граждан созданной ими самими власти. Оно ищет опоры не в физической, а в моральной силе. С тех пор, как Временное правительство стоит у власти, оно ни разу не отступило от этих начал. Ни одной капли народной крови не пролито по его вине, ни для одного течения общественной мысли им не создано насильственной преграды. <...> К сожалению и к великой опасности для свободы рост новых социальных связей, скрепляющих страну, отстает от процесса распада, вызванного крушением старого государственного строя... (Вестник, 1917, 26 апр., с. 1).

У революционной власти оставался только один путь: изменяться в соответствии с изменявшимися народными настроениями, эволюционировать влево, пока это было возможно, — и сдать вахту, когда это стало нереально.

Представители кадетской партии разработали законодательство о выборах в Учредительное собрание, однако затем партия полностью проиграла на них эсерам и большевикам. После разгона собрания в январе 1918 года кадеты признали его несоответствующим задачам развития России и посчитали необходимым созыв нового «при более подходящих обстоятельствах» (Протоколы, 1998, с. 414–415). Иными словами, партия так и не отказалась от представлений, сформулированных за сорок лет до того в «Ближайших задачах земства». «Свободы сеятель пустынный, я вышел рано, до зари...» — эти пушкинские слова, высеченные на могиле И. И. Петрункевича (Петрункевич, 1993, с. 9), могли бы украсить и братскую могилу всей кадетской партии. Но народный выбор, как известно, был осуществлен вне процедуры Учредительного собрания, иными способами. В предисловии к «Истории второй русской революции», написанном в конце 1920 года, Миллюков констатировал:

Революционный процесс вышел более стихийным и менее сознательным, чем хотелось бы непосредственным деятелям революционной эпохи. Если роль вождей в событиях оказывается менее активной, то зато должно быть сильно исправлено и расхожее представление о пассивной роли инертной массы. Масса русского населения, казалось, действительно только *терпела*. В первой главе мы указали на причины этой пассивности, заложенные в нашем прошлом. Но, обозревая теперь весь процесс в его разных фазах, мы начинаем приходить к выводу, что терпение масс все же не было вполне пассивным. Массы принимали от революции то, что соответствовало их желаниям, но тотчас же противопоставляли железную стену пассивного сопротивления, как только начинали подозревать, что события

клонятся не в сторону их интересов. Отойдя на известное расстояние от событий, мы только теперь начинаем разбирать, пока еще в неясных очертаниях, что в этом поведении масс, инертных, невежественных, забытых, оказалась коллективная народная мудрость. Пусть Россия разорена, отброшена из двадцатого столетия в семнадцатое, пусть разрушены промышленность, торговля, городская жизнь, высшая и средняя культура. Когда мы будем подводить актив и пассив громадного переворота, через который мы проходим, мы, весьма вероятно, увидим то же, что показало изучение Великой французской революции. Разрушились целые классы, оборвалась традиция культурного слоя, но народ перешел в новую жизнь, обогащенный запасом нового опыта и решивший для себя бесповоротно свой главный жизненный вопрос: вопрос о земле. Если из мрака небытия, в котором мы погребены под обломками великих руин, нам удастся зафиксировать эту светлую точку вдаль, то это соображение поможет излечить самый упорный пессимизм и, быть может, внушить отчаявшимся и тонущим, каких теперь так много, желание жить дальше, чтобы работать для родного народа на новом пути, избранном им самим (Милуков, 1921, с. 6–7. Курсив автора).

Признавая частные ошибки вождей «народа», Милуков тем не менее не отказывался от метафизической правоты партийной программы. Иными словами, по мнению бывшего кадетского лидера, «народ» продолжал реализацию этой программы без помощи самих кадетов. В последние годы жизни подобные мысли привели Павла Николаевича к признанию общей правоты сталинской политики, развивавшей в народе образование и гражданскую сознательность (Милуков, 1998, с. 597). Это подтверждало теорию Милукова о непреложности законов общественного развития.

Таким образом, для кадетской партии «народ» выступал основной политической ценностью. Под ним понималось все население России, включая образованную общественность. Подобный смысл этого понятия был новым, созревшим в революционных условиях 1905 года, и уже не предполагал традиционного противопоставления «народа» и «общества». «Народ» противопоставлялся исключительно «власти» и рассматривался как будущая гражданская нация. Призванием «народа» становилось конструирование нового политического строя, основанного на принципе народного суверенитета. Кадеты исходили из представления о едином линейном развитии человечества, вследствие чего никакой «народ» не обладал какими-то значимыми уникальными чертами и развивался в одном направлении с другими. Кадетская партия воспринималась ее членами как подлинное олицетворение общенародных интересов. Наличие кадетов в цензовой Государственной думе оправдывало ее существование в качестве народного представительства. Полноценным представительством могло выступать лишь Учредительное собрание, созданное на основе всеобщего избирательного права. Создание Временного правительства в виде народной власти, как и широкая демократизация 1917 года, соответствовали кадетской программе. Однако партийная идеология и практика не предполагали никаких возможностей противостоять революционной радикализации «народа».

Работа поддержана из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта.

Список литературы

- Вехи*; Интеллигенция в России : сб. ст. 1909–1910 / сост., коммент. Н. Казаковой. М., 1991.
- Гайда Ф. А.* «Если бы только учителя наши больше говорили о России...». Юношеские годы будущих кадетских лидеров // *Родина*. 2015. №2. С. 100–102.
- Государственная дума*. Созыв IV. Сессия IV. Стенографические отчеты. Ч. 1. Пг., 1915.
- Государственная дума*. Созыв IV. Сессия V. Стенографические отчеты. Ч. 1. Пг., 1916.
- Изгоев А.* Политическая жизнь России // *Русская мысль*. 1911. №4. III паг. С. 2–6.
- Либеральное движение в России*. 1902–1905 гг. / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2001.
- Маклаков В. А.* Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника). Париж, 1936.
- Милоков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. СПб., 1901. Т. 3, вып. 1.
- Милоков П. Н.* Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905–1906. СПб., 1907.
- Милоков П. Н.* Цели войны // Ежегодник газеты «Речь» на 1916 год. Пг., 1916. С. 29–128.
- Милоков П. Н.* История второй русской революции. София, 1921. Т. 1, вып. 1.
- Милоков П. Н.* Правда о большевизме // Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов. 1934–1940 : сб. докум. в двух книгах. М., 1998. Кн. 2.
- Оболенский В. А.* Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988.
- Петрункевич И. И.* Из записок общественного деятеля // Архив русской революции / под ред. И. В. Гессена. М., 1993. Т. 21–22.
- Проблемы идеализма [1902]* / 2-е критическое изд., испр. ; под ред. М. А. Колерова. М., 2018.
- Протоколы ЦК и зарубежных групп конституционно-демократической партии* : в 6 т. / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 1998. Т. 3.
- Российские либералы: кадеты и октябристы* : документы, воспоминания, публицистика / сост. Д. Б. Павлов, В. В. Шелохаев. М., 1996.
- Селезнев Ф. А.* Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.). Нижний Новгород, 2006.
- Съезды и конференции конституционно-демократической партии* : в 3 т. / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2000. Т. 3, кн. 1.
- Тыркова-Вильямс А. В.* То, чего больше не будет. М., 1998.
- Шаховской Д. И.* Избранные статьи и письма. 1881–1895. М., 2002.

Об авторе

Федор Александрович Гайда, доктор исторических наук, доцент, профессор-консультант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: fyodorgayda@gmail.com

Для цитирования:

Гайда Ф. А. Понятие «народ» в кадетской партийной риторике // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2020. Т. 11, №3. С. 85–98. doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-6.

THE CONCEPT "PEOPLE" IN THE CADET PARTY RHETORIC

F. A. Gayda^{1, 2}

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia

² Lomonosov Moscow State University
27/4 Lomonosov Av., Moscow, 119192, Russia

Submitted on November 22, 2019

doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-6

The article considers the interpretation of the concept "people" by the Constitutional Democratic Party supporters. This concept is of fundamental importance for the analysis of Cadet ideology. The concept "people" was of great political value for the Cadet party. The author correlates this concept with such notions relevant for the Party as society, nation, and nationality. The author examines the relations of "people" with the authorities, the state, the Cadet Party, the Parliament, and humanity. Special attention is paid to the evolution of cadets' understanding of the concept "people" in connection with social processes, the development of the political crisis and revolutions of 1905–1907 and 1917. The author holds that already at the beginning of the revolutionary period, the Cadets substituted the triad "authority – society – people", which was conservative in origin by the dichotomy "power – people", which was democratic in nature. The "people" included the educated public and was opposed to the "authorities". In its new meaning, "people" was seen as the "third class", the future civil nation, called to construct a political system based on the idea of popular sovereignty. In this sense, the Cadet ideology was revolutionary and implied a break from the Ancien régime. The "people" were not considered as some unique whole but rather as an integral part of humanity, developing together with it according to universal laws. The Cadet Party was considered by its supporters as a force representing the interests of the entire "people." Cadet faction in the State Duma turned it into a popular representation. Although only the Constituent Assembly convened on the basis of universal suffrage can be considered to be a truly democratic representation. Broad democratization during the February Revolution corresponded to the Cadet concept of people sovereignty. Moreover, the Cadets had no ideological grounds to oppose the further radicalization of the revolution.

Keywords: people, Cadet Party, February Revolution of 1917, Provisional Government.

References

Kazakova, N., ed., 1991. *Vekhi; Intelligentsiya v Rossii: Sb. st. 1909–1910* [Milestones; The intelligentsia in Russia: Collection of articles 1909–1910]. Moscow (in Russ.).

Gayda, F. A., 2015. "If only our teachers spoke more about Russia..." The youthful years of future cadet leaders]. *Rodina* [Homeland], 2, pp. 100–102 (in Russ.).

The State Duma, 1915. *Gosudarstvennaya дума. Sozvyo IV. Sessiya IV. Stenograficheskie otchety*. [The State Duma. Convocation IV. Session IV. Shorthand reports]. Vol. 1. Petrograd (in Russ.).

The State Duma, 1916. *Gosudarstvennaya дума. Sozvyo IV. Sessiya V. Stenograficheskie otchety*. [The State Duma. Convocation IV. Session V. Shorthand reports]. Vol. 1. Petrograd (in Russ.).

Izgoev, A., 1911. Political life of Russia. *Russkaya mys'* [Russian thought], 4 (3), pp. 2–6 (in Russ.).

Shelokhaev, V. V., ed., 2001. *Liberal'noe dvizhenie v Rossii. 1902–1905 gg.* [The liberal movement in Russia. 1902–1905]. Moscow (in Russ.).

Maklakov, V.A., 1936. *Vlast' i obshchestvennost' na zakate staroi Rossii (vospominaniya sovremennika)* [Power and the public at sunset of old Russia (contemporary memories)]. Paris (in Russ.).

Milyukov, P.N., 1901. *Ocherki po istorii russkoi kul'tury* [Essays on the history of Russian culture]. Vol. 3 (1). St. Petersburg (in Russ.).

Milyukov, P.N., 1907. *God bor'by. Publitsisticheskaya khronika. 1905 – 1906* [Year of struggle. Journalistic chronicle. 1905 – 1906]. St. Petersburg (in Russ.).

Milyukov, P.N., 1916. The objectives of the war. *Ezhegodnik gazety «Rech'» na 1916 god* [Yearbook of the Rech newspaper for 1916], pp. 29 – 128 (in Russ.).

Milyukov, P.N., 1921. *Istoriya vtoroi russkoi revolyutsii* [The history of the second Russian revolution]. Vol. 1 (1). Sofia (in Russ.).

Obolenskii, V.A., 1988. *Moya zhizn', moi sovremenniki* [My life, my contemporaries]. Paris (in Russ.).

Petrunkovich, I.I. Iz zapisok obshchestvennogo deyatelya [From the memoirs of the public figure]. In: Gessen, I.V., ed., 1993. *Arkhiv russkoi revolyutsii* [Archive of the Russian revolution]. Vol. 11 (21). Moscow (in Russ.).

Kolerov, M.A., ed., 2018. *Problemy idealizma (1902)* [The problems of idealism (1902)]. Vol. 2. Moscow (in Russ.).

Shelokhaev, V.V., ed., 1998. *Protokoly TsK i zagranichnykh grupp konstitutsionno-demokraticeskoi partii. V 6 t.* [Protocols of the Central Committee and foreign groups of the Constitutional democratic party. In 6 volumes]. Vol. 3. Moscow (in Russ.).

Pavlov, D.B. and Shelokhaev, V.V., ed., 1996. *Rossiiskie liberaly: kadety i oktyabristy: Dokumenty, vospominaniya, publitsistika* [Russian Liberals: Cadets and Octobrists: Documents, Memoirs, Journalism]. Moscow (in Russ.).

Seleznev, F.A., 2006. *Konstitutsionnye demokraty i burzhuaziya (1905 – 1917 gg.)* [Constitutional democrats and the bourgeoisie (1905 – 1917)]. Nizhny Novgorod (in Russ.).

Shelokhaev, V.V., ed., 2000. *S'ezdy i konferentsii konstitutsionno-demokraticeskoi partii. V 3 t.* [Congresses and conferences of the Constitutional democratic party. In 3 volumes]. Vol. 3 (1). Moscow (in Russ.).

Tyrkova-Williams, A.V., 1998. *To, chego bol'she ne budet* [That which will no longer be]. Moscow (in Russ.).

Shakhovskoi, D.I., 2002. *Izbrannye stat'i i pis'ma. 1881 – 1895* [Selected articles and letters. 1881 – 1895]. Moscow (in Russ.).

The author

Dr Fyodor A. Gayda, Associate Professor; Consulting Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia; Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

E-mail: fyodorgayda@gmail.com

To cite this article:

Gayda, F.A. 2020, The concept “people” in the Cadet Party rhetoric, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 11, no. 3, p. 85 – 98. doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-6.

ЖУРНАЛ «1812 ГОД»
В КОНТЕКСТЕ ЮБИЛЕЙНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ 1912 ГОДА

*А. В. Митрошенкова*¹

¹ ГБУК г. Москвы «Музей-панорама "Бородинская битва"»
121170, Россия, Москва, Кутузовский просп., д. 38, стр. 1
Поступила в редакцию 22.11.2019 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-7

Исследование раскрывает отношение группы военных интеллигентов и близких к ним лиц конца XIX – начала XX века – издателей, авторов и подписчиков журнала «Тысяча восемьсот двенадцатый год» («1812 год») – к понятию «характерные черты русского народа». Те же люди стояли у истоков создания Музея 1812 года и панорамы «Бородино», написанной художником Ф.А. Рубо к 100-летию Отечественной войны 1812 года. Панорама стала в определенном смысле визуализацией взглядов группы военных историков, преподавателей и популяризаторов на это событие. С одной стороны, публикации в журнале отражали сложившееся в их среде миропонимание и словопотребление, с другой – активные единомышленники в период подготовки к юбилейным торжествам, оказывали влияние на распространение и утверждение ценностных ориентиров среди широкого круга людей, имевших равный или более низкий социальный статус, образовательный и культурный уровень. Знание семантики языка авторов журнала позволяет переводить заложенные и действующие в художественной панораме и современном музее смыслы на язык современного посетителя. В работе проводится текстологический анализ материалов двадцати четырех номеров журнала. При сопоставлении литературных, научно-популярных и информационных текстов с данными о фактах биографий и деятельности авторов можно получить общее представление о содержании, которое вкладывали в понятия «свойства» / «характер русского народа» эти «малозаметные участники дискурса».

Ключевые слова: русский народ; характер народа; военная история; юбилей Отечественной войны 1812 года; история журналистики.

1. Введение

Интерес к пониманию «свойства / характера русского народа» (используется и ряд других синонимов) авторами начала XX века возник в повседневной практике создания популярных текстов для современных посетителей Музея-панорамы «Бородинская битва» и музейных интернет-страниц. По отношению к этому понятию в широкодоступной и в той или иной мере популярной профессиональной историографии существует постоянное напряжение. Как отмечает современный исследователь эпохи 1812 года В. М. Безотосный,

Наше общество редко вспоминало события тех давно минувших дней и как-то подзабыло, что 200 лет тому назад российское государство и русский народ столкнулись с очень серьезным вызовом – наполеоновским наше-

ствием. Причем за последние 20 лет, после эпохи марксистского единомыслия в советской исторической науке, появилось большое количество авторов, «прислонившихся к истории» и интерпретировавших исторический процесс в самых неожиданных ракурсах: от ура-патриотических призывов на уровне пропагандистских клише до причитаний о гениальности Наполеона, жалости к его несчастной судьбе и полного оправдания действий великого корсиканца. Если ура-патриоты пытаются, часто чуть ли не в лучшем стиле, доказать уникальность военных успехов русского оружия (русские всегда, в том числе и в 1812 г., лихо били иноземцев, и даже сокрушительные поражения представляют почти победами, а если проиграли, то из-за иностранцев), то сторонники Наполеона уже отказывают в праве событиям «грозы двенадцатого года» именоваться Отечественной войной, мол, не существовало всеобщего подъема и единодушия на всей территории Российской империи, да и вообще, именно Россия и ее правители виноваты в развязывании самой войны, да и государство не выиграло эту войну, а скорее проиграло. Собственно, это две оборотные стороны процесса откровенной подмены исторического анализа заранее выбранными подлогами в виде спекулятивных концепций, а по сути, фальсификациями (Безогосный, 2012, с. 5).

Вследствие сложившейся ситуации среди современной аудитории, знающей тему, существует целый ряд различных мнений о «русском народе» и его роли в войне 1812 года, причем споры не утихают. Со стороны людей, знакомых с темой совсем поверхностно, наблюдается растущее недоверие к любым утверждениям историков. Задачи популяризатора от музея состоят в том, чтобы учитывать не только точки зрения современных ученых, но и обстоятельства их возникновения, уходить от простого описания явлений и стараться объяснять максимально понятным современным посетителям языком, что говорили и хотели сказать люди эпохи 1812 года и те, кто помогал художнику Ф. А. Рубо при написании панорамы «Бородино» к столетию войны. Кроме того, визуализация в картине официальных или близких к официальным взглядов сказалась на судьбе панорамы после переворота 1917 года:

Созданная по официальному заказу, она вскоре после своего рождения стала своеобразной «жертвой» официальной юбилейщины. В глазах передовой русской общественности это замечательное произведение было, если можно так сказать, скомпрометировано обстоятельствами своего возникновения, тем, что оно было исполнено к официальному юбилею, который царское правительство слишком остро приправило монархическим духом (Бородинская панорама, 1966, с. 13)¹.

Для решения поставленных выше задач по раскодированию содержания картины Рубо для современного посетителя необходимо обра-

¹ Подробнее о процессе, значении и результатах визуализации официальных исторических взглядов в искусстве см.: (Вишленкова, 2011). О событиях и значении многочисленных юбилейных торжеств начала XX века см.: (400-летие дома Романовых, 2016; Голикова, 2001; Дмитриева, Иванова, 2014; Лапин, 1998; Мальшкин, 1997).

щение к изданиям, посвященным столетию Отечественной войны 1812 года, которые выходили в начале XX века и были адресованы как профессиональной аудитории (сборники документов, научные статьи и монографии, дневники и мемуары участников событий), так и широкой публике (литературные, исторические журналы, издания «для детских и народных чтений», серии открыток, альбомы, календари и пр.). Охватившая страну в тот период «юбилеямания» (Цимбаев, 2005, с. 98) и одновременно активное включение разных слоев общества в публикаторскую деятельность породили сотни таких изданий. Точки зрения их авторов на причины, характер и результаты войны могли совпадать с официальной, но в ряде случаев частично или даже целиком от нее отличались (Отечественная война 1812 года в культурной памяти России, 2012, с. 266–275). Полного единства взглядов на события и тем более единства оценок не наблюдалось даже среди военных историков.

2. Журнал «1812 год»

Материал для анализа языка и взглядов круга лиц, принимавших деятельное участие в создании панорамы «Бородино» (Митрошенкова, Львов, 2013; 2014), в сконцентрированном виде предлагает журнал «Тысяча восемьсот двенадцатый год» («1812 год»). Художественно воплощенные в панораме, взгляды этих людей сегодня по-прежнему диктуют принципы, методы и формы презентации образа Отечественной войны 1812 года в Музее-панораме «Бородинская битва». Сам художник и его официальный консультант, военный историк генерал-майор Борис Михайлович Колубакин, не принимали участия в издании журнала, поскольку были слишком заняты другими юбилейными проектами и не жили в Москве. Но оба состояли в Императорском Российском военно-историческом обществе, встречались и тесно сотрудничали со многими членами Высочайше утвержденного комитета по созданию в Москве Музея 1812 года. Среди сотрудников и авторов журнала «1812 год» были члены и Общества, и Комитета².

Журнал «1812 год» выходил в 1912 (№ 1–16) и 1914 (№ 17–24) годах в Москве. Издание изначально позиционировалось как двухнедельное, рассчитанное на один (юбилейный) год. Информационную поддержку запуску издания оказали Военное министерство и Штаб Московского военного округа (МВО). Сочувственно к журналу отнесся лично командующий войсками Московского военного округа генерал от кавалерии П. А. Плеве³. Кроме того, Штаб МВО разрешил печатать журнал в своей типографии. Так как договор между издателями и типографией за-

² В частности, в том и другом деятельное участие принимал полковник Генерального штаба В. А. Афанасьев — «близкий сотрудник» Ф. А. Рубо, помогавший консультациями и сопровождавший художника при первой поездке на Бородинское поле, автор 16 раз переизданного (в 1912–1916 годах) путеводителя по панораме «Бородино».

³ Автор книги и курса по военной стратегии кавалерии, талантливый полководец, умелый тактик.

ключен не был, возникло недопонимание, которое вскоре привело к проблеме: штаб округа пребывал в уверенности, что услуги типографии будут оплачены из средств, поступавших от продажи журнала, а издатели полагали, что не должны оплачивать эти услуги, поскольку журнал был посвящен столь важной патриотической теме. Средства от продажи они тратили на гонорары авторам и художникам. Журнал выходил по плану, раз в две недели, только в январе – апреле 1912 года (№1–8, по 44 страницы в каждом). Когда Штаб Московского военного округа выяснил, что предоставленные типографией услуги не были оплачены и ожидать поступления оплаты за уже вышедшие и готовящиеся к печати выпуски в скором будущем не приходится, в дальнейшей поддержке журналу было отказано. С мая по август выпуски «1812 года» выходили сдвоенными, раз в месяц (№9–17, по 60 страниц в каждом). Затем издание было приостановлено: средств подписчиков не хватало, других спонсоров найти не удалось (Мальшкин, 2000). В начале 1914 года издатели все же завершили начатое и выпустили на собственные средства и средства подписчиков оставшиеся номера (№17–24), но всего лишь одной книжкой в 172 листа. Номера 1–16 имели сквозную пагинацию страниц, пагинация в номерах 17–24 – собственная.

Инициировали издание сотрудники московского Лефортовского архива – управляющий архивом, известный архивист и историк полковник Николай Петрович Поликарпов и столоначальник подполковник Валериан Петрович Фёдоров. Фёдоров выполнял также функции редактора. Оба были активными авторами статей и заметок, публикаторами документов. Издателем первых пяти номеров назван также работавший в архиве отставной капитан Л. Г. Лукьянов, с №6 он редактировал журнал вместе с В. П. Фёдоровым, а издательницей с этого номера считалась супруга подполковника Анна Николаевна Фёдорова.

Журнал изначально поддержал начальник Главного штаба генерал от инфантерии и военный историк Н. П. Михневич⁴, что сразу обусловило достаточно высокую степень доверия к журналу со стороны офицерства и образованных кругов среднего класса. Среди авторов «1812 года» были историки К. А. Военский⁵, Г. С. Габаев⁶, П. Н. Миллер⁷, В. В. Назаревский⁸, И. С. Беляев⁹, поэт А. В. Скрипицын (А. Скрин)¹⁰, по-

⁴ Николай Петрович Михневич (1849–1927) – один из крупнейших русских военных теоретиков, военный писатель, автор военно-исторических и военно-теоретических трудов, преподаватель Императорской Николаевской военной академии.

⁵ Константин Адамович Военский (1860–1928) – действительный статский советник; специализировался на теме эпохи 1812 года, один из составителей многотомного научно-популярного издания «Отечественная война и русское общество».

⁶ Георгий Соломонович Габаев (1877–1956) – полковник Русской императорской армии, военный историк, писатель и археограф.

⁷ Пётр Николаевич Миллер (1867–1943) – историк и археолог, москвовед.

⁸ Владимир Владимирович Назаревский (1876–1919) – профессор истории, действительный статский советник, член комиссии по устройству чтений для фабрично-заводских рабочих Москвы, председатель Московского цензурного комитета.

пулярные писатели В. П. Лебедев¹¹, А. Лёвшин¹² и другие литераторы и публицисты. Среди сотрудников — полковник Генерального штаба В. А. Афанасьев, полковник 1-го гренадерского Фанагорийского полка В. Н. Смердов и другие действующие и отставные военные. Все это были люди примерно одного круга, обладавшие знаниями, авторитетом и определенной (разной степени) популярностью в широких кругах интеллигенции умеренных взглядов (преимущественно, но не исключительно, военной).

Почти все сотрудники и авторы журнала получили хорошее образование (многие — среднее и высшее военное), профессионально занимались историей, работали в архивах, преподавали в различных учебных заведениях, читали лекции, публиковали популярные исторические или публицистические статьи и книги. С журналом сотрудничали профессиональные литераторы, композиторы и поэты, вдохновленные эпохой 1812 года. Заинтересованность большинства из них не сводилась к получению гонорара, а некоторые работали без него. Многие вовлеченные в издание люди были знакомы лично или встречались, участвуя в деятельности Московского отделения Российского военно-исторического общества, Общества распространения военных знаний, Кружка ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года и особенно Высочайшего Комитета по устройству в Москве Музея 1812 года (Митрошенкова, Львов, 2010).

Авторы и издатели не могли не реагировать на то, что в 1912 году, несмотря на объявленный прессой «всеобщий патриотический подъем настроений» накануне и в дни празднования юбилея, интерес к этому событию во многих государственных, городских и общественных учреждениях был невелик или отсутствовал. Это обстоятельство и привело, помимо прочего, к перерыву в издании с осени 1912 до начала 1914 года. Будучи военными, большинство из них не были склонны к ура-патриотизму, считали своим долгом публиковать исторические документы и написанные на их основе исследования, что не исключало, однако, сотрудничества с литераторами несколько более радикальных взглядов (причем отклоняющихся от взвешенной позиции историков и издателей в сторону как «радикального патриотизма», так и либерального отношения к националистическим настроениям жителей западных окраин империи). Круг людей, которых издатели журнала видели

⁹ Иван Степанович Беляев (1860–1918) — работник Московского архива. Сотрудничал в газетах «Голос Москвы», «Московские ведомости» и «Современные известия», издавал и редактировал научно-литературный журнал «Родная речь».

¹⁰ Александр Владимирович Скрипицын — поэт, автор сборников «Песня любви» (СПб., 1908), «Стихотворения» (СПб., 1908), «Русские сказки в стихотворном изложении А. В. Скрипицына» (М., 1910).

¹¹ Владимир Петрович Лебедев (1869–1939) — московский писатель, поэт, драматург. В начале XX века выпустил два объемных поэтических сборника, написал не один десяток исторических повестей и очерков. С 1914 года редактировал журнал «Историческая летопись».

¹² Автор популярной повести для детей «В плену у малышей», изданной в юбилейный год отдельной хорошо проиллюстрированной книгой.

своими союзниками, просматривается, в том числе, по составу рекламных объявлений, помещаемых на последних страницах и оборотах обложки (особенно много рекламы содержали №9–17). Наряду с чисто коммерческими объявлениями дамского парикмахера Базиля, часовой мастерской Павла Буре и других встречаются сообщения о выходе книг, военных журналов и газет, о деятельности различных офицерских обществ. Любопытно объявление о начале издания «политической литературной и общественной» газеты «Орловская жизнь» под редакцией известного в то время публициста С. С. Окрейца¹³. В объявлении сказано: «Газета “Орловская жизнь” — газета Монархическая; девиз ея: Бог, Царь и Отечество. <...> Направление газеты “Орловская жизнь” строго националистическое» (Тысяча восемьсот двенадцатый год¹⁴, 1912, №2). Статей самого Станислава Станиславовича в журнале «1812 год» не было (возможно, в связи с тем, что издательство быстро потеряло возможность выплачивать достойные гонорары), но высказывания, отражающие похожие взгляды, обнаруживаются в текстах многих других авторов.

Можно сказать, что все выпуски журнала предприняты для утверждения в сознании публики одной идеи: эпоха 1812 года должна послужить примером объединения национальных сил и консолидации общества. Юбилей войны издатели и авторы хотели использовать для напоминания и народу и его правителям лучших страниц общей истории:

...История, раскрывая перед нами свои листы, испещренные золотыми буквами, обрисовывает яркими красками всю мощь русского народа, который без различия званий, возраста и пола, в тяжелую годину обрушившегося на Россию бедствия, сплотился во единое целое и своей богатырской, могучей грудью ополчился на «дванадцать языков» и их непобедимого до толе вождя Наполеона, дерзнувшего на целостность нашей Родины. <...> В деле любви к Родине, в деле чествования памяти доблестных героев — верных сынов России, сложивших свои кости в борьбе за святую Русь, русский народ должен забыть все, что навязно неблагоприятными обстоятельствами, и помнить одно: что мы русские (1912, №1, с. 2).

Установки издателей здесь полностью соответствуют официальной позиции власти, выраженной в брошюре генерала от инфантерии

¹³ Станислав Станиславович Окрейц (1836–1922) — писатель, журналист, публицист, литературный критик. Родился в католической семье, отец был окружным начальником государственных имуществ. В 1870–1910-е годы издавал журналы и газеты (напр., «Дешевая библиотека», «Луч», «Всемирный труд» и др.), на страницах которых обличал «лживо-широкие мировые идеи социалистов-космополитов». Газету «Орловская жизнь» редактировал в 1911–1915 годах по рекомендации П. А. Столыпина. Постепенно перешел на более демократические позиции, перед 1917 годом был сторонником свержения монархии. Последние годы жизни провел в богадельне в Черниговской губернии, сожалея о своем «неразумии», с которым «так усердно добивался переворота». Автор многих исторических романов, в том числе, о войне 1812 года («Дванадцать языков» и «Страшное время»).

¹⁴ Далее в ссылках на журнал в круглых скобках указываются год и номер.

Е. В. Богдановича, написанной по заказу военного ведомства и распространявшейся при поддержке властей (Богданович, 1912, с. 11) и, в еще более концентрированном виде, в манифесте «О праздновании 100-летнего юбилея Отечественной войны». В кульминационный момент торжеств 26 августа 1912 года на Бородинском поле император Николай II огласил основные, с точки зрения монархии, характеристики памяти об этом событии. Подчеркнув исключительную тяжесть испытания, которому подверглось Отечество, и отдав дань врагу («величайшему полководцу того времени»), государь сообщил, что спасение пришло благодаря «милосердию Божьему и величию духа народа», «по призыву Верховного Вождя своего» вставшего «на защиту Родины и ее Святынь» и показавшего «высокие примеры безграничной преданности Престолу, самоотверженной любви к Родине, глубокой веры в милость Господню, непреклонной твердости духа... во всех сословиях своих» (цит. по: Отечественная война, 2012, с. 266).

Прямой апелляции к мнению верховной власти издатели журнала «1812 год» избегали, авторы отдельных статей (прежде всего, посвященных Наполеону, его маршалам и событиям на территории западных окраин империи) даже придерживались существенно различных точек зрения.

Структура журнала не была оригинальной и содержала традиционные для подобного рода изданий основные рубрики. Каждый выпуск журнала включал научные и научно-популярные статьи; библиографические обзоры и биографические очерки; документы и мемуары участников событий; эссе, очерки и рассказы, стихотворения и ноты музыкальных произведений; описания музейных предметов и памятников в честь событий и на могилах их участников (из разных регионов империи); обзоры юбилейных изданий, подготовительных и праздничных мероприятий «на местах»; сведения о работе Комитета Музея 1812 года, заседаниях региональных отделений Императорского русского военно-исторического общества, Кружка ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года и других дружественных журналу общественных организаций.

3. Понятие «русский народ» в публикациях журнала

«Характер русского народа» (в разных синонимичных формах) упоминается на страницах всех номеров журнала в качестве центрального фактора победы в 1812 году, как контекст событий или формирования характеров героев, а также как контекст историографической ситуации 1912 года. Анализируя весь комплекс словоупотреблений, мы получаем данные о понимании «свойств русского народа» определенной группой «малозаметных участников дискурса» (Миллер, 2009, с. 151), ядро которой составляли представители московской военной интеллигенции. Свое понимание авторы транслировали на широкую аудиторию читателей — равного и более низкого образовательного и социального уровня, проживавших в разных регионах империи, что подтверждается публикациями в журнале «писем с мест» и отдельными

заметками редакторов. Точные данные о тиражах журнала, количестве его подписчиков, продажах через книжные магазины и непосредственно издателями отсутствуют.

Среди «черт русского народа», согласно представлениям сотрудников журнала «1812 год», ярко выделяются духовная мощь и бесстрашие, способность к единению (всего народа и царя с народом), любовь к царю и Родине (так называемый «природный патриотизм»), «исторический дух Святой Руси». Между собой эти качества тесно связаны, авторы не отделяют их друг от друга, не определяют и даже подробно не описывают, лишь называя и приводя многочисленные примеры их проявления в разные эпохи, прежде всего в 1812 году.

Так, говоря о духовности русского народа, историк С. П. Михеев исходит из убеждения: «Причину побед и поражений на войне всегда надо искать в превосходстве в каком-либо отношении над своим противником». Именно «необъятная духовная мощь России» стала той силой, которая «превысила все преимущества грозного противника» (1912, № 1, с. 20). В. В. Назаревский, говоря о том же, опирается на цитаты из Манифеста об окончании войны 1812 года, подписанного 25 декабря 1812 года (6 января 1813 н. ст.) императором Александром I: «Верный народ, мещанство и крестьяне... явили в себе мужество и крепость приученных к браням воинов... Столь великий дух и непоколебимая твердость всего народа приносят незабвенную славу, достойную сохраниться в памяти потомства» (1912, № 3, с. 87).

Еще более определенно и возвышенно высказывается поэт А. Скрин, назвав главную ошибку Наполеона — великого полководца:

Но он забыл одно, — забыл, что Русь не знает
Ни страха пред врагом, ни страха пред судьбой,
Во всех своих делах на Бога уповает,
С молитвой на устах идет на смертный бой... (1912, № 6, с. 195).

О том же писал и другой поэт — Н. Каменский:

Нет сердца русского бесстрашней,
Светильник яркий веры в нем:
Всех, кто в хоромах иль на пашне,
Зовем на смертный бой с врагом!.. (1912, № 11 — 12, с. 370).

В небольшом рассказе «Резерв выручил (Эпизод из войны 1812 года)» тот же автор поднимает тему единения русского народа: «...В ту далекую черную годину русские сердца бились, как одно, горячим желанием защитит Поруганную, истекающую кровью и сожженную пожарами матушку-Россию...» (1912, № 5, с. 182). Почти дословно вторит ему автор, скрывавшийся под псевдонимом *Олимп. Бернад.*, в очерке «Народ в боевой страде»: «В эту торжественную эпоху идея об Отечестве как о чем-то кровном, ярко выступала, проникала в самые глухие захолустья, заставляла биться сердца русских одним чувством, дышать одним дыханием, жить одной жизнью» (1912, № 6, с. 204 — 205).

Способность народа к преодолению обычных распрей и сословных различий перед лицом врага, по мнению многих авторов журнала, — особый дар русских и народов, живущих с ними в едином государстве (но не всех, конечно). Так, издатель и редактор журнала «1812 год», автор нескольких очерков о деятельности и подвигах казачества во время войны 1812 года В. П. Фёдоров писал: «И честно выполнили казаки долг свой перед родиной в то время, когда в остальных частях России крестьян отпускали десятками в ратники по Царскому призыву, донцы от старого до малого подняли оружие и тайно, неожиданно для правительства, собрались...» (1912, №1, с. 37). Характеризуя настроение русского народа и русской армии накануне Отечественной войны, П. Андрианов в одноименном очерке описывал, как во всех частях государства люди всех сословий «горели любовью и ненавистью». Автор считал это редким свойством, дарованным Богом: «И действительно, многие ли народы могут, оглянувшись на пройденный ими исторический путь, увидеть столь великое дело, как подвиг русского народа в годину Отечественной войны. Этот подвиг должен и в будущем, неведомом и туманном, в дни тяжких испытаний, в дни потрясений и невзгод служить источником духовной силы и уверенности в победе для русского народа» (1912, №1, с. 30). Отметим, что описания проявлений в истории духовной мощи и единения часто сопровождаются непрямыми намеками на недавно пережитые авторами и предчувствуемые в скором будущем «дни тяжких испытаний». Это наглядно подтверждает, что тема юбилея Отечественной войны 1812 года воспринималась многими членами общества как возможная почва для преодоления разраставшегося социального кризиса. Они надеялись объединить «широкие народные силы» гордостью общим прошлым и предотвратить этим близкую катастрофу.

Единение народа с царем и царя с народом — также необходимое условие для победы над врагом и торжества справедливости. По словам С. П. Михеева, при известии о вторжении Наполеона, «каждый, от Государя до последнего русского... испытал... единоклубный взрыв патриотизма...» (1912, №1, с. 20) Издатель и редактор журнала Л. Г. Лукьянов в очерке с пафосным названием «Крестоносцы ополченцы» вновь подчеркивал исключительность этого свойства: «Но этого мало: Россия тем-то и отличается от других стран и тем-то, может быть, она велика и сильна, что в трудную для государства минуту и весь Царствующий дом идет рука об руку со своим народом...» Автор имел в виду инициативу великой княгини Екатерины Павловны, пожелавшей собрать в своих тверских владениях ополчение в помощь армии, и манифест Александра I о созыве ополчений. Допуская множество оценочных суждений, Л. Г. Лукьянов тем не менее опирался на исторические документы, которые приводил в своей работе. По его мнению, они подтверждали, что широкий отклик, который призыв государя в ополчение нашел среди разных слоев населения империи, «был не вынужденным, а исходил действительно из глубины русской души, это свидетельствуют

многочисленные дошедшие до нас документальные данные...» (1912, № 11 – 12, с. 382 – 383). Не соглашаясь со столь радикальными выводами, стоит все же отметить стремление к достоверности и цитирование в очерке об ополчении подлинных и малоизвестных на тот момент документов.

К воспоминаниям и письмам современников обращался также в своем очерке «Москва накануне Отечественной войны 1812 года» Олимп. Бернад., описывая чувства москвичей накануне и в начале войны: «Русский патриотизм растет, растет и любовь к Царю. Манифесты его, рескрипты читаются во всех домах и приводят всех в восхищение... Русские вельможи начинают стыдиться своей отчужденности...» (1912, № 9 – 10, с. 337).

А. Смоленский в небольшом очерке, посвященном сравнению судеб и характеров Наполеона и Александра I, также подчеркивал важность и силу единства народа и царя с народом:

История прошлого, неоднократно доказывавшая, что надежнейшим спасителем России в годину испытания является сам русский народ, навела Императора Александра I на мысль сблизиться с ним и слиться с ним воедино... Эта уверенность в своем народе была причиною приближения Шишкова, хорошо знавшего народную душу, и слова манифеста: «Народ русский! Храброе потомство храбрых славян! Ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров, соединитесь все: с крестом в сердце и с оружием в руках, никакие силы человеческие вас не одолеют!» — звучат задушевностью и обоюдным сближением (1912, № 11 – 12, с. 372).

Описывая с глубоким чувством мудрое поведение императора Александра I во время войны, автор с сожалением констатировал, что в конце царствования «русский народ, с таким самоотвержением вставших на защиту родины от нашествия “двадцати языков”, вновь стал далек от своего Государя» (1912, № 11 – 12, с. 373). Причину этого он усматривал в разочаровании, которое постигло великодушного императора при наблюдении за тем, как легко его современники перешли от глубокого преклонения перед Наполеоном в пору могущества к ненависти и высмеиванию его же в роли жалкого пленника. Как бы ни был малооснователен подобный вывод, вместе с рядом подобных высказываний других авторов он дает возможность понять: образованные люди имели представление о проблемах, которыми сегодня занимается историческая антропология, и часто пытались объяснить непоследовательность в поведении императора глубоко личными мотивами.

«Великий союз» царя с народом в одноименном стихотворении воспевал неизменно приподнятым слогом А. Скрин:

На Руси всегда бывало
— приходил тяжелый год,
Или горе наступало, —
Шел с бедой к царю народ...

Царь-Надежда, Царь-защита
 От несчастий всех и бед...
 Царь — с народом, — все забыто,
 И беды как будто нет (1912, №9—10, с. 330).

Помимо жизнеописаний императоров Наполеона и Александра несколько страниц в каждом выпуске журнала отводилось биографиям участников Отечественной войны 1812 года. Это не были сухие биографические справки. Авторы позволяли себе широко комментировать и оценивать характеры и поступки своих героев, объяснять их, как правило, благородные мотивы. Так, автор серии очерков о казаках в войне 1812 года Н. Пузанов в биографическом очерке о графе Матвее Ивановиче Платове объяснял его характер влиянием матери: «...добродетельная мать Анна Илларионовна, воспитала сына в строгом завете предков: горячо любить родину, Царя и веру православную, а совместные игры с казачатами... рассказы старых казаков про боевые действия и походы — дополняли развитие в душе ребенка рыцарских чувств...» (1912, №5, с. 174).

Тема природного, исторически присущего русскому народу патриотизма — «исторического духа Святой Руси» звучала во многих произведениях:

Россия вспомнит славный спор...
 И сердце русское забьется...
 (А. Скрин. «1812-й год») (1912, №1, с. 3).

Кошмаром мелькнули невзгоды былые...
 Но старые раны нельзя позабыть!
 И светлую память готова Россия
 Погибших за Родину свято почтить!..
 (Н. Каменский. «1812—1912») (1912, №7, с. 232).

В очерке «100-летие 1812 года и 300-летие 1612 года» автор под псевдонимом *Русский* обращал внимание на многие параллели между двумя бедствиями, разделенными ровно двумястами годами. «Очевидно, царя, как и его подданных, поражало глубокое совпадение событий!» — отмечал он, рассказывая об использовании образов Минина и Пожарского в официальной лексике манифестов 1812 года. В том и в другом случае, утверждал автор, победа была достигнута «благодаря одному и тому же мощному историческому духу Святой Руси» (1912, №1, с. 4).

Продолжению, сохранению и возрождению этого духа авторы и издатели старались посвятить свой журнал. Для этого они писали и публиковали очерки, стихи, рассказы, пьесы и другие литературные произведения, библиографические заметки, краткие отчеты о деятельности и пополнении фондов Музея 1812 года, о ходе подготовки к юбилейным торжествам и т. д. Для этого архивист и историк Н. П. Поликарпов публиковал неизвестные или малоизвестные исторические доку-

менты о забытых героях и о полках, прекративших существование к 1912 году, о действиях партизанских отрядов и ополчений, а также написанные на основе этих источников статьи:

Пусть подрастающее поколение воспитывается на чувстве благодарности этим героям и да растет в нашей молодежи стремление самоотверженно отдать себя, подобно им, на служение Царю и Родине, стать, подобно им, грудью, не щадя своей жизни, на защиту Царя и Родины.

Никакой враг не будет тогда страшен. И не будет места сомнениям в своих силах, в могуществе Родины, ни каким-либо колебаниям» (1912, №13 – 14, с. 475).

Еще один формат публикаций в журнале важной исторической информации, не утратившей своей актуальности и в наши дни, — «Хронологический перечень боевых столкновений в течение Отечественной войны 1812 года», который составлял Н. П. Поликарпов. Это была большая аналитическая работа, основанная на огромном корпусе архивных документов (многие не опубликованы до сих пор). Автор стремился предоставить

войсковым частям (особенно не имеющим еще напечатанными своих полковых историй) возможности заблаговременно, т. е. до наступления юбилейных дней Отечественной войны 1812 года... краткие сведения о своих боевых хрониках или о своих боевых формулярах за 1812 года, редакция журнала «1812 год» предпринимает с настоящего № печатание... Перечень составлен кратко по следующей программе: 1) дата; 2) географический пункт... 3) наименование 1812 года участвовавших в этом столкновении наших войсковых частей. Современные (1912 г.) наименования войсковых частей приведены лишь для тех из них, которые ныне именуется иначе (1912, №7, оборот обложки).

Уверенность издателей журнала в глубине «патриотического чувства», которое должно было охватывать широкие круги «населения Империи» при каждом напоминании о войне 1812 года, со временем убывала. С каждым номером все меньше встречается статей, специально посвященных «историческому духу Святой Руси», постепенно сходят на нет упоминания «духа народа» в исторических обзорах и даже в описаниях юбилейных торжеств. Одной из причин этого было, вероятно, финансовое положение, в котором издатели неожиданно для себя оказались через несколько месяцев после выхода первого номера. Как было сказано выше, к середине 1912 года командование Московского военного округа прекратило поддержку журнала. Военных можно понять: расходы на строительство павильона для панорамы «Бородино», организация торжеств на Бородинском поле и в Москве, устройство выставки в залах Исторического музея и другие юбилейные мероприятия отняли гораздо больше средств, чем предполагалось и чем реально было в распоряжении ведомства. Попытки собрать частные средства также не увенчались успехом (во многом — по той же причине: в предыдущие и в этот год слишком многие инициативы, носившие общественно-патриотический характер, как, например, установка памятников, реализовывались на счет пожертвований).

Ради экономии стали сдвигать номера журнала. Менялось и наполнение: исторические исследования постепенно уступали место публикациям документов и мемуаров. Среди авторов литературных произведений все чаще оказывались малоизвестные литераторы. В результате журнал, изначально не отличавшийся оригинальностью, становился все более скучным и, по-видимому, к нему теряла интерес не только широкая, но и целевая аудитория. Кроме того, в начале XX века «толстые журналы» были уже не так популярны и влиятельны, как во второй половине XIX столетия, когда издатели «1812 года» были молоды.

До конца в журнале остались и тянули на своих плечах не только редактуру, но и подготовку текстов публикаций те, кто его задумал: Н. П. Поликарпов, В. П. Фёдоров, Л. Г. Лукьянов, А. Лёвшин, Н. Каменский. В большем, чем ранее, объеме стали появляться материалы о деятельности Комитета 1812 года (что не может не радовать историка, поскольку других источников о нем сохранилось недостаточно). Члены Особого комитета — не высшего руководства, а те, чьими руками в буквальном смысле слова творилась вся его работа (В. А. Афанасьев, С. И. Беляев и др.) — также оставались с журналом до конца. Стараниями всех этих людей, несмотря ни на что, удалось решить вопрос с долгами, собрать средства и возобновить издание в 1914 году, чтобы «выполнить обязательства перед подписчиками».

Как уже отмечалось, последние номера журнала вышли одной книжкой. Выпуск №17–24 отличается худшей бумагой, низким качеством изображений, более скромным переплетом. Изменилось и общее настроение журнала: не встречались уже открытые восторженные восхваления «характера русского народа», не выражалась надежда на единение сословий, на единение с Царем, тем более с Царским Домом. Темы эти присутствовали только в публикациях архивных документов, манифестов и обращений Александра I, мемуаров и стихотворений современников 1812 года, а также литературных произведений: в рассказе Н. Каменского «Божья воля», историческом этюде В. П. Фёдорова «На закате славы», рассказе В. Пузанова «Резерв Дона», «посвященном деткам казачьим», очерке М. Аветикова «Герои пастыри» и в заключающей выпуск и издание пьесе Н. Сергеева «Отступление Великой армии» (1914, №17–24). Последнее слово в пьесе — традиционное: «Занавес». В данном случае это и символично, и вряд ли случайно.

Как полагают современные исследователи, «празднование 100-летия Отечественной войны 1812 года, задуманное с целью повышения престижа русской монархии, вряд ли достигло цели» (Отечественная война 1812 года, 2012, с. 275). Не достигли своих целей и издатели «1812 года». Хотя, как писал по схожему поводу полковник Владимир Александрович Афанасьев¹⁵, они «сделали, все, что могли, пусть те, кто придут после... — сделают лучше» (Отдел письменных источников Государственного исторического музея, ф. 160, оп. 1, д. 11, л. 30 об.).

¹⁵ В. А. Афанасьев писал о Музее 1812 года, который создать так и не удалось.

Список литературы

- Безотосный В. М. Все сражения русской армии 1804–1814 гг. Россия против Наполеона. М., 2012.
- Богданович Е. В. 1812 год. СПб., [1912].
- Бородинская панорама. М., 1966.
- Вишленкова Е. А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русско-го дано не каждому». М., 2011.
- Голикова Н. И. О праздновании 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года (по материалам Вологодской губернии) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы : матер. Всерос. науч. конф. М., 2001. С. 81–85.
- Дмитриева О. О., Иванова Т. Н. Празднование 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года как пример реализации коммеморативных практик // Вестник Чувашицкого университета. 2014. №4. С. 21–26.
- Лапин В. В. 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 года и политическая борьба (по материалам российских газет) // Россия в XIX–XX вв. : сб. ст. к 70-летию со дня рождения Р. Ш. Ганелина. СПб., 1998. С. 159–165.
- Мальшикин С. А. 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 года // II этап Отечественной войны 1812 года. Проблемы изучения. Источники. Памятники. Малоярославец, 1997. С. 152–159.
- Мальшикин С. А. Калужская губерния на страницах журнала «1812 год» // Отечественная война 1812 года в Калужской губернии и российской провинции : матер. науч. конф. Малоярославец, 2000. С. 97–100.
- Миллер А. И. «Народность» и «нация» в русском языке XIX века: подготовительные наброски к истории понятий // История России. 2009. №1. С. 151–165.
- Митрошенкова Л. В., Львов С. В. Очерк истории Особого комитета по устройству в Москве Музея 1812 года // Бородино в истории и культуре : матер. междунар. науч. конф. Можайск. 2010. С. 346–375.
- Митрошенкова Л. В., Львов С. В. Программа Музея 1812 года в Москве (1907–1918): судьба проекта в эпоху проектов // Москва в Отечественной войне 1812 года : матер. науч.-практ. конф. М., 2013. С. 110–121.
- Митрошенкова Л. В., Львов С. В. Панорама «Бородино»: к истории сюжета // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи : матер. междунар. науч. конф. М., 2014. С. 111–116.
- Отечественная война 1812 года в культурной памяти России. М., 2012.
- Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1912. №1–16 ; 1914. №17–24.
- Цимбаев К. Н. Феномен юбилеямания в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века // Вопросы истории. 2005. №11. С. 98–108.
- 400-летие дома Романовых: политика памяти и монархическая идея, 1613–2013 : сб. ст. СПб., 2016.

Об авторе

Лада Вадимовна Митрошенкова, кандидат исторических наук, главный хранитель, ГБУК г. Москвы «Музей-панорама «Бородинская битва», Россия.

E-mail: geohist@list.ru

Для цитирования:

Митрошенкова Л. В. Журнал «1812 год» в контексте юбилейных мероприятий 1912 года // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №3. С. 99–114. doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-7.

THE JOURNAL "1812" AND THE 100TH ANNIVERSARY OF THE PATRIOTIC WAR OF 1812

L. V. Mitroshenkova¹

¹ Museum-panorama "Battle of Borodino", Moscow, Russia

38/1 Kutuzovsky Av., Moscow, 121170, Russia

Submitted on November 22, 2019

doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-7

The author explores the perception of the characteristic traits of Russian people that was widespread among military intellectuals and their associates – publishers, authors and subscribers of the journal "1812" at the end of the 19th – the beginning of the 20th centuries. The same group of military historians, academics and popularizers initiated the foundation of the Museum of 1812 and the Borodino panorama, painted by F. A. Roubaud for the 100th anniversary of the Patriotic War of 1812. On the one hand, publications in the journal reflected the prevailing worldview and the lexis used at that time. On the other hand, articles of the journal disseminated a set of values amongst the readership, having an equal or lower educational, cultural and social status. The knowledge of the language of the journal and the specificity of its semantics allows translating the meanings encoded in the articles and the Panorama into the language of the contemporary visitor. This article provides a textual analysis of twenty four issues of the journal. Comparative analysis of literary, popular science and information texts and the biographies and activities of the authors, makes it possible to understand the intended meaning these "unobtrusive participants in discourse" ascribed to the words "character trait" or "character" of Russian people.

Keywords: Russian people, characteristic trait, military history, anniversary of the Patriotic War of 1812, history of journalism.

References

Bezotosny, V.M., 2012. *Vse srazheniya russkoi armii 1804 – 1814 gg. Rossiya protiv Napoleona* [All battles of the Russian army of 1804–1814. Russia against Napoleon]. Moscow (in Russ.).

Bogdanovich, E.V., 1912. *1812 god* [1812 year]. St. Petersburg (in Russ.).

Boguslavsky, G.A. and Kolosov, N.A., eds., 1966. *Borodinskaya panorama* [Borodino panorama]. Moscow (in Russ.).

Vishlenkova, E.A., 2011. *Vizual'noe narodovedenie imperii, ili "Uoidet' russkogo dano ne kazhdomu"* [Visual Ethnography in an Empire, or "Not Everyone Can Discern a Russian"]. Moscow (in Russ.).

Golikova, N.I., 2001. On the celebration of the 100th anniversary of the Patriotic War of 1812 (based on materials from the Vologda province). In: A.V. Gorbunov, ed. *Otechestvennaya voina 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy. Mater. Vseros. nauch. konf.* [Patriotic War of 1812. Sources. Monuments. Problems. Proceedings of the Scientific Conference]. Moscow. pp. 81 – 85 (in Russ.).

Dmitrieva, O.O. and Ivanova, T.N., 2014. Celebrating the 100th anniversary of the Patriotic War of 1812 as an example of the implementation of commemorative practices. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 4, pp. 21 – 26 (in Russ.).

Lapin, V.V., 1998. 100th anniversary of the Patriotic War of 1812 and political struggle (based on Russian newspapers). In: A.A. Fursenko, ed. *Rossiia v XIX – XX vv.*

sb. st. k 70-letiyu so dnya rozhdeniya R. Sh. Ganelina [Russia in the 19–20th centuries. Collection of articles to the 70th anniversary of R. Sh. Ganelin]. St. Petersburg. pp. 159–165 (in Russ.).

Malyshkin, S. A. 1997. 100th anniversary of the Patriotic War of 1812. In: *II etap Otechestvennoi voiny 1812 goda. Problemy izucheniya. Istochniki. Pamyatniki* [II stage of the Patriotic War of 1812. Learning problems. Sources. Monuments]. Maloyaroslavets. pp. 152–159 (in Russ.).

Malyshkin, S. A. 2000. Kaluga province on the pages of the magazine “1812”. In: *Otechestvennaya voina 1812 goda v Kaluzhskoy gubernii. Sbornik materialov konferentsii* [The Patriotic War of 1812 in the Kaluga province. Conference proceedings]. Maloyaroslavets. pp. 97–100 (in Russ.).

Miller, A. I., 2009. “Nationality” and “Nation” in the Russian language of the 19th century: preparatory sketches for the history of concepts. *Istoria Rossii* [History of Russia], 1, pp. 151–165 (in Russ.).

Mitroshenkova, L. V. and Lvov, S. V., 2010. An Essay on the History of the Special Committee for the Construction of the Museum of 1812 in Moscow. In: A. V. Gorbunov, ed. *Borodino v istorii i culture. Sbornik materialov konferentsii* [Borodino in History and Culture: Conference proceedings]. Mzhaysk. pp. 346–375 (in Russ.).

Mitroshenkova, L. V. and Lvov, S. V., 2013. The program of the Museum of 1812 in Moscow (1907–1918): the fate of the project in the era of projections. In: *Moskva v Otechestvennoi voine 1812 goda Sbornik materialov konferentsii* [Moscow in the Patriotic War of 1812: Conference proceedings]. Moscow. pp. 110–121 (in Russ.).

Mitroshenkova, L. V. and Lvov, S. V., 2014. Panorama “Borodino”: to the history of the plot. In: *Epokha napoleonovskikh vojn: lyudi, sobytiya, idei. Sbornik materialov konferentsii* [The Age of Napoleonic Wars: people, events, ideas. Conference proceedings]. Moscow. pp. 111–116 (in Russ.).

Melnikova, L. V., Sekirinsky, S. S., Podmazo, A. A., Golubev, A. V. and Aurova, N. N., 2012. *Otechestvennaya voina 1812 goda v kul'turnoi pamyati Rossii* [Patriotic war of 1812 in the cultural memory of Russia]. Moscow (in Russ.).

Pavlova, L. V. and Romanova, I. V., eds., 2010. *1812 god v istorii Rossii i russkoi literatury* [1812 in the history of Russia and Russian literature]. Smolensk (in Russ.).

Tipografiya shtaba Moskovskogo voennogo okruga, 1912, 1914. *Tysyacha vosem'sot dvenadtsatyi god* №1–16, №17–24 [One thousand eight hundred and twelfth year №1–16, №17–24]. Moscow.

Tsimbaev, K. N., 2005. The phenomenon of anniversary in Russian public life of the late XIX – early XX centuries. *Voprosy istorii* [Questions of history], 11, pp. 98–99 (in Russ.).

Lapin, V. V., ed., 2016. *400-letie doma Romanovykh: politika pamyati i monarkhicheskaya ideya, 1613–2013* [400th anniversary of the Romanov dynasty: politics of memory and the monarchical idea, 1613–2013]. St. Petersburg (in Russ.).

The author

Dr Lada V. Mitroshenkova, Chief Curator, Museum-panorama “Battle of Borodino”, Moscow, Russia.

E-mail: geohist@list.ru

To cite this article:

Mitroshenkova, L. V. 2020, The journal “1812” and the 100th anniversary of the Patriotic War of 1812, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 3, p. 99–114. doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-7.

КОНЦЕПЦИИ ГРАЖДАНСТВА И СОСЛОВНОСТЬ В РУССКОЙ ИСТОРИИ — ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И / ИЛИ РАЗРЫВ

*Д. В. Козлов*¹

¹ Иркутский государственный университет,
Россия, 664003, Иркутск, ул. К. Маркса, д. 1
Поступила в редакцию 05.01.2020 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-8

Для понимания того, как развивался концепт «народ» в Новое время, необходимо учитывать возможность интерпретации его как носителя суверенитета. Данная концепция восходит к временам ранних буржуазных революций. В свою очередь, очень интересным представляется возникновение в таком случае определенных параллелей с идеологией гражданства и с взглядом на динамику развития концепта народа / нации через интерпретации гражданства. Эти интерпретации должны учитывать ход и результаты современных теоретических дискуссий о феномене гражданства. Автор рассматривает проблему единства отечественной традиции гражданства. Парадоксальность применения понятия «гражданин» в российском контексте проявляется уже в XVIII веке. В одних случаях слова гражданин и подданный используются как синонимы, в других понятие гражданин применяется только к дворянам как представителям элиты, что одновременно отсылает к противопоставлению абсолютистской власти и подразумевает сознательное исключение податного населения из института гражданства. Двойственность в понимании гражданства внутри сословного общества, находящегося в ситуации кризиса, проявляется и накануне революционных потрясений 1917 года, и в советский период. В рамках провозглашенного большевиками радикального разрыва с прошлым была поставлена под сомнение старая сословная стратификационная система. В первый месяц после революции большевики официально отменили сословия, титулы и чины. Согласно Конституции РСФСР 1918 года, понятие класса стало частью правовой системы Советской России. Только «трудящиеся» получали политические права и тем самым полное гражданство. Гражданское состояние возникает в контексте идеологии трудящихся и эксплуатируемых классов, которым противостоят неработающие (буржуазные) элементы. Гражданство переставало зависеть от территории и национальности, но в то же время была создана юридическая категория людей, лишенных гражданства, внутри государства. Парадоксальным образом само гражданство определялось через его отсутствие, то есть через то, чего нет. Таким образом, концепции гражданства и сословность в имперский и советский периоды часто сосуществуют, взаимно дополняя друг друга и образуя причудливый синтез традиционного и современного подходов к интерпретации феномена гражданства.

Ключевые слова: гражданство, сословие, режимы гражданства, традиция гражданства, лишенец, враг народа, враг рабочего класса, советская сословность.

1. Теоретические подходы к феномену гражданства: классика и современность

Для понимания того, как развивался концепт «народ» в Новое время, необходимо учитывать возможность интерпретации его как носителя суверенитета. Данная концепция восходит к временам ранних

буржуазных революций. В свою очередь, очень интересным представляется возникновение в таком случае определенных параллелей с идеологией гражданства и взглядом на динамику развития концепта народа / нации через интерпретации гражданства (Canovan, 2005; Handbook of Citizenship Studies, 2002; Kymlicka, Norman, 1994).

В последнее время исследования феномена гражданства переживают настоящий бум. Ученые выделяют несколько важных моментов, которые необходимо учитывать при анализе данного феномена. С одной стороны, можно различить развитие гражданства в традиционном и современном обществах. С другой — часть исследователей рассуждает о классическом гражданстве. Последнее в данном случае понимается и как идеальный тип, и как историческая модель, относящаяся к Древней Греции (Роскок, 1998). Существуют подходы, отталкивающиеся от изучения различных национальных традиций гражданства (британская, американская, французская, германская); исследования, посвященные развитию гражданства в неевропейском мире, например арабском. Очень важной концептуализацией стала знаменитая гипотеза американского ученого Р. Брубейкера о различии типов гражданства с точки зрения динамики развития различных практик включения в этот институт / исключения из него и отношения к мигрантам в этом случае. Брубейкер противопоставляет два типа получения гражданства — гражданство как *jus sanguinis* («по крови») и как *jus soli* («по почве»). Анализируя эти принципы на примере Франции и Германии, исследователь делает вывод о том, что гражданство, предоставляемое в соответствии с принципом «почвы» (по факту рождения в определенной стране), является более открытым, чем предоставляемое «по крови» (на основании гражданства родителей) (Brubaker, 1992). Эта гипотеза вызвала бурную и интересную дискуссию, некоторые участники которой указали на излишнее упрощение моделей гражданства и на историческую динамику, не позволяющую столь однозначно противопоставлять эти две модели с точки зрения открытости / закрытости (Weil, 2008).

Одной из составляющих современной теории гражданства стало описание этого института с помощью триады Маршалла. В этом случае речь идет о различных типах гражданства — «цивильном», политическом и социальном. С точки зрения английского исследователя, все эти типы надстраиваются друг над другом по мере исторического развития в XVII—XX веках (Маршалл, 2011). В ходе дискуссии часть ученых указали на то, что данная концепция строится на материале британской истории и с трудом может быть применена к другим странам. В то же время сам взгляд на институт гражданства как на целостную систему, состоящую из различных прав и обязанностей, которые находятся между собой в сложном историческом, социальном и политическом взаимодействии, значительно изменил традиционные подходы к институту гражданства. Современные исследователи говорят об экономическом, экологическом, культурном и других типах гражданства. Еще одним важным теоретическим выводом из триады стала концепция «режимов гражданства», которую развивает М. Манн. Важным моментом является ее привязка к истории отдельных стран и возможность

анализа режимов с точки зрения противопоставления различных составляющих, знакомых нам по триаде Маршалла. Сам Манн выделяет такие режимы, как либеральный, реформистский, фашистский, авторитарно-социалистический, авторитарно-монархический (Mann, 1987).

Российский ученый В. С. Малахов добавил к этой типологии еще несколько режимов: патримониальный, авторитарно-капиталистический, неолиберальный, этноцентристский (Малахов, 2014). Важная отличительная характеристика институтов гражданства — связанные с ними практики исключения и включения в институт, которые могут рассматриваться как характеристики степени открытости или закрытости гражданства. Очень значимо противопоставление двух типов нации в современности — гражданского и этнического. В этом контексте можно также говорить о гражданском и этническом национализме. Все это позволяет поставить вопрос о сходстве и различии между гражданским и национальным измерением развития того или иного государства и нации. Интересным теоретическим моментом является также противопоставление активного и пассивного гражданства, которое на примере конституционного наследия Французской революции можно сформулировать как различие между простой возможностью участвовать в выборах органов политической власти и правом быть избранным в них, — или, другими словами, между возможностью активного вовлечения в гражданское измерение нации и пассивным наблюдением за этим процессом. На крайне важную разницу между образами гражданина как политического суверена и гражданина-воина, связанного с классической традицией гражданства, указывает В. С. Малахов. Такое противопоставление относится к тому, что современные исследователи называют республиканской традицией в понимании гражданства. Все эти теоретические споры с полным основанием приложимы к отечественной традиции гражданства (Lohr, 2012; 2013). Надо отметить появление разнообразных публикаций по этой теме. Вышло два тематических выпуска журнала «Kritika», посвященных различным подходам к феномену гражданства в российской истории (Alexopoulos, 2006; Burbank, 2006; David-Fox, Holquist, 2006; Lohr, 2006; на русском языке опубликована книга последнего: Лор, 2017).

Также надо отметить выход отдельного номера журнала «Ab Imperio» по данной тематике¹. Естественный вопрос, который возникает сразу, — можно ли говорить о существовании российской традиции гражданства? Если в случае США или Великобритании речь идет о многовековом постепенном развитии, то как быть с Россией, которая прошла через несколько этапов радикальных изменений, связанных с глубокой политической и социальной трансформацией? Тем не менее мы можем констатировать присутствие и развитие концепции гражданства на разных этапах российской истории. Как пример интересно сопоставления разных национальных традиций гражданства приве-

¹ Очень интересный обзор новых теоретических подходов к теме взаимоотношений граждан и государства содержится в одной из статей в этом номере журнала: (Chamberlain-Creanga, 2006).

дем общеизвестный диалог М.М. Сперанского и Н.М. Карамзина по поводу Гражданского кодекса Наполеона и возможности его переноса на русскую почву. Проницательный Карамзин указывает Сперанскому на то, что сами законы и технику их кодификации перенести в Россию можно, но это не превратит российских подданных в граждан. Парадоксальность применения понятия «гражданин» в российском контексте проявляется уже в XVIII веке. Иногда слова *гражданин* и *подданный* используются как синонимы, иногда понятие *гражданин* применяется только к дворянам как представителям элиты, что одновременно отсылает к противопоставлению абсолютистской власти и подразумевает сознательное исключение податного населения из института гражданства (Марасинова, 2017, с. 408). Таким образом, возможны самые разные режимы использования этого концепта. Эта же двойственность в понимании гражданства внутри сословного общества, находящегося в ситуации кризиса, проявляется и накануне революционных потрясений 1917 года. Российские либералы начала XX века рассматривали сословную систему как искусственный институт, навязанный обществу монархическим режимом. Российская реальность противопоставлялась положению европейских сословий, которые рассматривались как элемент общественного развития, не связанный с государством. Такое понимание было очень далеко от реальности. Достаточно вспомнить знаменитое высказывание аббата Сийеса, который в знаменитом памфлете «Что такое третье сословие?» наряду с провозглашением нового принципа понимания и описания французского общества как нации утверждает: «Почему бы третьему сословию не выгнать обратно во франкские леса все эти семьи, которые сохраняют абсурдные привилегии на основании того, что происходят из расы победителей и получили свои права по наследству? Я верю, что очистившаяся Нация была бы вполне способна смириться с мыслью, что состоит исключительно из потомков галлов и римлян» (Аббат Сийес, 2003, с. 187). Тем самым Сийес соединяет новую интерпретацию французской нации с идеями, восходящими еще к аббату Буленвиле и звучащими для нас слишком архаично.

2. Проявления двойственности в развитии советского гражданства

Сословная двойственность проявилась и в советский период. В рамках провозглашенного большевиками радикального разрыва с прошлым была поставлена под сомнение старая сословная стратификационная система. В течение первого месяца после революции большевики официально отменили сословия, титулы и чины. Согласно Конституции РСФСР 1918 года, понятие класса стало частью правовой системы Советской России. Только «трудящиеся» получали политические права и тем самым полное гражданство. Трудящимся и эксплуатируемым классам в этой парадигме противостоят социальные паразиты — буржуазные элементы. В результате, в соответствии с Конституцией, лица, живущие за счет нетрудовых доходов или эксплуатации наемного труда (включая предпринимателей и кулаков), были лишены права голоса

при выборах в Советы наравне со священнослужителями, жандармами и белогвардейскими офицерами («классово чуждыми», по определению большевиков, группами). Такие люди сразу стигматизировались в общественном дискурсе как «лишенцы». Таким образом, марксистское понятие класса стало частью социальной идентичности в советском обществе и неотъемлемой частью конституционных основ нового советского государства. Гражданство оказывалось не связанным ни с «почвой», ни с «кровью», то есть ни с территорией, ни с национальностью. Яркой иллюстрацией таких взглядов на общество служит выразительный рисунок 1917 года (рис. 1). На нем заметно четкое разделение общества на социальные группы в соответствии с их оценкой с позиций «трудящихся».

Радаков А.А. Самодержавный строй.

Russia 1917

Radakov A.A. Autocratic build.

Рис. 1. А. А. Радаков. Самодержавный строй. 1917²

² URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Плакат_Алексей_Радаков_Самодержавный_строй.jpg (дата обращения: 15.07.2020).

Интересно, что для первых комментаторов концепции советского гражданства было очевидно, что нет никакой разницы между иностранцами и советскими гражданами, есть только различие между буржуазными классами и трудящимися. Для констатации этих различий не имеют значения место рождения или место проживания.

Наверное, такую ситуацию никогда не смог бы предвидеть Маркс, но, однако, она была понятна любому жителю России, выросшему в условиях сословной системы стратификации имперского общества. Таким образом, Конституция 1918 года по сравнению с теми же конституциями эпохи буржуазных революций (Американской или Французской) представляла собой документ, который, используя классовый язык, возрождал и закреплял сословную стратификацию на новом этапе (см. об этом: Fitzpatrick, 1993).

Понятие *класс* в данном случае использовалось как аскриптивная (приписываемая) категория, если рассматривать ее в рамках социологической антиномии характеристик — приписываемая / достижительная. Можно утверждать, что первоначально советская политика гражданства была связана не с экономическими соображениями, вызовами растущего населения, трудовыми конфликтами или миграциями (Fitzpatrick, 1993); для определения гражданства важной была политическая тематика, использующая марксистский язык описания классовой системы современного общества. Известно, что Маркс использует понятие класса как универсальную стратификационную категорию, наблюдаемую на всех этапах человеческой истории (за исключением первобытного общества и еще не существующего коммунистического общества). Социологическая теория рассматривает классовую стратификационную систему как часть описания общества, в котором классовые различия не носят жесткого, фиксированного характера и не передаются по наследству. Они возникают в процессе разделения труда и отличают современное общество от традиционного. В случае большевистской интерпретации произошло совмещение понятия класса и его использования в сословных (фиксированных в законе) категориях. Тем самым большевики применяли категории стратификации современного общества, но интерпретировали их как категории общества традиционного, совмещая и тем самым синтезируя архаику и модерн. Необходимо также отметить еще одну очень интересную характеристику развития советского гражданства на раннем этапе, связанную с утопией мировой революции, которая объединит всех людей. Первые советские документы по гражданству (в том числе декрет ВЦИК «О приобретении права российского гражданства» от 19 марта 1918 г.) касались натурализации иностранцев — представителей рабочего класса. Всякий иностранец, живший на территории РСФСР, имел, в соответствии с этими документами, право на советское гражданство. Конституция РСФСР 1918 года в статье 20 провозглашала принцип солидарности пролетариев всех стран. Метафорически говоря, именно огонь мировой революции должен был выплавить институт нового советского гражданства.

Еще раз повторим, что гражданское состояние, или момент гражданства, возникает в контексте идеологии трудящихся и эксплуатируемых классов, которым противостоят неработающие, буржуазные элементы. Идея гражданства не зависела от территории и национальности, но в то же время создавалась юридическая категория людей, лишенных гражданства, внутри государства. То есть парадоксальным образом само гражданство определялось через его отсутствие – через то, чего нет. На картине 1930-х годов мы видим образы таких «лишних людей» (рис. 2).

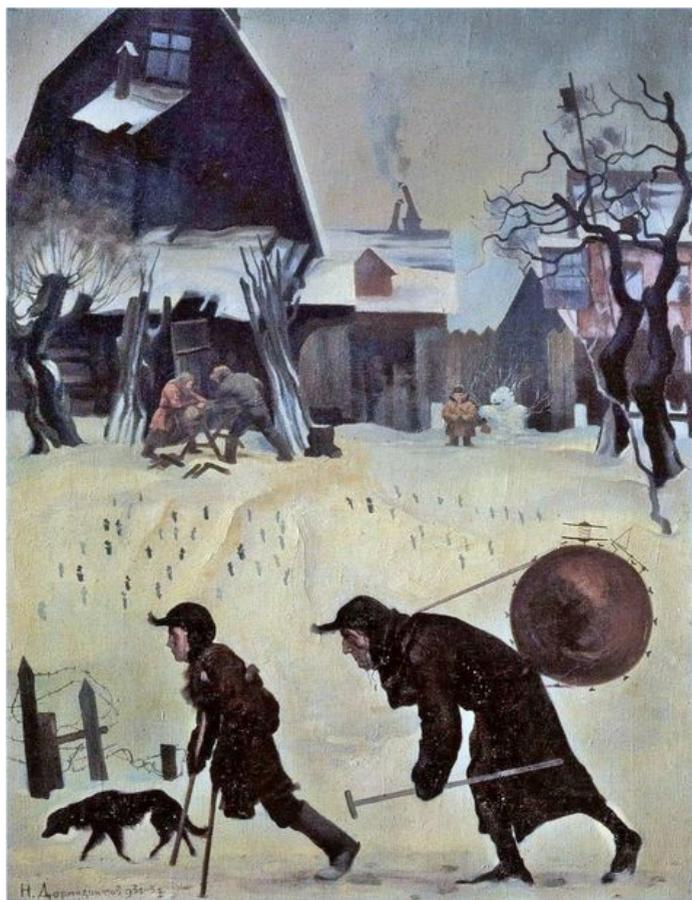

Рис. 2. Н. И. Дормидонтов. Уличные музыканты. 1931 – 1934³

Подобная практика использования прав гражданства как политических санкций вела к фрагментации общества и к формированию различных нестабильных состояний принадлежности к государству. Институт гражданства работал как мощная машина означивания включения / исключения из «общего тела» нации.

³ URL: <http://www.art-spb.info/community/jazzmen?action=show&id=199> (дата обращения: 15.07.2020).

3. Сталинская «революция» в развитии концепта советского гражданства

Важным событием, обозначившим этап в развитии этих тенденций, стало принятие 19 августа 1938 года сталинского закона о гражданстве (краткую и емкую характеристику закона см.: (Кутафин, 2004)). Этот нормативный акт символизировал процесс, который можно рассматривать как своего рода сталинскую революцию в отношении к институту гражданства. Впредь этот закон можно было активно использовать для борьбы с внутренними и внешними врагами. Справедливости ради надо отметить, что Сталин во многом лишь развил те черты, которые уже присутствовали на ранних этапах становления обсуждаемого института. Специфическое советское право оставляло широкий простор для толкований в сфере гражданства — и человек, обладавший всеми гражданскими правами, в один день мог их лишиться. Уже Конституция 1918 года формулировала идею полезности или вреда граждан для дела социалистической революции. В Уголовном кодексе РСФСР (1926) речь шла о мерах социальной защиты с точки зрения поражения в политических и гражданских правах. Упомянулась такая категория, как «враг трудящихся» (ст. 20 (а)). Самой известной жертвой предвоенной поры был, конечно, Л. Д. Троцкий, лишенный советского гражданства специальным постановлением.

Еще одно важное отличие советского гражданства — также требование вовлеченности в гражданскую жизнь, или гражданской активности. В этом не было ничего нового — уже французская Конституция 1791 года устанавливала различие между активными и пассивными гражданами. Активные могли голосовать и служить в Национальной гвардии, пассивные этих прав не имели. Но, по Сталину, все граждане должны быть активны. Право объединяться в социальные организации — решающее для проявления гражданской политической активности. В формате активности граждане обязаны были проявлять энтузиазм, счастье и чувство благодарности. Советской жизни предписывалось быть активной и счастливой по сравнению с несчастливой и печальной эмоциональной жизнью прежних имперских подданных. Прошлые проблемы снимались самим фактом большевистского правления и начала новой счастливой эры. Ленин ранее провозглашал, что в республике не должно быть бездомных детей, только счастливые молодые граждане. При Сталине эмоциональный компонент революции был выражен на качественно новом уровне. В 1934 году И. Э. Бабель, улавливая дух эпохи, заявил, что большевистский период полон огня, страсти и веселья (Бабель, 1990, с. 380–381). Можно утверждать, что во времена Сталина происходила эмоциональная революция, направленная на переустройство личной жизни советских граждан.

Продукты массовой советской культуры 1930-х (массовая песня, кино) были переполнены соответствующими эмоциями. Яркий пример этой тенденции — кинофильм «Партийный билет» (фильм режиссера Ивана Пырьева, 1936). По ходу картины главный герой Павел Кузнецов

(артист Андрей Абрикосов) обманным путем проникает на секретный завод, оказываясь одновременно убийцей комсомольского лидера, шпионом, манипулятором любовью своей супруги Анны Куликовой (актриса Ада Войцек), носителем нескольких фамилий, — одним словом, полноценным «врагом народа» и воплощением абсолютного зла. Интересно, что в фильме принадлежность к партии и к советскому обществу рассматривается как высшая сакральная ценность, перед которой меркнет все остальное — семья, любовь, дружба, родственные чувства. В показательной сцене партийного собрания на заводе принадлежность к партии противопоставляется родственным, супружеским и дружеским отношениям. В иерархии человеческих отношений именно членство в партии стоит на самом важном месте.

Некоторые видные большевики рассматривали счастье как необходимую составляющую советского гражданства. В контексте сталинского дискурса и сталинского режима воображения великие достижения СССР с необходимостью вели к ощущению гражданами счастья. В процессе формирования большевистского режима исключению из числа полноправных граждан подвергались разнообразные группы и личности — бандиты и контрреволюционеры, члены бывших политических партий, белогвардейцы и солдаты царской армии, священники, помещики, зажиточные крестьяне, частные торговцы, враги народа, враждебные народы. Но такие явления имели место и при других режимах. Отличие состояло в том, что революционный режим развивался в условиях постоянно провозглашаемой борьбы и поиска внешних и внутренних врагов (см.: Alexopoulos, 2006).

Все вышеперечисленные особенности проявления гражданства позволяют говорить о развитии Сталиным советской сословности, создании «сословности 2». Знаменитый лозунг «Кто не работает, тот не ест» был одним из ее выражений. Члены большой советской семьи должны были защищать Родину-мать, уважать правила совместной жизни и оберегать социалистическую собственность. По Ленину, конституционные гарантии гражданских прав в Европе служили интересам богатых и обеспеченных слоев населения. Советское правительство гарантировало социальные права, в том числе право на образование, на труд, на достойную старость. Это не было уникальным явлением, но режим советского гражданства отличали постоянное подчеркивание превалирования обязанностей над правами и идея фундаментальных привилегий советского гражданства. Упоминаемые выше активность, патриотизм, энтузиазм как компоненты эмоционального переживания института гражданства можно встретить и в других случаях, например во времена Французской революции. Отличие было связано с навязыванием необходимости участия в социальных организациях под угрозой в ином случае лишиться статуса лояльности по отношению к государству. В сталинский период начинает развиваться дискурс официального описания социальной структуры советского бесклассового общества, состоящего из пролетариата, крестьянства и интеллигенции.

Это официальное видение полностью контрастирует с реальной сложной социальной структурой, которую разные исследователи ха-

рактизируют, используя различные модели. Но очень важно для описания социального статуса той или иной социальной группы учитывать ее близость или удаленность от государственных институтов. О.И. Шкаратан и В.В. Радаев определяют такую социальную стратификацию как ярко выраженную этакратическую систему (Радаев, Шкаратан, 1996). В результате формируется фрагментированное сообщество с людьми, живущими на разных уровнях структур принадлежности к гражданским измерениям. Существенной представляется возможность описания такого типа гражданства как результата синтеза элементов традиционного и современного обществ. Таким образом, концепции гражданства и сословность в имперский и советский периоды часто сосуществуют, взаимно дополняя друг друга и образуя причудливый синтез традиционного и современного подходов к интерпретации феномена гражданства.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Фонда «За русский язык и культуру» в Венгрии в рамках научного проекта №19-59-23007.

Список литературы

- Аббат Сийес: от Бурбонов к Бонапарту / сост. и пер. М.Б. Певзнера. СПб., 2003.
- Бабель И. Речь на Первом Всесоюзном съезде советских писателей // Соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 379–382.
- Кутафин О.Е. Российское гражданство. М., 2004.
- Лор Е. Российское гражданство. От империи к Советскому Союзу / пер. с англ. М. Семиколенных. М., 2017.
- Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М., 2014.
- Марасинова Е. «Закон» и «гражданин» в России первой половины XVIII века. Очерки истории общественного сознания. М., 2017.
- Маршалл Т.Х. Гражданство и социальный класс / пер. с англ. Ю. Дергунова // Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество. М., 2011. С. 145–220.
- Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М., 1996.
- Alexopoulos G. Soviet Citizenship, More or Less: Rights, Emotions, and States of Civic Belonging // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2006. Vol. 7, №3. P. 487–528.
- Brubaker R. Citizenship and Nationhood in France and Germany. Cambridge MA, 1992.
- Burbank J. An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2006. Vol. 7, №3. P. 397–431.
- Canovan M. The People. Cambridge, 2005.
- Chamberlain-Creanga R. The Transnistrean People: Citizenship and Imaginings of the State in the unrecognized Country // Ab Imperio. 2006. №4. P. 371–399.
- David-Fox M., Holquist P. M. Tiutchev versus Foucault? Citizenship and Subjecthood in Russian History // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2006. Vol. 7, №3. P. 391–395.
- Fitzpatrick Sh. Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // The Journal of Modern History. 1993. Vol. 65, №4. P. 745–770.

Handbook of Citizenship Studies. L., 2002.

Kymlicka W., Norman W. Return of the Citizen: Recent Work on Citizenship Theory // *Ethics*. 1994. Vol. 104, №2. P. 352–381.

Lohr E. The Ideal Citizen and Real Subject in Late Imperial Russia // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2006. Vol. 7, №2. P. 173–194.

Lohr E. *Russian Citizenship: From Empire to Soviet Union*. Cambridge, MA ; L., 2012.

Lohr E. Russian Citizenship Modernization and Population Policy in Historical Perspective // *Problems of Post-Communism*. 2013. Vol. 60, №6. P. 3–15.

Mann M. Ruling Class Strategies and Citizenship // *Sociology*. 1987. Vol. 21, №3. P. 339–354.

Pocock J.G.A. The ideal of citizenship since classical times / *Citizenship debates: a reader* / ed. by G. Shafir. Minneapolis, 1998. P. 31–42.

Weil P. Jus Soli versus Jus Sanguinis: The False Opposition between French and German Law // *Weil P.* How to be French? Nationality in Making since 1789. Durham, 2008. P. 173–193.

Об авторе

Дмитрий Викторович Козлов, кандидат исторических наук, доцент, директор МИОН при ИГУ, Иркутский государственный университет, Россия.

E-mail: dvk@home.isu.ru

Для цитирования:

Козлов Д.В. Концепции гражданства и сословность в русской истории — преемственность и / или разрыв // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2020. Т. 11, №3. С. 115–127. doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-8.

THE CONCEPT OF CITIZENSHIP AND ESTATE IN RUSSIAN HISTORY – CONTINUITY AND / OR GAP

*D. V. Kozlov*¹

¹ Irkutsk State University
1 Karl Marx St., Irkutsk, 664046, Russia,
Submitted on January 5, 2020
doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-8

The author studied the development of the concept "people" in contemporary history taking into account its possible interpretation as a bearer of sovereignty. This concept goes back to the time of early bourgeois revolutions. The author holds that there are certain parallels between the ideology of citizenship, the development of the concept "people / nation" and the interpretation of the concept "citizenship". Contemporary theoretical debates about citizenship are fully applicable to the history of the interpretation of citizenship in Russia. The United States or Great Britain have a century-long tradition of citizenship. Unlike them, Russia has gone through several stages of radical changes associated with deep political and social transformations, hence a variety of understanding of the concept analysed. A paradoxical interpretation of the concept "citizen" in Russia became evident in the 18th century. Then a citizen and a subject tended to be used either as synonyms or "citizens" were understood as a social group related to nobility. Thus, the concept analysed was used in a variety of meanings

and contexts. The same duality in the interpretation of citizenship within the class society manifested itself on the eve of the 1917 Revolution. The class-based duality of citizenship was also noticeable during the Soviet period. After the radical break with the past proclaimed by the Bolsheviks, the old class stratification system had to be changed. In the first month after the Revolution, the Bolsheviks officially abolished estates, titles and ranks. Under the 1918 Constitution of the RSFSR, the concept "class" became a legal term in Soviet Russia. Only "workers" received political rights and thus full citizenship. The official civil status or citizenship was an integral part of the ideology of workers and "exploited" classes as opposed to "non-working, bourgeois elements". The idea of citizenship ceased to depend on territory and nationality. As a result, a group of people was legally deprived of citizenship while permanently residing in the state. Paradoxically, in Soviet Russia citizenship was defined through its absence, through what it was not. The concepts of citizenship and classhood during the Imperial and Soviet periods often coexisted, complementing each other and forming a bizarre synthesis of traditional and modern approaches to the interpretation of the concept of citizenship.

Keywords: citizenship, estate, modes of citizenship, tradition of citizenship, "lishentsy", "enemy of the people", "enemy of the working class", the Soviet estates.

The study was funded by RFBR and FRLC, the research project № 19-59-23007.

References

- Pevzner, M. B., 2003. *Abbat Siies: ot Burbonov k Bonapartu* [Abbot Sieyès: from the Bourbons to Bonaparte]. St. Petersburg (in Russ.).
- Babel, I. Rech na pervom Vsesoyuznom s'ezde sovetskikh pisateley [Speech at the First All-Union Congress of Soviet Writers]. In: Babel I.E., ed. *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in two volumes]. Vol. 2. Moscow, pp. 379–382 (in Russ.).
- Kutafin, O. E., 2004. *Rossiiskoe grazhdanstvo* [Russian citizenship]. Moscow (in Russ.).
- Lohr, E., 2017. *Rossiiskoe grazhdanstvo. Ot imperii k Sovetskomu Soyuzu* [Russian citizenship. From Empire to the Soviet Union]. Translated from English by M. Semikolenykh. Moscow (in Russ.).
- Malakhov, V. S., 2014. *Kul'turnye razlichiya i politicheskie granitsy v epokhu global'nykh migratsii* [Cultural differences and political boundaries in the era of global migration]. Moscow (in Russ.).
- Marasinova, E., 2017. "Zakon" i "grazhdanin" v Rossii pervoi poloviny XVIII veka. *Ocherki istorii obshchestvennogo soznaniya* ["Law" and "citizen" in Russia in the first half of the 18th century. Essays on the history of public consciousness]. Moscow (in Russ.).
- Marshall, T. H., 2011. Citizenship and social class. In: B. G. Kapustin, ed. *Grazhdanstvo i grazhdanskoe obshchestvo* [Citizenship and civil society]. Translated from English by Yu. Dergunova. Moscow. pp. 145–220 (in Russ.).
- Radaev, V. V. and Shkaratan, O. I., 1996. *Sotsial'naya stratifikatsiya* [Social stratification]. Moscow (in Russ.).
- Alexopoulos, G., 2006. Soviet Citizenship, More or Less: Rights, Emotions, and States of Civic Belonging. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 7 (3), pp. 487–528.
- Brubaker, R., 1992. *Citizenship and Nationhood in France and Germany*. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press.
- Burbank, J., 2006. An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 7 (3), pp. 397–431.
- Canovan, M., 2005. *The People*. Cambridge: Polity Press.

Chamberlain-Creanga, R., 2006. The Transnistrean People: Citizenship and Imaginings of the State in the unrecognized Country. *Ab Imperio*, 4, pp. 371 – 399.

David-Fox, M. and Holquist, P., 2006. M. Tiutchev versus Foucault? Citizenship and Subjecthood in Russian History. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 7 (3), pp. 391 – 395.

Fitzpatrick, Sh., 1993. Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia. *The Journal of Modern History*, 65(4), pp. 745 – 770.

Isin, E.F. and Turner, B.S., eds., 2002. *Handbook of Citizenship Studies*. SAGE Publications.

Kymlicka, W. and Norman, W., 1994. Return of the Citizen: Recent Work on Citizenship Theory. *Ethics*, 104, pp. 352 – 381.

Lohr, E., 2012. *Russian Citizenship: From Empire to Soviet Union*. Cambridge, MA and London: Harvard University Press.

Lohr, E., 2013. Russian Citizenship Modernization and Population Policy in Historical Perspective. *Problems of Post-Communism*, 60 (6), pp. 3 – 15.

Lohr, E., 2006. The Ideal Citizen and Real Subject in Late Imperial Russia. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 7 (2), pp. 173 – 194.

Mann, M., 1987. Ruling Class Strategies and Citizenship. *Sociology*, 21 (3), pp. 339 – 354.

Pocock, J.G., 1998. A. The ideal of citizenship since classical times. In: G. Shafir, ed. *Citizenship debates: a reader*. University of Minnesota Press, Minneapolis. pp 31 – 42.

Weil, P., 2008. Jus Soli versus Jus Sanguinis: The False Opposition between French and German Law. In: P. Weil, ed. *How to be French? Nationality in Making since 1789*. Durham: Duke University Press. pp. 173 – 193.

The author

Dr Dmitrii V. Kozlov, Director of CASE, Irkutsk State University, Russia.
E-mail: dvk@home.isu.ru

To cite this article:

Kozlov, D.V., 2020, The concept of citizenship and estate in Russian history – continuity and / or gap, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 3, p. 115–127. doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-8.

ТРЕБОВАНИЯ К ПОДГОТОВКЕ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «СЛОВО.РУ: БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи – до 1,5 п.л.; научного сообщения – до 0,5 п.л. (включая заглавие, аннотацию, ключевые слова, список литературы на русском и английском языках).

4. Все присланные в редакцию рукописи проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку по системе «Антиплагиат», по результатам чего принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Уровень оригинальности авторских материалов по данным системы «Антиплагиат» должен составлять не менее 80 % (с учетом оформленного цитирования и самцитирования).

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Для рассмотрения редакционной коллегией статья может быть отправлена по электронной почте главному редактору либо ответственному редактору журнала. Также статья может быть подана на рассмотрение через электронную форму на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/>

7. Решение о публикации (доработке, отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК, который должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

- название статьи строчными буквами на русском и английском языках;
- аннотацию на русском и summary на английском языке (200–250 слов); аннотация располагается перед ключевыми словами после заглавия, summary – после статьи перед references;

- ключевые слова на русском и английском языках (4–10 слов); располагаются перед текстом после аннотации;

- список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, и references на латинице (Harvard System of Referencing Guide);

- сведения об авторе(-ах) на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, место работы, e-mail, контактный телефон, почтовый адрес места работы).

2. Оформление списка литературы.

- Список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, приводится в конце статьи в алфавитном порядке без нумерации. Сначала перечисляются источники на русском языке, затем – на иностранных языках.

Если в списке литературы есть несколько публикаций одного автора одного года издания, то рядом с годом издания каждого источника ставятся буквы *a*, *b* и др. Например:

Брюшинкин В. Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. №26. С. 148–167.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht ; Boston ; L., 1992.

• Источники, опубликованные в интернет-изданиях или размещенные на интернет-ресурсах, должны содержать точный электронный адрес и обязательно дату обращения к источнику (в круглых скобках) по образцу:

Walton D. A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (дата обращения: 09.11.2009).

3. Оформление references.

В английский блок статьи необходимо добавить список литературы на латинице (references), оформленный по требованиям *Harvard System of Referencing Guide*: сначала дается автор, затем год издания. В отличие от списка литературы, где авторы выделяются курсивом, в references курсивом выделяется название книги (журнала). В квадратных скобках дается перевод на английский язык названия указанного источника, если он издан не на латинице. Например:

Книга на кириллице: Borisov, K. G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovanija processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskikh sojazej v sovremennoj vseobshhej sisteme gosudarstvo* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern system of universal], Moscow, 363 p.

Книга на латинице: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Журнальная статья на кириллице: Dezhina, I. G. 2010, Menjajushhiesja priority mezhdunarodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of international scientific and technological cooperation between Russia], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143–155, available at: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Журнальная статья на латинице: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83–101.

Более подробно с правилами составления references можно ознакомиться на сайте: libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm

4. Оформление ссылок на литературу в тексте.

• Ссылки на литературу в тексте даются в круглых скобках: автор или название источника из списка литературы и через запятую год и (для цитаты) номер страницы: (Кант, 1994а, с. 197) или (Howell, 1992, p. 297).

• Ссылка на многотомное издание: автор или название источника из списка литературы, затем через запятую год, номер тома и номер страницы: (Шопенгауэр, 2001, т. 3, с. 22).

5. Предоставленные для публикации материалы, не отвечающие вышеизложенным требованиям, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <https://journals.kantiana.ru/journals/slovoru/pravila-oformleniya/>

Порядок рецензирования рукописей

1. Все рукописи, поступившие в редколлегию, проходят двойное «слепое» рецензирование.

2. Главный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования определяются с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии устанавливается:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли в данной области;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом имеющейся по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале.

5. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, главный редактор журнала направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная к публикации хотя бы одним из рецензентов, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией.

9. После принятия редколлегией решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редакции журнала в течение пяти лет.

SLOVO.RU: THE BALTIC ACCENT JOURNAL

Guide for authors

1. The journal welcomes relevant and novel contributions. Articles submitted should include problem formulation, results, and conclusions and comply with the guide requirements.

2. Submitted materials should be original and not published elsewhere. Upon submitting an article to the journal, the author undertakes not to publish the article elsewhere, in whole or in part, without consent from the editorial board of the journal.

3. The recommended length of an article is 40,000 characters and that of a report is 20,000 characters with spaces, abstracts, keywords, and references in Russian and English.

4. All submitted contributions are subject to double-blind peer review and plagiarism scanning. The acceptable similarity index is below 20%.

5. There is no charge for publication.

6. To be considered by the editorial board, contributions are submitted via e-mail to the editor-in-chief or the publishing editor. Alternatively, authors can use the submission form on the IKBFU Journals website at <http://journals.kantiana.ru/>

7. The decision on the acceptance, improvement, or rejection of articles is made by the editorial board, following peer review and discussion.

Article structure and style

1. Contributions should include:

- a Universal Decimal Classification index (UDC) most relevant to the topic of the article;
- the title of the article in English and Russian, all lowercase;
- abstracts in English and Russian (200–250 words); the abstract in Russian is placed after the title and before the keywords; the summary in English is placed after the body of the article and before the references;
- keywords in Russian and English (4–10 words); keywords are placed before the body of the article after the abstract;
- references in Russian prepared according to GOST R 7.0.5.-2008 and Harvard-style references in the Latin script;
- a brief autobiographical note in Russian and English, including the full name(s), academic title(s), affiliation(s), e-mail address(es), phone number(s), and work address(es) of the author(s).

2. References.

• References prepared according to GOST R 7.0.5.-2008 are given at the end of the article in alphabetical order, unnumbered. Sources in Russian are listed first, followed by those in foreign languages. If works that have the same author and were written in the same year are cited, a lowercase letter (*a*, *b*, etc.) should be used after the date to differentiate between the works. For example:

Брюшинкин В.Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. №26. С. 148–167.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht; Boston; L., 1992.

• If an online source is cited, the reference should include the exact URL for the article and the date of accession, parenthesised. For example:

Walton D. A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (accessed 09.11.2009).

3. References in the Latin script.

The English-language part of the article should contain Harvard-style references in the Latin script: name of the author(s) followed by the year of publication. The title of the book (journal) should be italicised. If a work has not been published in a language using the Latin script, an English translation of the title should be provided in brackets. For example:

Cyrillic-script book: Borisov, K. G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovanija processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskikh svjazej v sovremennoj vseobshhej sisteme gosudarstv* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern universal system of states], Moscow.

Latin-script book: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Cyrillic-script article: Dezhina, I. G. 2010, Menjajushhiesja prioritety mezhdunarodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of Russia's international scientific and technological cooperation], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143–155, available from: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Latin-script article: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83–101.

For more details on Harvard-style referencing, see libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm

4. In-text referencing.

• In-text references should be parenthesised and include the name(s) of the author(s), the year of publication, and the page number (for citations), separated by commas. For example: (Howell, 1992, p. 297).

• References to multi-volume works: the name(s) of the author(s), the year of publication, the volume number, and the page number, separated by commas (Schopenhauer, 2001, 3, 22).

5. A failure to meet the above requirements may result in the rejection of a manuscript.

Formatting

Manuscripts should be submitted in an electronic format as an a4-size document (210 × 297 mm).

Contributions are accepted in the *doc* and *docx* formats only (Microsoft Office).

For more details on the text, table, and figure formatting and referencing, see the IKBFU Journals website at

<https://journals.kantiana.ru/journals/slovoru/pravila-oformleniya/>

Peer review process

1. All submitted contributions are subject to double-blind peer review.
2. The editor-in-chief establishes whether submitted works fit the scope and comply with the standards of the journal and submits them for review to an expert with relevant qualifications, holding a doctoral or postdoctoral degree.
3. The review period is such as to ensure prompt publication of accepted articles.
4. The review establishes:
 - a) whether the content of the article corresponds to its title;
 - b) whether the contribution is in line with the latest findings in the field;
 - c) whether the language, style, and layout of the text, tables, diagrams, figures, and formulae make the work clear to readers;
 - d) whether the article contains original research;
 - e) what the strengths and weaknesses of the article are and what improvements should be made;
 - f) whether the manuscript is suitable for publication in the journal.
5. The review is sent to the author via e-mail.
6. If a reviewer recommends reworking the article, these recommendations are sent to the author with suggestions for revision. The author(s) has(ve) the right to defend his/her(their) position. A revised article is resubmitted for review.
7. An article that has been rejected by at least one reviewer cannot be resubmitted. The text of a negative review is sent to the author via e-mail, fax, or regular mail.
8. A positive review is a necessary but not sufficient condition for publication. A final decision is made by the editorial board.
9. If a positive decision is made, the publishing editor notifies the author(s) and inform him/her(them) of the publication date.
10. The editorial board keeps reviews for five years.

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT

2020

Том 11
Vol. 11

№ 3

ПОНЯТИЕ «НАРОД»
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
МОДЕРНА:
РУССКИЙ КОНТЕКСТ
Тематический выпуск

THE CONCEPT «PEOPLE»
IN THE MODERN POLITICAL
THOUGHT:
RUSSIAN CONTEXT
Thematic issue

Редактор *И. Дементьев*. Корректор *П. Щербakov*
Компьютерная верстка *Г.И. Винокуровой*

Copy-edited by *I. Dementev, P. Shcherbakov*
Layout by *G. Vinokurova*

Подписано в печать 07.08.2020 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 11,7
Тираж 120 экз. (1-й завод — 80 экз.). Заказ
Свободная цена

Signed 07.08.2020
Page format 70×108¹/₁₆. Reference printed sheets 11,7
Edition 120 copies (first print: 80 copies). Order
Free price

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
6 Gaidara st., Kaliningrad, 236022, Russia